

РОМАН *жизнь*

№ 4 (184) 1959

Мирза Ибрагимов
СЛИЯНИЕ ВОД

МИРЗА ИБРАГИМОВ

28 апреля 1920 года в Баку победила советская власть. После революции многое изменилось в жизни девятилетнего батрака-сироты Мирзы. Он стал учиться — сначала в школе, потом фабрично-заводском училище, в нефтепромысловом техникуме, участвовать в кружке рабочих-писателей и работать — слесарем, затем техником по бурению. Девятнадцати лет Мирза Аждар оглы Ибрагимов вступает в члены Коммунистической партии.

С 1930 года начинается его литературная деятельность: на страницах печати появляются его стихи, рассказы и очерки. М. Ибрагимов пишет о хорошо знакомой ему жизни бакинских нефтяников, о раскрепощении женщины и ее приходе на фабрику. Страна живет новостройками, делает гигантские шаги к социализму, и писатель стремится познать жизнь, запечатлеть величественную поступь времени: он ездит по Украине и Югу России, видит зарождение социалистического Донбасса, вздымающиеся к небу корпуса промышленных предприятий — и там рождается книга его очерков «Страна гигантов».

В 1935 году М. Ибрагимов написал драму «Хаят» о победе колхозного строя в деревне. Вслед за ней появилась антифашистская пьеса «Мадрид» (1938), а в годы войны драма «Махаббат» (1942), посвященная труженикам тыла Азербайджана.

Тема борьбы против фашизма и реакции, ведущая в творчестве писателя, легла и в основу его первого крупного прозаического произведения — романа «Наступит день» (1948), удостоенного Сталинской премии. Роман посвящен демократическому движению народов Ирана.

В эти годы М. Ибрагимов избирается депутатом Верховного Совета СССР, председателем Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, как член Советского Комитета Защиты Мира участвует в работе многих международных конференций.

Одним из наиболее значительных произведений М. Ибрагимова является роман «Беюк даяг» («Великая опора»), названный автором в русском переводе «Слияние вод».

В центре романа — судьба председателя колхоза «Новая жизнь» Рустама, сложного, противоречивого по характеру человека. Он самоотверженно трудится, уважает в людях искренность и прямоту, но, добившись больших успехов в послевоенном восстановлении колхоза, начинает верить в свою исключительность и непогрешимость.

В колхозе и дома он ведет себя как полновластный хозяин, «феодал», возрождает дедовские домостроевские обычаи. Окруженный льстецами и подхалимами, Рустам перестает ценить простых тружеников и теряет живую связь с людьми, великую народную опору. Трагизм положения Рустама усугубляется еще и тем, что он порою ясно видит истинное лицо своих «союзников», но силою обстоятельств никак не может порвать с ними. Постепенно обостряется конфликт между колхозниками «Новой жизни» и запутавшимся Рустамом, пока он до конца не осознает всю тяжесть своих заблуждений.

Перед читателем проходят интересные женские образы романа: чуткая и умная жена Рустама Сакина, его дочь Першан, живая и обаятельная девушка, невестка Рустама Майя, мужественно отстаивающая свои убеждения, — все они люди нашего времени по духу, по моральной закалке, борющиеся за счастье свое и своих близких.

Роман интересен живым изображением ярких национальных характеров, красочными картинками родной природы. Всеми образными, художественными средствами он доказывает: ничто не страшно человеку, если за ним стоит народ.

Ч. Гусейнов.

РОМАН-ГАЗЕТА

4 (184) 1959

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

Мирза Ибрагимов

СЛИЯНИЕ ВОД

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Этим вечером в Муганской степи было тепло, тихо, словно ранней осенью, а ведь уже наступила зима.

После заката солнца туман окутал бесснежную равнину, покрытую жухлой, увядшей травой, но поднялась луна, и мгла поредела, развеялась, открылось по-южному бездонное, сверкающее звездами небо Мугани. А когда, скользнув над крышами, луна закатилась, звезд стало еще больше — не сосчитать; задумчивые, светлоокие, они пристально всматривались в нашу землю, словно читали запечатленный на ней дастан¹ о любви.

В такой поздний час председатель колхоза Рустам обычно сидел за стаканом янтарно-желтого чая и, подперев голову рукой, припоминал весь трудовой день с его заботами и волнениями и предавался размышлениям, изредка перекидываясь словечком с женою. Сакина, все еще статная, моложавая, несмотря на годы, вязала шерстяные носки или вышивала, прислушиваясь к смеху и щебетанию дочери, односложно отвечая супругу; сидеть сложа руки Сакина не умела. А дочка Першан, хоть и минуло ей восемнадцать лет, занималась перед сном всякими пустяками: то перед зеркалом повертится, то с кошкой поиграет, то песенку затынет и сразу же оборвет, над чем-то весело рассмеявшись...

¹ Дастан — поэма.

Однако сегодня вечер выдался гнетуще-унылый. У Першан сердце сжималось, когда она искоса поглядывала на хмурого отца и задумчивую мать. Словно поссорившись, они не замечали друг друга.

Порывшись в книжном шкафу, занимавшем весь угол просторной комнаты, Першан взяла наугад какую-то книгу, полистала и отбросила; подошла к квадратному с точеными ножками столику, включила радиоприемник. В комнату ворвались скрежещущие, хрипло-резкие звуки. Рустам исподлобья взглянул на дочь, но ничего не сказал. Вскоре и радио наскучило девушке. Выключив приемник, она подошла к окну.

Глава семьи неподвижно сидел у самовара; чай остывал в граненом стакане. Резная трубка дымилась в руке Рустама, а на столе перед ним стояла раскрытая коробочка «Золотого руна». Обычно Рустам с удовольствием вдыхал медовый, пряный запах этого табака, любовался его коричнево-золотистым цветом, а теперь он, казалось, не замечал ни цвета, ни запаха, нетерпеливо пощипывал трубку, наполняя комнату клубами темно-синего дыма.

С самого утра Рустаму не повезло, словно черная кошка дорогу перебежала.

Войдя во двор правления, он увидел сидевшую на ступеньках крыльца тетушку Телли и поморщился. «Старуха вечно приносит дурные вести», — подумал он. Предчувствие не обмануло: быстро поднявшись навстречу, тетушка напустилась на него с упреками:

— Ай, киши¹, беда какая, а ты спишь долго! На ферме зараза так и валит овец!

Председатель окинул ее злым взглядом, будто сама тетушка Телли в синем жакете и юбке со сборками занесла на ферму заразу.

— Когда наконец, арвад², я услышу из твоих уст добрую весть? Дай хоть пройти в кабинет!

Тетушка поправила смуглой жилистой рукой съехавший на затылок черный платок и сердито крикнула:

— Дурные или добрые вести, а если ты председатель, так берись за дело! Побывала я у сына на ферме, своими глазами видела, как овцыдохнут. А ведь самое время окота.

— Есть ветеринар — пусть он и лечит, — возразил Рустам. — Нельзя с любым делом приставать к председателю. Самостоятельность хоть какую-то надо проявлять!

«Напрасно порчу кровь с этой скандалисткой», — решил он и, обойдя тетушку, вошел в дом.

Все же он немедленно связался по телефону с районным центром, разыскал нужных людей и успокоился, лишь когда его заверили, что ветеринар с ампулами выезжает на ферму.

Приказав сторожу подать коня, Рустам вышел на веранду и увидел вбежавшего в ворота бригадира Гусейна.

— Н-ну?... — крикнул Рустам, предчувствуя новую беду.

Вместо ответа бригадир бормотал что-то невнятное — за эту манеру давно был он прозван односельчанами «Немым Гусейном».

— Да вы пытались вытащить?... — грозно произнес председатель, поняв наконец, что грузовик с минеральными удобрениями угодил в придорожную канаву.

Немой Гусейн только шевелил мясистыми губами, не говоря ни «да», ни «нет».

Махнув рукою, Рустам вскочил в седло и поспешил в степь.

Грузовик прочно засел в канаве задними колесами. Шофер спал в кабине, накрывшись кожаной курткой. Растолкав его, Рустам велел сбегать на ближнее поле и позвать колхозников. Когда сняли мешки с удобрениями, оказалось, как и предполагал Рустам, что вытащить машину не так уж трудно. Председатель распорядился, сам подпирал могучим плечом воющую от натуги машину, орал на Немого Гусейна, наконец-то пришедшего из села. Взмокнув до седьмого пота, сорвав голос, Рустам влез в седло и направил коня к овцеводческой ферме.

Вернулся он домой поздно вечером, усталый, с забрызганным грязью лицом. И почему-то ему

понадобилось именно сегодня, сейчас, когда нервы напряжены до предела, закончить с женою спор, начатый несколько дней назад. Но как и с чего возобновить разговор, Рустам не знал и терпеливо поджидал удобного случая, а тем временем до красноты в лице затягивался трубой.

Сакина не привыкла расспрашивать мужа о колхозных делах. Молчит — пусть молчит, значит, так надо. Поджав ноги, она сидела на пестром ковре, разложив вокруг себя коробки с клубками ниток, иголками, пуговицами. Она была, как всегда, спокойна и как бы не замечала ни беспокойных взглядов дочери, ни угрюмого вида мужа. Глядя со стороны, можно было подумать, что она поглощена вышиванием, а на самом деле Сакина и не видела, как мелькает игла в ее ловкой руке: муж и дочка — вот о ком она размышляла в тревоге.

А когда страстно, нетерпеливо прозвучала где-то на улице песня, мать, уколотившись иглою, даже не вздрогнула, а только вопросительно подняла глаза на восторженную дочь. Та, слышав звуки баяты¹, глубоко вздохнула и еще плотнее прижалась к косяку окна. Песня приближалась издали и билась, словно заблудившаяся птица крыльями, в стекла. Першан захотелось распахнуть окно, чтобы ворвался в дом страстный мужской голос, но она сдержала порыв. Теперь песня звучала совсем близко...

Мутна вода Аракса.
Цветут сады весной.
Побудь со мной, любимая,
Часок побудь со мной!²

Вслушавшись в песню, председатель усмехнулся, снял со стены полевую сумку, заменявшую ему портфель, вынул записную книжку и написал для памяти: «Поручить бригадир Ширзаду организовать хоровой кружок». Мысль была, что и говорить, дельной. «Нечего зря драть горло такому сладкоголосому соловью, — сказал себе Рустам, — пусть готовит хор к районному смотру самодеятельности. И чтоб без диплома первой степени не возвращались!»

А у Першан — будто и не томилась весь вечер — лицо сияло, глаза горели. И, словно угадав, что песня волнует сердце девушки, певец затянул еще печальнее:

И солнце закатилось,
И свет луны погас.
Твоя стрела, любимая,
Приблизит смертный час!

В другое время Рустам смекнул бы, что страстную баяты случайно не поют под окнами дома, в котором живет такая девушка, как Першан. «Приглядывай за дочкой!» — строго наказал бы он жене. А сейчас, опустив на грудь го-

¹ Киши — здесь: уважаемый, почтенный.

² Арвад — женщина; в данном случае звучит грубо, пренебрежительно.

¹ Баяты — народная песня.

² Стихотворные переводы А. Плавника.

лову с чалмою перепутанных седеющих кудрей, он грустно улыбался, не вникая в смысл баяты, вспоминая, как он сам когда-то распевал у дома юной Сакины.

Он поискал взглядом жену, но оказалось, что Сакина, собрав вышивание, ушла в соседнюю комнату.

Это Рустаму не понравилось: равнодушие какое-то, чуть ли не презрение... Он решил с места не двигаться, лучше ночного сна лишиться, а во что бы то ни стало сегодня же поговорить с женою и кончить затянувшийся спор.

2

Рустам и Сакина поженились ровно тридцать лет назад. Тридцать лет они жили одной судьбою, честно деля друг с другом радости и невзгоды, тридцать лет склоняли головы на одну подушку и укрывались одним одеялом.

За эти годы только однажды не совпали их желания, не сошлись думы и помыслы.

Это произошло в самый канун войны.

К тому времени Рустама уже величали «Рустамом-киши», он был окружен народным уважением и признанием. Нужно дожидаться, когда люди сами, в чистоте души, произнесут: «киши». Ведь этого не впишешь в паспорт! Но слово это не только ласкает слух и тешит тщеславие, оно приносит и печальное раздумье: дни молодости остались позади, много, слишком много кирпичей искрошилось, выпало из стен дворца жизни...

А Рустам в ту пору переживал расцвет своей жизни. Уже два года был он председателем колхоза «Новая жизнь», и этот один из крупнейших на Мугани колхоз тоже расцветал, как по весне вся напоенная влагой, тучная, по-матерински щедрая Муганская степь. Первенцу сыну Гарашу было восемь, а щебетунье Першан — три года. Угловатая, худенькая Сакина пополнела, как бы выпрямилась и привлекала взоры встречаемых зрелой красотой счастливой тридцатипятилетней женщины.

Как-то раз осенним вечером, когда дети уже улеглись спать, муж и жена сидели под навесом. Сакина вязала дочке к зиме шерстяные чулки, придвинув поближе керосиновую лампу, а Рустам с довольной улыбкой рассказывал ей, что вот, мол, выполнил колхоз государственные поставки и впервые — впервые, это надо понять! — выдал на трудовень по два килограмма зерна, по пять рублей деньгами. А овощи? А фрукты? Мед? Подсчитай-ка, сколько весит колхозный трудовень! Вот уж действительно не зря назван колхоз «Новая жизнь»!

Он говорил весело, и хорошо было у него на душе, и часто взглядывал на жену, любуясь ею. Сакина, не отрывая глаз от спиц и ползущей в ее

пальцах шерстяной нити, внимательно слушала мужа, согласно кивала, и в добрых глазах ее можно было прочитать безмятежное довольство судьбою, мужем, детьми. Аромат ее волос, тепло ее статного тела пьянили Рустама, и он сказал дрогнувшим голосом:

— Хватит, убирай клубок и спицы, стели постель, спать пора.

Сакина почувствовала нетерпение мужа, улыбнулась сдержанно:

— Не спеши, ночь длинная.

Рустам вскочил, порывисто потянул жену за руку и вздрогнул, но не оттого, что упала, зазвенев, спица, а потому, что впервые почувствовал, как груба ее рука, будто кожу продубили и высушили под солнцем. Он первый раз в жизни подумал, что жена много лет работает кетменем, а вечерами хлопочет в доме, и, крепко сжав ее руку, приказал:

— Завтра не выйдешь в поле.

Сакина подумала, что муж шутит. А может, Рустам решил испытать ее? И глаза Сакины, голубые, кроткие, улыбнулись.

— Бросай звено, хватит! — повторил Рустам.

— Ай, киши, ты хочешь на старости лет, чтоб жена твоя превратилась в госпожу? Не годится это, да и госпожи из меня не выйдет.

— Госпожа... Ты мне и не нужна госпожой. Открываем детский сад, вот туда и пойдешь. Работа легкая, останется время и для стряпни и для того, чтобы за собой следить.

Муж не шутил, но и Сакина не была расположена к шуткам:

— Нет, киши, никуда не пойду. Что мне детский сад? Скучно! Во-первых, дала слово стать мастером высокого урожая, во-вторых...

— Ха! «Во-первых, во-вторых»! — прервал ее Рустам. — Об ордене мечтаешь?

— От тебя скрывать не буду: мечтаю.

— Ну, а во-вторых?

— Во-вторых, в старину говорили: «Внимай проповеди муллы, но не подражай его поступкам». Если я не выйду в поле, то с каким же лицом ты станешь стучаться в окна и напоминать чужим женам, что пора на работу? Лучше от стыда сквозь землю провалиться, чем услышать: «Сперва свою жену отправь, потом нас зови!» А ведь так ответят. Не хочу, чтоб тебя упрекали!

— Это меня-то станут упрекать? Не бойся! — Рустам встряхнул кудрями. — Сама видишь, десять лет у нас гроши на трудовень выдавали, а я все перевернул кверху дном: семь-восемь центнеров каждому, денег уйма. И все государственные поставки выполнили! А в наше время план выполнил — гуляй не хочу, шапка набекрень, никто не осудит, худого слова не скажет.

— Выходит, выполнил план — и законы не для тебя писаны? — спросила Сакина. — Почему же у гашимлинцев председателю десять лет вле-

пили? Там ведь тоже планы выполняли, на Доске почета красовались. Нет, киши, себя не обманывай. Не хочу, чтоб ты вознесся, как тополь, — рукой не достать. И увидеть тебя павшим не желаю, чтоб ногами топтали. Мудрый всегда одинаков: и когда он в почете, греется на солнце-пеке, и когда в тени...

— Обо мне не беспокойся, — возразил Рустам. — Участь председателя гашимлинцев меня не постигнет. Тот от жадности чуть не рехнулся, забыл о законах, колхозным добром обожрался. Брал-брал, во все карманы совал, вот и попал за решетку!

— Ай, киши, не сразу ведь и у того глазки разгорелись! — сказала Сакина. — Наверно, и он сперва загордился, возомнил о себе бог весть что. А тут еще планы перевыполнили, Доска почета, премии, портреты... Вот и решил, что все дозволено.

— Я-то тут при чем? — насулился Рустам.

— А при том, что я привыкла работать. Жиром, что ли, обрастать? Не дай бог, наступят черные дни, а я и кетменя не подниму. Нет, нет, киши, назначай в детский сад вдову или девушку, а я уж в поле останусь!

У Рустама всю осень было такое радужное настроение, что ему сейчас даже не хотелось сердиться на жену. Он толком не разобрался в смысле ее слов — так, обычная женская мнительность, причуды. И все-таки откуда взялся у нее этот решительный тон, эта душевная стойкость? Рустам привык к уступчивости жены. Почему же сегодня она так своевольна и дерзка? Что-то новое было в Сакине, непонятное Рустаму, что задевало его самолюбие. Он пристально поглядел на жену, и, под влиянием недоброго чувства, все то, что несколько минут назад влекло к ней: и налитые плечи, и высокая грудь, и пряди волос, обрамлявшие миловидное лицо, — все теперь показалось отталкивающим, чужим. Наполнив чубук табаком, он вполголоса сказал:

— Хватит пререкаться! Я все обдумал. Завтра же пойдешь в детский сад.

— А где же моя свобода? — так же тихо спросила Сакина. — Не ты ли на всех собраниях распинаешься о женском равноправии?

Когда Рустам приходилось видеть слезы жены, ему хотелось утешить, приласкать ее. Отвернувшись, он проворчал:

— Разве свобода — самоуправство? Муж — муж, жена — жена. Или в этом доме у хозяина не осталось никаких прав?

— Права у тебя очень большие. Но и у меня есть право распорядиться своей жизнью. В этом, прости, ты не властен...

Сказано было спокойно, даже слезы высохли в глазах Сакины, но именно в эту минуту Рустам понял, что потерпел поражение: всегда уступчивая жена стала твердой, как булатный клинок...

— А, чтоб тебя... — пробормотал Рустам и ушел в сад, долго гулял там, а затем постелил себе постель под навесом, улегся и притворился спящим, хоть и слышал, как бродила по двору Сакина.

Конечно, они помирились, следующей же ночью помирились, но только на фронте, в боях, мучимый тоскою по жене, по детям, Рустам понял, как была безоговорочно права Сакина, и хотел написать ей об этом, но все медлил: то ли некогда было, то ли забыл, то ли мешало уязвленное самолюбие.

А в районной газете, которая приходила в часть, хвалили звеньевую Сакину Рустамову, славили ее как мастера высоких урожаев, и Рустам знал, что семья не ведает нужды, что дети сыты и учатся в школе, а не торгуют яблоками и арбузами на перекрестках, как некоторые солдатские ребятишки. В мае 1942 года на фронте под Харьковом Рустам получил номер газеты с портретом Сакины, награжденной орденом Трудового Красного Знамени. Вот тогда-то и хватило у него мужества и великодушия написать жене: «Прости, я был во всем виноват...» Да, в те дни он видел, что у жены глаза зорче, чем у него, и что Сакина понимает в жизни то, что он, охмелевший от успехов, понять не умудрился. И он дал себе слово никогда не принуждать ее ни в чем, доверять ее мудрости и чуткости.

8

Не все люди остаются верными клятве, данной в часы душевного подъема, когда сердце теснится благородными побуждениями. Время безжалостно и жестоко, оно у многих сглаживает и притушает полноту чувств, стирает из памяти те священные мгновения, когда рождались, казалось бы, незыблемые клятвы.

Отшумела буря войны. Усталые солдаты сдали на склад винтовки и взяли в руки топоры, пилы; танкисты пересели на тракторы и комбайны; плуг провел первую борозду по изрытой воронками земле, и сеятель вышел в поле сеять... Люди нашли в себе силы взяться за мирный труд с тем же мужеством и вдохновением, с каким сражались четыре года подряд. Вступало в жизнь новое поколение солдатских детей и внуков.

Произошли перемены и в семье Рустамовых. Голова Сакины сделалась похожей на вишневый куст, схваченный инеем, паутинка морщинок пролегла у ее милых глаз и красиво очерченного рта. Крохотный румяный Гараш превратился в юношу, стала взрослой девушкой Першан.

И Рустам был уже не тот. Поредела копна густых волос, зазмеились в них серебряные нити. Но не согнулся, не сгорбился Рустам, высоко держал голову, выходя к людям, и многие смущались, встречая его твердый взгляд. А школь-

ники торопливо стаскивали шапчонки: «Добрый день, дядюшка Рустам!» Ну, дядюшка так дядюшка. Скоро станут величать дедушкой! Что тут поделаешь?

Происходили в характере Рустама и неприятные перемены, которые лучше всех видела, конечно, Сакина: муж становился нетерпеливым, вспыльчивым. Но Сакина любила его и во всем оправдывала: война... Порою она отмалчивалась, порою хитрила, твердо веря, что сколько бы муж ни горячился, ни спорил, а ведь в конце-то концов ей же подчинится. В часы семейных неурядиц, — а как без них обойдешься! — она старалась отвечать спокойно, внимательно подбирала слова, чтобы нечаянно — упаси боже! — не вывести мужа из терпения. Иногда и уступала...

Неделю назад, едва они улеглись в кровать, Сакина весело сообщила:

— Ай, киши, поздравляю: сын надумал жениться!

— Что ж ему, до седых волос холостяком резвиться? — заметил Рустам. — Похвальное намерение. Есть кто-нибудь на примете?

— Не было бы — так и речи не завела бы... Городская! Уже обо всем сговорились. Откуда бы ни пришла, из города или из села, лишь бы оказалась достойной. Больше всего боялась — не встретился бы с ветреной девчонкой.

— С чего бы? Кажется, Гараш вскормлен твоим молоком и моим хлебом. Кем попало не прельстится.

Сакина готова была возразить, что всякое случается, бывает и так, что хорошие парни увлекаются смазливými вертушками, но промолчала. «А вдруг напророчу?» И только сказала, вздохнув:

— Да сбудутся твои слова, киши!

Добрая весть пришлась по сердцу. В последнее время Рустам часто с тревогой думал, как бы не страхлась с сыном беда. Попробуй-ка удержи красавца игита!¹ Ведь любая девчонка при встрече с Гарашем меняется в лице и дышит стесненно, а в глазах искорки...

— Чем быстрее введет невестку в наш дом, тем лучше, — сказал Рустам.

— Да и я так думаю: пора готовить молодым спальню! — обрадовалась Сакина.

Но еще больше обрадовалась Першан: она прыгала, резвилась, тормошила мать, украшала комнату Гараша, переставляя из угла в угол мебель.

Вот тут-то в доме Рустамовых и начались раздоры.

Председателю передового колхоза захотелось устроить сыну пышную свадьбу. Он решил пригласить на семейное торжество не только односельчан, но и руководящих деятелей района.

¹ Игит — молодец, герой.

Пусть множество столов ломится от яств, пусть колонна легковых машин доставит невесту с подружками, пусть оркестр встретит ее... «Вот это по-нашему, по-рустамовски!»

Першан обрадовалась: чего таить, о такой же своей собственной свадьбе мечтала она знойными летними ночами.

Но, к удивлению мужа и дочери, Сакина не одобрила эту затею:

— К чему пышность? Пригласим пять-шесть друзей Гараша, родственников. Чем скромнее, тем сердечнее.

— Да что ты! — Рустам обиделся. — Единственный сын! И я поскуплюсь на его свадьбу? А что в районе скажут? Осудят. «Председатель Рустам денег пожалел на свадебный пир!» Нет, жена, неразумны твои речи. И опять же, пусть невеста увидит, что мы для счастья сына ничего не жалеем...

— Ну-у, мамал.. — капризно надула губки Першан. — Разве ты не хочешь, чтобы они были счастливы?

— Не в этом счастье, девочка, — ответила Сакина. — Когда мы с отцом женились, на свадьбе даже зурначей¹ не было. А всем бы так хорошо жизнь прожить.

— Времена были не те, — возразил Рустам. — Я же батрачил, бат-ра-ком был, нищим! Помнится, и тебя не из дворца бека взял. Ничего не было: ни колхоза, ни этого двухэтажного дома. А теперь, слава богу, живем — не тужим. Я такую свадьбу сыну сыграю, что по всей Мугани слух пройдет!

— Что Мугань! — кротко сказала Сакина. — И в Баку услышат! Боюсь, как бы от такого шума мы с тобой не оглохли...

День ото дня разгорались семейные споры.

— В тебе сидит дух противоречия! — упрекал Рустам жену. — Прошу дать белую рубаху — ты приносишь черную. Не успею сказать «да» — ты кричишь «нет».

— Я все та же, киши. Поздно мне меняться. Такой и в гроб сойду... Видно, ты сам переменялся. В волосах седина, а походка быстрая!

Вспылив, он крикнул:

— Так я тебя заставлю!

И отправился в правление, чтобы там отсидеться в кабинете, успокоиться...

Так ссоры и раздоры ворвались в уютный двухэтажный дом, окруженный яблонями и виноградником.

Вот отчего, зажав трубку в зубах, Рустам-киши сейчас злился не на шутку.

Едва затих голос певца, Першан достала из шкафа книгу стихов ашуга Алескера и углубилась в чтение, не обращая внимания на отца.

Куда же Сакина запропастилась? Рустам строго понашлял, напоминая о себе, но жена

¹ Зурначи — музыканты.

не возвращалась. Чего ей делать после ужина в темной боковой комнатке? Не выдержав, он позвал:

— Сакина!

Жена не поспешила к нему, как бывало обычно. Рустам даже не рассердился, а удивился и сказал погромче:

— Сакина, где ты?

Но ответа не было. Обернувшись к дочке, Рустам попросил:

— Доченька, сходи-ка поищи маму.

И ему самому стало неприятно, что голос был резким, грубым, когда он звал жену, и звучал так ласково, когда он обратился к Першан.

Отодвинув животом стол, Рустам зашагал по комнате, раздумывая, с чего бы начать разговор. «Только не повышать голоса! — убеждал себя Рустам. — Если начнешь с высокой ноты, то и жена распалится, не удержит. Не ровен час, соседи подслушают. Услышат одно слово, а присочинят целую историю. Для чего эти ссоры? Видишь, жена заупрямилась, — промолчи, уйди от греха, а когда отойдет — вернись, приласкай, чтобы сердце ее стало мягким, как комочек хлопка. Ей-богу, смешно: из-за каких пустяков распря началась. Дело гнилого ореха не стоит!»

Когда Сакина, нагнувшись на плечи пушистый шерстяной платок, вошла в столовую, Рустам встретил ее улыбкой:

— Как, улеглась злость-то? Подобрела?

— Пусть твоя злость уляжется, во мне ее и в помине не было, — возразила Сакина, твердо выдержав взгляд мужа. — А тебе что нужно? — сказала она заглянувшей в дверь Першан. — Чего уставилась? Иди к себе!

Першан прижалась к матери, шепнула:

— Ради бога, мама, не спорь, уступи...

— Уступит, уступит, — с притворной беспечностью сказал отец. — Иди!

Дождавшись, когда Першан ушла, Сакина ответила серьезно:

— Если бы эта затея тебя одного касалась, я бы набрала полон рот воды и промолчала: «Делай, как совесть велит! А окажутся плоды древа твоего горькими — тебе морщиться!» Но эта несчастная выдумка не только тебя касается, а всей семьи, и Гараша, и Першан, а значит, и меня, матери. И если горем, а не радостью все обернется, втроем придем к тебе за ответом. Ладно, я не в счет, но что ты сыну и дочери скажешь?

— А за что я буду держать ответ? Не пойму никак. Преступление, что ли, задумал? Ты, жена, в трусливого халифа превратилась, собственной тени боишься!

— Да, боюсь, — согласилась Сакина, — а как же не бояться? Ты пригласишь сотню гостей. А во сколько такой пир обойдется, об этом подумал?

— Не жадничай! Есть у тебя пять баранов — прирежем трех! В могилу, что ли, их с собою забирать?

— Ну, ладно, баранов на плов нарежем. А рис? А масло? А приправы? Фрукты? Напитки? Нет, киши, не стану я, засучив рукава, замачивать рис для таких разгульных пиров! Ты — председатель. Все взгляды на тебя устремлены. Бутылку вина поставим, — найдется такой гость, который увидит пять бутылок. Своих баранов нарежем — люди скажут: «Колхозные». Будут и такие: наедятся, напьются, а тебя же, уйдя, ославят. Не хочу я, киши, не хочу! Подумай спокойно — и сам увидишь, что я права.

Забыв о том, что решил сохранять спокойствие, Рустам раздраженно сказал:

— Плевать я хотел на сплетниц, черт с ними! Хватит! Один у меня сын, один раз его женю. Хочу доставить удовольствие мальчику. А люди почешут языки и перестанут...

— Напрасно, ай, киши, напрасно так относишься к людям. Свысока что-то глядишь, не к лицу это тебе. Дорожить бы надо доверием, ценить его. А иначе лучше самому же свою свечу погасить! Самому топором по корню хватить, чтоб засохло дерево. Сколько лет прожила, а не видела, чтобы весь народ говорил неправду. Не было такого и не будет, киши!.. Если народ о ком-то худо отозвался, значит споткнулся тот человек, на кривую дорожку свернул. Ты так у всех на виду живи, чтоб добрым словом тебя в народе поминали! Раньше беки кичились, презирали народ. Что ж в этом хорошего, киши? И сейчас не перевелись гордецы, которые сами же виноваты, а обижаются на людское мнение. Не-ет, если совесть чиста, как горный снег, то человек смело, открыто в глаза людям смотрит!

— Не доводи дело до того, что тетушку Телли приглашу готовить свадьбу! — пригрозил Рустам.

— Пока я твоя жена, в доме и ноги тетушки Телли не будет, — ответила Сакина. — Ты, киши, спать ложись. Утро вечера мудренее. Все равно со мной согласишься...

Чертыхнувшись, Рустам ушел на веранду и зашагал там из угла в угол. «Женщина, одно слово — женщина, — думал он с раздражением. — Наслушалась всяких сплетен — вот и расстроилась. Тетушка Телли своим ядовитым языком кого угодно встревожит... «Председатель, председатель!» «У всех на виду»... А никто не подумает, что я тоже отец, тоже сына вырастил. Попирывать на его свадьбе, внука понанчить — не тысяча у меня желаний, а всего одно...»

Он захотел побродить по степи, вдохнуть ночной воздух, промытый дождями и чистый, как родниковая вода... И этого нельзя себе позволить: вконец разобидится Сакина. «Никогда такой не видал жену. Вот упрямство-то накатило!» — подумал Рустам.

Сакина не стала покладистой и наутро.

— Свое мнение я изменять не намерена, — сказала она. — А ты, киши, делай как знаешь.

Хлопнув дверь так, что жалобно прорыдал всеми струнами висевший на стене саз¹, Рустам быстрыми шагами направился в правление. У ворот поджидали председателя о чем-то возбужденно спорившие колхозники, и громче всех надрывался, разумеется, секретарь комсомольской организации Наджаф.

— Вот и суббота настала, что скажешь нынче, товарищ председатель? — ехидно осведомился низенький, полный Наджаф.

Тут только Рустам и вспомнил о своем обещании. Уже четыре месяца в школе не было преподавателя русского языка: прежний учитель с начала летних каникул отбыл в Баку и, конечно, не вернулся. Рустам успокоил односельчан: на неделе все уладится. Ему все поверили, а он даже пальцем не пошевелил. Забыл... Помянув про себя недобрым словом беглеца, председатель решил отшутиться:

— Что вы дни считаете? На этой неделе что, жизнь кончается? Дал слово — значит сдержу.

Однако колхозники не расходились: одни помалкивали, а кое-кто недовольно роптал:

— Тебе-то хорошо: дочь выучилась всем премудростям, под матрац аттестат засунула!

— Какая ему забота, что нашим малышам учиться да учить...

— Доставай где хочешь учителя!

— Все я да я! Есть же партийная организация, комсомол есть. Кажется, я хозяйство взвалил на плечи: ноша не из легких. Другой бы давно на моем месте согнулся.

— Святая правда! — подхватил Ярмамед.

Председатель не спеша вытащил коробку с табаком, набил трубку. Коробка выскользнула из его рук, но кто-то поймал ее на лету, почтительно подал. По проворному движению угодливой руки Рустам узнал Ярмамеду и, не поблагодарив, чиркнул спичкой, жадно затянулся.

— Зря в наш огород камешки бросаешь, — сказал Наджаф. — Мы этим делом тоже занимались, а с хозяйством ничего не случится, если и ты хоть раз съездишь в район.

Рустам знал, чем поддеть Наджафа.

— Ай, товарищ секретарь! Если бы ты в работе был таким же мастаком, как в разговорах, то давно уже сделался бы знатным трактористом республики!

Но Наджафа было мудрено смутить.

— Ай, дядя Рустам, — в тон председателю возразил он, — не о комсомоле и не о тракторах

речь идет, о школе!.. Народ хочет, чтобы председатель о школе позаботился.

— Где ему помнить о школе! — вмешалась тетушка Телли, боевой нрав ее был известен всему району. — Он ведь забыл, какой у нас год на дворе стоит. Вчерашним живет! Теперь образование от каждого требуется. Коль ты председатель, изволь хоть из-под земли достать учителя!

— С твоим язычком, арвад, не только до Мекки — до края света доберешься, — натянуто засмеялся Рустам.

— Ты из меня дуру не строй! — оборвала его старуха. — А то я тебя так ослаблю, что вся Мугань сбежится глазеть. На прямой вопрос и отвечай прямо!

— Рустама-киши хочешь опозорить! — возмутился Ярмамед, со сладенькой улыбкой заглядывая в глаза Рустаму. — Да будет благословенна мать, родившая такого сына!

Старуха яростно простерла руки над головой Ярмамеду.

— Ишь ты, краснобай! Повадились смазывать маслом председательские пироги! Не то что Рустама-киши, министров высмеивают, если провинятся...

У председателя нрав был покруче, чем у тетушки Телли. И произнеси такие обидные слова кто-либо иной, он сумел бы ответить, но при мужчинах стыдно связываться с болтливой старухой, и, пересилив раздражение, тяжело дыша, Рустам обратился к Ярмамеду:

— Сотни раз толковал тебе, что работник правления не должен впутываться в посторонние дела! Есть у тебя служебные обязанности — ими занимайся! Как ты смеешь мешать уважаемой колхознице высказывать свое мнение! — И, отвернувшись от Ярмамеду, он проникновенно сказал собравшимся: — Потерпеть придется, товарищи. Советская власть тоже не за одну неделю напоила влагой засушливые земли Мугани! А учитель что? Будто у Министерства народного просвещения нет в резерве учителя...

— Исчерпывающий ответ! — с иронической улыбкой заметил Наджаф.

А тетушка Телли спросила:

— Верное твое слово?

Председатель опять вспылил: с любым колхозником он умел поладить, а языкастая баба всегда доводила его до белого каления.

— Ай, арвад, тебе больше других надо? Кто ж это из твоих деток без учителя страдает? Всего у тебя один сын Керем, да и тот чабан. Не я ли его заведующим фермой назначил?

— Одного родила или пятерых — мое дело. Не тебе график составлять, сколько рожать и когда! — тотчас возразила тетушка под дружный смех собравшихся. — И почему именно ты поручил моему сыну ферму? На это правление есть. А если Керем молодец, так хвала его трудолюбю. Мне, наконец, хвала! И в школу если

¹ Саз — музыкальный инструмент.

не дети, так внуки мои бегают. А если бы и внуков не было...

Ярмамед, не потерпев такого посрамления председателя, выкрикнул:

— Хватит, тетушка, хватит! Язык отвалится!

Но тетушка Телли отмахнулась от него, как от мухи.

— Если б внуков не было, о чужих детях заботилась бы! Их вон дети что мои родные. — И она широко развела руки, словно хотела обнять всех столпившихся у крыльца. — Только такой, как ты...

— Не забывайся, Телли, угомонись! — строго сказал председатель и, поняв, что дальнейшие препирательства не предвещают ему ничего приятного, направился к гаражу, где стояла его собственная, недавно приобретенная «победа».

Через несколько минут машина с глухим завыванием помчала его в районный центр.

Из-за одного учителя Рустам не потащился бы по грязной, ухабистой дороге за сорок километров в район. Были дела поважнее. Только вчера выяснилось, что семена озимой пшеницы не возили на площади более ста гектаров. Теперь придется перепахивать и пересевать весь клин. И перепахать и посеять нетрудно, но ведь надо договориться с МТС, чтобы посчитали этот участок залежью, включить его в план весенних работ, добыть семена. Тут не то что в район — в столицу помчешься!

Несколько дней подряд, до вчерашнего вечера, шел мелкий, назойливый дождь. Дорога раскисла, из-под колес летели комья грязи. Муганская грязь — как клей: на миг остановишься — присохнешь. Выбоины, залитые мутной водой, подбрасывали машину, но Рустам даже на поворотах не сбавлял скорости, желая побыстрее выбраться на асфальтированное шоссе.

Студеный ветерок охладил Рустама, он успокоился, и недавние споры уже казались ему бессмысленными и случайными. У него было отходчивое сердце, и даже на тетушку Телли он теперь не сердился. «Самое скверное — невыдержанность, — упрекал он себя. — Вспыхнешь, как стружка в костре, — и пиши пропало. Людям наговоришь неприятностей, себе настроение надолго испортишь. А Мугань-то, наша Мугань — какая красавица! Ни конца, ни края ей нет, глянешь — сердце поет. Даже сейчас, в дождь, в распутицу, степь как будто улыбается тебе, хочет порадовать, развеселить...»

2

Недаром старики говорят, что зимний путь в рай лежит через Мугань.

Когда Рустам добрался до районного центра, по виду его можно было принять за юношу: щеки румяные, взгляд твердый, решительный. Остановив машину перед одноэтажным домом районного

отдела народного образования, Рустам легкими шагами взшел на скрипучее крыльцо. Он издавна недолюбливал заведующего районо Гошатхана, худенького и тщедушного человека, за его необычайную независимость в суждениях и даже надменность. С такими людьми Рустам не стеснялся, и сейчас он без стука вошел в кабинет и небрежно, словно о сущей безделице, сказал:

— Ай, завобразованием, вынь да положь мне учителя по русскому и по немецкому, а я их в багачник засуну и повезу в колхоз!

— Дай да подай! Требовать, слава богу, умеете, — наставительно, даже, пожалуй, лениво, ответил Гошатхан. — А приедет в село молодой учитель-горожанин, вам для него топчан из досок лень сколотить. В школе зимой нет дров, летом — воды. Хочешь иметь опытного учителя, дорожи им...

Рустам даже оторопел от такого отпора. Ишь отчитывает, как нашалившего школьника! Он, впрочем, и раньше знал, что даже секретарь райкома побаивался язвительных замечаний Гошатхана. Перед партийными конференциями некоторые районные работники предупредительно раскланивались при встрече с Гошатханом. Едва он, хилый и щуплый, выходил на трибуну, как сразу превращался в разъяренного льва. Тут уж его не удержат! Вот почему Рустам дал себе время, чтобы ответить. Он опустился на скрипучий, в белом чехле, диван и вытянул ноги в знак непочтительности. Некоторое удовлетворение старику доставила мысль, что пиджак Гошатхана мешковат, что рубашка на нем до того желта, что в глазах рябит, а мятый галстук похож на хвост жеребенка. «Культу-ура! Одеться не умеет, а самонадеянности через край», — подумал Рустам и, поморщившись, сказал:

— Если бы слова твои равнялись делам, то даже первоклассники в районе были бы академиками. Мы, значит, угощаем учителей одним айраном¹, а в других колхозах их потчуют медом, не так ли?

При этом он выпустил из своей трубки клуб густого дыма. Не переносивший даже запаха табака, Гошатхан маленькой ладошкой развеял облачко пахучего дыма.

— Что ты меня, как улей, обкуриваешь? Убери трубку... — сказал он невозмутимым, ровным голосом. — Рустам-ниши! Иди в чайхану с такой демагогией, а меня оставь в покое... Что же касается учителей, должен сказать, что на примете подходящего нет. А найдется — направлю в колхоз «Красное знамя». Создайте учителям условия, а потом требуйте.

Больше всего Рустама раздражило хладнокровие заведующего: если бы Гошатхан кричал или бранился, Рустаму было бы легче.

— Какие условия, деточка в галстук, ка-

¹ Айран — напиток из кислого молока.

ние? — крикнул Рустам. — Я построил каменную, на двадцать классов школу. Как спальню новобрачной, каждую комнатку украсил. Чего тебе надо? Спасибо хоть скажи.

— Во-первых, я тебе не деточка. Потрудитесь быть вежливым, если, конечно, умеете... — Голос Гошатхана звучал по-прежнему лениво, снисходительно, хотя можно было догадаться, что из всех слов Рустама он услышал только «деточка».

— А во-вторых?

— Во-вторых, ты построил новую школу, — большое спасибо! — Гошатхан даже привстал во весь свой маленький рост и поклонился. — Однако доблести тут никакой не вижу. Во всех колхозах такие же новые школы. И не для меня ведь старался — для народа.

— Я никого не попрекаю. Говорю, как дело обстоит. И не во всех колхозах такие школы, ошибаясь.

Гошатхан торжественно показал рукой на орден Отечественной Войны, сверкавший на груди Рустама.

— Носящий награду родины обязан вперед, по-орлиному смотреть, а не назад. Не оглядывайся на отстающих, если сохранил мужество в сердце, равняйся по передовым.

— Где они, передовики, деточка? Называй, я по пальцам считать стану...

— Не обременяй себя непосильным трудом. Твой сосед Кара Керемоглу построил учителям дом в двадцать комнат. Все удобства, веранды, тенистый садик...

Лучше бы он не упоминал это имя! Едва услышав о Кара Керемоглу, Рустам совсем разбушевался.

— Да что с тобой толковать, легче козе хвост крутить!.. Провалил народное образование в районе, а теперь решил отыграться на председателях! Не будь я Рустам, если не выволоку тебя на бюро райкома.

Он был уверен, что эта угроза утихомирит строптивого человека. И ошибся. Заведующий лишь скривил тонкие губы.

— Только и мечтаю, чтобы райком занялся школами. Тогда я научу тебя отличать черное от белого.

Рустам почувствовал, что его рука, как бы сама по себе, потянулась к вороту рубахи заведующего: «Встряхнуть бы тебя разок, так сразу бы опомнился!» Но усилием воли он сдержался, подышал сквозь стиснутые зубы, буркнул:

— Я не я буду, если не заставлю тебя пригласить учителя! — и выскочил из кабинета.

3

Он хотел сразу пойти к председателю райисполкома, но в глаза ему бросилась вывеска чайханы. Жизнь издавна научила его после крупной ссоры или даже размолвки с кем-нибудь посидеть, посасывая заветную трубку, перед дымя-

щимся стаканом медно-красного чая, пока душа отойдет и придут в голову разумные мысли, в которых уже будет трезвый расчет и не будет опрометчивого задора.

Так и теперь, перемолвившись в чайхане словечком со знакомыми, осушив два стакана, Рустам восстановил утраченное спокойствие и, даже насвистывая, направился в райисполком.

Он не был близко знаком с председателем исполкома Калантаром Кельбиевым, но слышал, что этот человек изворотлив и любит, когда у него просят совета или помощи.

Некоторые председатели колхозов даже без нужды заглядывали к нему — узнать мнение, посоветоваться. И таких Калантар Кельбиев опекал, не очень-то интересуясь, хорош или плох председатель. Но горе дерзким и независимым! Пусть и дело-то у председателя справедливое, яснее ясного, а Калантар придерется к пустяку и на заседании исполкома обязательно выступит против недогадливого... Словом, умел поддерживать и выделить своих людей. Не случайно его иногда называли «братцем» — «лелеш». Так и говорили: «Калантар-лелеш».

Рустам не признавал подобных отношений с начальством. Он всего два-три раза был у Калантара, и, надо заметить, — обязательно по приглашению самого председателя исполкома.

Повинуясь голосу совести, Рустам и в этот раз пошел не к предрайисполкому, а в райком партии. Все же он не отважился зайти к первому секретарю — Аслану. «Пожалуй, уроню себя в его глазах!» — мелькнула догадка... И он заглянул ко второму секретарю. Но и тот не поддержал его претензий, наоборот, сказал Рустаму, что сам колхоз виноват в бегстве учителя.

— Уж я во всем виноват!

— Надо заботиться о человеке. Теперь ждите, ничего не поделаешь.

«Э, вот в чем загвоздка! — сообразил Рустам, выйдя из кабинета. — Пока я в чайхане отдыхал, Гошатхан по телефону все в нужном свете представил, возвел на меня всякие небылицы. Да-а, опасный человек, крупный склочник!..»

Рустам вспомнил, как однажды на бюро райкома Гошатхан буквально высмеял Калантара. И после заседания тот полушутя-полусерьезно заметил: «Эх, учитель учителей, придется и мне когда-нибудь проучить тебя!» Вспомнив это, Рустам подумал, что именно Калантар мог сейчас заставить склочника краснеть и потеть. Однако едва он ступил на крыльцо исполкома, как совесть подсказала: «Не становись должником Калантар-лелеша! Такой не успокоится, пока не вырвет рубля за копейку!» Он уже пошел прочь, но тут окно кабинета, выходящее в сад, осененный столетним вязом, с треском распахнулось, и Калантар-лелеш лег на подоконник грузным животом.

— Заходи, заходи, чего там? Раз в год появился на нашей улице, да и то норовишь мимо...

Пройдя тесный коридор, Рустам очутился в кабинете Калантара. Председатель уже сидел за массивным столом и с кем-то разговаривал по телефону. Не отрывая трубки от уха, он небрежно протянул Рустаму пухлую белую руку.

— Салам, ай, киши! Салам!

А Рустам уже раскаялся, что пришел сюда. «Ни капли вежливости, в лесу как будто вырос. И как он дорвался до такого поста?» Но делать было нечего, пришлось пожаловаться на Гошатхана.

— Это не он, а мы сами виноваты! — Калантар даже ударил кулаком по столу. — Да, мы! Своих земляков-муганцев держим в черном теле! Себе на голову посадили бездельников карабахцев! А они издеваются над нами. И правильно делают!

«Что он говорит? Что говорит? — думал про себя Рустам. — Да разве теперь это что-нибудь значит: муганец, гянджинец, ленкоранец?..»

— Товарищ Калантар, нам учитель нужен. Пусть он будет родом из Карабаха, из Гянджи, из Нухи — лишь бы учил ребят.

— Э, нет, Рустам-дадаш, не скажи! — Черные глаза Калантара сверкнули злостью. — Разница огромная. Земляк-односельчанин к родному клочку земли привязан, он за своих держится, своего в обиду не даст. А у приезжего глаза на дорожку смотрят — как бы скорее сбежать. И партия ведь тоже требует выращивать местные кадры. Понял?

При чем тут местные кадры? Но Калантар всегда в разговоре легко перескакивал с предмета на предмет, и Рустам понял, что спорить бесполезно.

— Поможешь нам или нет? — нетерпеливо спросил он.

Калантар рассмеялся, хлопнув себя по бокам.

— Кому же мне помогать, как не другу Рустаму? Но сперва ты возьми-ка воспитанные мною кадры, а уж потом мы потолкуем и об учителе.

— Что за кадры, какие кадры? — Рустам насторожился.

— Твой заведующий фермой гроша ломаного не стоит! Предупреждаю, ты с ним наплачешься. Пока не поздно, гони этого проходимца. Ну, не сразу, конечно, постепенно, шаг за шагом...

— Чабан Керем — честнейший человек, — убежденно сказал Рустам, хотя сына тетушки Телли недолюбливал, как, впрочем, и тетушку.

— Ха! Будто ты людей знаешь лучше меня. А я повторяю: гони вон Керема. Вместо него я тебе подыскал человека чище самого пророка.

— Кто такой?

— Фархада знаешь?

Рустам остолбенел, ушам своим не поверив. Дядюшка Фархад! Да всему миру известно, что это жулик. В четырех-пяти колхозах подвизался, то счетоводом, то заведующим фермой, и так умело заматывал следы, что все знают — вор, отъявленный жулик, а ничего поделать не могут.

— Нет, товарищ исполком, держите своего Фархада подальше от моей Ширин! — улыбнулся в усы Рустам.

— А почему? Керем же смирный. Или боишься, что начнет жаловаться? Да? Ну, припугнуть можно! — И Калантар подмигнул Рустаму. — Или решил, что ферма тебе одному принадлежит? В районе ведь и кроме тебя есть любители шашлыка из молодого барашка!

Рустам медленно встал. На лбу его пролегли глубокие морщины.

— Вся Мугань знает, что ни разу в жизни я не разломил куска хлеба, заработанного нечестно! — произнес он с потемневшим от гнева лицом. — Если у тебя есть какие-то факты, присылай ревизию. Но разные там Фархады, пока я жив, даже ползком к нашей ферме не подберутся...

И он, не прощаясь, пошел к дверям. Но тут Калантар не выдержал, вскопчил и с обычной своей покровительственной, панибратской манерой задержал Рустаму.

— Да постой, постой... Шутки не понимаешь! Я ж хотел проверить твою принципиальность. В райкоме недавно спорили: может взять Рустам Фархада? Конечно, я твердо заявил: ни за что не примет. Видишь, как я хорошо знаю кадры председателей... А по поводу учителя вот что скажу, — и в голосе Калантара зазвучали казенные нотки, — жди будущего года. Пока ничем помочь не смогу...

4

Машинно-тракторная станция была расположена на окраине городка, у выезда на шоссе. Еще в прошлом году здесь была степь, бурая летом, ярко-зеленая весной и неопределенного грязно-серого цвета зимой. А теперь — всюду доски, бревна, груды кирпичей. По двору не пройти — тракторы, комбайны, цистерны с горячим, грузовики.

С молодых лет любил Рустам побродить по строительным площадкам. И сейчас, посмотрев, как дружно работают плотники и трактористы в комбинефонах, кожаных ушанках, сапогах-«грязедавах», он выбросил из головы недавний оскорбительный разговор в кабинете Калантара.

Вдруг Рустам почувствовал, как дрогнуло его сердце: среди трактористов стоял Шарафоглу. Да, это был все тот же Шарафоглу, только не в шинели, а в сером распахнутом пальто, брюки заправлены в голенища сапог. Высокий, худощавый, он был так невозмутим и спокоен, как, бывало, в полку, и улыбка его была прежней — сердечной, доброй, и разговаривал он с трактористами так же запросто, как когда-то с однополчанами.

¹ Фархад и Ширин — герои одноименной поэмы Низами.

Поддав первый безотчетный порыв — растолкать трактористов и обнять, прижать к груди друга, — Рустам встал в сторонке, решив дождаться конца делового разговора...

Друг! Старый друг Шарафоглу!.. Словно воочию Рустам увидел свою молодость и годы войны... Шарафоглу подолгу жил и работал на Мугани — в двадцатых годах, когда начинали орошать выжженную зноем степь, и позднее, когда зарождались первые колхозы. В те давние времена и завязалась их дружба. А потом Шарафоглу уехал, и снова повстречался с ним Рустам в тысяча девятьсот сорок втором году на Украине. Два года друзья служили в одном полку — и отступали до Моздока, и наступали до Будапешта, спали на мерзлой земле, переплывали реки, увязали в болотах. Однажды Рустам был ранен в ногу, но, выписавшись из госпиталя, вернулся в родной полк. В боях под Будапештом война не пощадила и Шарафоглу. Рустам вынес друга с поля боя. Когда на их участке фронта наступило затишье, Рустам отпросился у командира и поспешил в госпиталь. Шарафоглу был слаб: он потерял много крови и с усилием открыл глаза, заслышав голос товарища... С любовью и благодарностью взглянул он на Рустама и улыбнулся беспомощно, как бы виновато, достал из ящика тумбочки, стоявшей у изголовья, резную трубку. С этого дня Рустам упрятал в мешок деревенскую носогрейку из орехового дерева и уже не расставался с подарком — трубкой с головой Мефистофеля.

«Хороший, честный человек. Храбрец!» — думал растроганный Рустам, возвращаясь в полк. С тех пор он не встречался с другом.

Вероятно, Шарафоглу почувствовал упорный взгляд Рустама, потому что передернул плечами и оглянулся. Лицо его просияло.

— Рад видеть тебя, дружище!

Он протянул измазанную мазутом руку, но Рустам со всей душевной щедростью заключил друга в объятия.

— Что за чудеса! Как ты очутился здесь, говори скорее! Глазам своим не верю...

— Скажи лучше, как ты живешь! Силен, черт! И выправка военная! Кого разыскиваешь?

— Заместителя директора.

— Ах, вот оно что... — Шарафоглу повернулся к трактористам, что-то договорил им наскоро, затем взял Рустама под руку и повел в контору. — Что за дела у тебя к заместителю?

Тут Рустам понял, что Шарафоглу и есть тот, кого он искал.

— Где же Алиев?

— Назначили директором в другую МТС.

— Обидел ты меня, крепко обидел, — насупившись, сказал Рустам. — Под самым боком живешь, а не дал о себе знать. Не по-дружески как-то!

Кабинет заместителя директора находился в большой, длинной, похожей на коридор комнате. Двери были обиты желтой клеенкой, железная печка стояла в углу, сквозь мутные стекла неохотно пробивался серенький свет дождливого полдня. Два стола — письменный и продолговатый узкий, — накрытые зеленым сукном, дополняли убранство этой неуютной, сырой комнаты. «Н-да, у меня в правлении кабинетик-то побогаче. Ковры!» — подумал Рустам.

Повесив на вешалку пальто гостя, а рядом и свое, Шарафоглу усадил Рустама, и они с минуту молчали, разглядывая друг друга, а потом, вскочив, обнялись, засмеялись и снова помолчали. Наконец Шарафоглу, скрестив руки на груди и устремив на гостя веселые, кипевшие задором глаза, спросил:

— Как Сакина-баджи¹, как дети? Наверно, совсем большие? Вай, Рустам, как хорошо, что мы встретились!.. Только ты мне ничего сейчас не рассказывай о семье, а то я брошу все дела и помчусь в деревню. Мне и без того кажется, что ты уже ухватил меня за руку и тащишь к себе в дом.

— Нет, я так обижен, что на порог не пущу! — с шутливым ожесточением сказал Рустам. — Послушай, мир праху родителей твоих, ведь мы хлеб-соль делили, братьями называли друг друга, мы в крови купались... Да неужто все позабыл? Все вы, горожане, такие, кровь-то холодная, как у рыбы. Да будь я на твоём месте...

— Ну, хватит упрекать, — улыбнулся Шарафоглу. — Я даже не подозревал, сколько работы свалится здесь на мою голову! Новую технику — комбайны выгружаем на станции. Днем раньше, днем позже, а все равно бы пришел, постучался в калитку. Ты не впустил бы — так Сакина распахнула б дверь... А дочку замуж выдал? Невестка появилась?

— Придешь — сам увидишь...

— Обязательно приду, — кивнул Шарафоглу, вызвал секретаршу и попросил позаботиться о чае, самом крепком и самом душистом. — Значит, дома все в порядке? Ну, а как к севу готовитесь? Эта весна — переломная по всем хлопкосеющим республикам.

Глаза его смотрели на Рустама ласково, а тон был уже деловым, и это неприятно задело председателя.

— Да что ж говорить? Отчеты посылали сюда своевременно, — сказал Рустам, подперев кулаком щеку. — Для хлопчатника заготовил свыше семисот тонн навоза. Минеральные удобрения привезены. Машины отремонтированы. Состав бригад и звеньев заново пересмотрен. — Он подумал и добавил с обычной самоуверенностью: — Подготовились куда лучше, чем в прошлом году. За нас можешь быть спокоен — не подведем! Ни район, ни МТС краснеть не станут за Рустама-киши!

¹ Баджи — уважительное обращение к женщине.

Шарафоглу слушал внимательно, время от времени задавал вопросы. Было видно, что он не так-то плохо разбирается в агротехнике: кивком головы выражал согласие, одобрение.

По фронтовым годам Рустам помнил, что Шарафоглу умел заставить разговариваться самых молчаливых, замкнутых солдат. Голубизна его глаз, что ли, добрая ли улыбка так подкупали собеседников, — люди оттаивали, веселились и без колебаний пускались в откровенную беседу.

— А где трубка? Или курить бросил? — неожиданно прервал его Шарафоглу.

— Да ведь ты некурящий! Вот и не хочется отравлять воздух табачным дымом, — пошутил Рустам.

— Ничего, кури, не стесняйся.

Из нижнего ящика стола Шарафоглу вытащил пепельницу, сдул с нее густую пыль и поставил перед Рустамом. Улыбаясь, он наблюдал, как тот истово набивал трубку, зажигал спичку, откинувшись, затянулся, сразу же закутавшись пеленой пахучего дыма.

— Ну, совсем английский лорд! — покачал головой Шарафоглу. — Что за осанка!..

— А что? — в тон ему сказал председатель колхоза. — Пожалуй, не каждому лорду со мной потягаться!

— Пожалуй, — согласился Шарафоглу и клетчатым носовым платком провел по лицу, как бы стер благодушную улыбку; опять сделался озабоченным. — Обо всем сказал, а вот о главном умолчал.

— О главном?

Отогнув полу простенького пиджака, Шарафоглу достал из кармана ключ, отомкнул ящик письменного стола и взял оттуда записную книжку. Рустам следил за его неторопливыми движениями, напряженно размышляя: о чем же это самом главном он не сказал?

А Шарафоглу полистал книжку, прочитал что-то и, не поднимая головы, не глядя на друга, спросил:

— Урожайность какая? И по хлопку и по зерновым?

Рустам смутился и быстро сказал, навалившись грудью на шаткий стол:

— Не отрицаю: план урожайности не выполнили. А все же по сравнению с позапрошлым годом на два центнера больше зерна собрали, а хлопка даже на три. Это с каждого гектара. Прибавка солидная!

Отложив записную книжку, Шарафоглу поднялся, зашагал по кабинету:

— Почему скрытничаешь, друг? Сам знаешь: ничего такие сравнения не стоят, не так ли? — И сам себе ответил: — Так.

— Нет, не так! — возразил Рустам, и сидящие мохнатые брови сошлись на его переносице. — План — планом, ничего не имею против. План государственный — молчу! А еще есть

жизнь, и у нее свои законы. Колхоз был отстающим, черепашным шагом полз, попробуй-ка вытяни его за два-три года! А я вытянул. Большие доходы получил.

— Большие? — Из-за плеча Рустама Шарафоглу дотянулся до записной книжки, нашел нужную страницу и показал другу. — Подсчитай.

— Зачем мне считать?

— А все-таки подсчитай.

Рустаму вовсе не хотелось считать, он знал, что ничего хорошего ему эти подсчеты не принесут. И с вызывающим видом он скрестил руки на груди: сам, дескать, и считай, если охота... Лицо его помрачнело, и Шарафоглу уже подумал, что его друг сейчас по старой привычке кинется с азартом в схватку, но вдруг в глазах Рустама запылали озорные искорки: «Чего, мол, зря себе весь день здоровье порчу, — пригодится еще!..»

— Вы абсолютно правы, товарищ заместитель директора, — с покорным видом произнес он слова, сладкие, словно засахаренные фрукты. — Полностью признаю свои ошибки. Да, мы допустили немало оплошностей. Да, мы трудились недостаточно напряженно... — Он с облегчением перевел дыхание, как будто сбросил с плеч тяжелую ношу, и совсем в другом тоне, с грубоватой мрачностью добавил: — Не мало ли еще муганской пыли глотал, чтоб о наших делах судить!..

Эти слова были несправедливыми, и правильно поступил Шарафоглу, что не обратил на них внимания.

— Хуже всего, дорогой друг, что в деятельности вашего колхоза, говорят, нет никакой глубокой мысли, — мягко упрекнул он старого товарища. — Так, работаете как бог на душу положит. От сева к продолке, от прополки к уборке — вот и крутится карусель. Будто вы и не слышали о науке, называемой агротехникой. Были ж хорошие опыты, но они не распространялись, не внедрялись. Не так, что ли? Так. По старинке живете. А теперь надеяться только на муганский климат и муганскую землю невозможно. Без смелого, научно обоснованного замысла, без внедрения передового опыта мы ничего не добьемся.

От общих слов, от назидательного тона друга Рустаму стало скучно, и он неожиданно зевнул, смущенно прикрыв ладонью рот и усы.

— Эти проповеди мы, дорогой друг, слышали и до твоего приезда. Скажи поточнее, поконкретнее, в чем мы отстали.

Рустам говорил мягко, но Шарафоглу понял таившийся в его словах вызов и уверенно ответил:

— Хорошо, ты хочешь услышать деловую речь? Что ж, не промолчу!.. О твоём колхозе я знаю еще понаслышке, но все отчеты говорят, что семьдесят процентов работ, прежде всего на хлопке, проводятся вручную. Не так, что ли? Так, так... О механизации только говорим, а механизацию

цию не внедряем. Ты всерьез не занялся еще ни квадратно-гнездовым, ни узкорядным севом, а без этого-то подлинная механизация невозможна.

Председатель пренебрежительно усмехнулся.

— Хлопок не картошка! Попробуй-ка с нашими людьми выдержать квадраты. Ведь четыре класса почти у всех — еле-еле с трактором-то справляются.

— А как же в Таджикистане справились? Такие же люди... Между прочим, у твоего Гараша аттестат зрелости.

Не ожидал председатель колхоза такого поворота беседы: спорить с Шарафоглу оказалось непосильным.

— Да, шли мы туда, куда ноги несли, — устало сказал он. — Вернусь в село, конечно, обсудим эти вопросы и с агрономом и с правлениями. И так и сяк примерим, на разные колдоби.

— Пригласишь меня на правление? — осторожно, не желая обидеть друга, спросил Шарафоглу и услышал фронтовой ответ:

— Слушаюсь...

— А теперь скажи-ка: зачем тебе понадобится заместитель директора?

— Ничего неотложного, по правде говоря, не было. Проведать Алиева завернул. — Рустам решил больше не откровенничать. — Да и о сыне хотел справиться: довольны ли им? Сам знаешь, молодость! Ведь мой Гараш у вас работает трактористом. Он сейчас в Баку, на совещании...

Шарафоглу почему-то смутился.

— Ах, так? — протянул он. — Ну, тогда у меня есть к тебе дело. Прочти, пожалуйста, это письмо.

Он вытащил из ящика стола и показал Рустаму вырванный из школьной тетрадки исписанный листок. Буквы были большие, корявые, а вместо подписи стояло: «Колхозник». В письме речь шла все о тех же ста-гектарах погибшей озимой пшеницы, но автор письма к правде подмешивал клевету: будто бы к севу и не приступали, а семена присвоил не кто иной, как сам председатель колхоза.

На лбу Рустама выступили бисерные капельки пота.

— Подлец!.. Хотел бы я знать, кто это написал.

— Да успокойся, — остановил его Шарафоглу. — Не сомневаюсь, что ты даже единого зернышка не присвоил...

— На ста гектарах пшеница не взошла, это верно, — сказал Рустам упавшим голосом. Ему стало легче оттого, что Шарафоглу сам первый сказал, что верит ему, но как же все-таки трудно признаться в гибели посева. — Причина? Воды не хватило для полива.

Шарафоглу взял из его рук письмо, аккуратно сложил и сунул в открытый ящик стола.

— Положение проясняется, — сказал он. — Ты искал заместителя, чтобы получить разрешение заново перепахать и пересеять сто гектаров. Не так ли, что ли? — И добавил свое любимое: — Так.

Их взгляды встретились, и Рустам убедился, что ему невозможно смотреть сейчас в твердые, словно отлитые из стали, честные глаза друга.

— Да, для этого.

— А потом передумал.

Рустам пожал плечами и промолчал. Было мучительно стыдно, что попал в глупое положение, — и без того смуглое лицо его почернело, словно угольной пылью покрылось. Чуткий Шарафоглу понял.

— Ладно, пересеем, — коротко сказал он со своей доброй, знакомой Рустаму улыбкой.

5

Мрачно ненастное небо над Муганью, но Рустам, пожалуй, был еще мрачнее, когда возвращался в колхоз. Всю дорогу он чувствовал, как в нем что-то кипит, клокочет, и хотелось ругаться, да не с кем, и он гнал «победу», до того крепко вцепившись в «баранку», что косточки пальцев побелели.

«Вот так денек! Учителя не нашел, с Калантаром поругался...» А когда вспомнилась встреча с Шарафоглу, то становилось и совсем смутно на душе, впору зубами скрипеть... Что подумал о нем старый товарищ? Может, и верить перестал. Сидит сейчас в кабинете за бумагами и говорит себе: «Не узнаю Рустама, не узнаю. Слабохарактерный какой-то, неустойчивый...»

Вот о чем думал, вот отчего волновался председатель колхоза, когда гнал машину по залитой жидкой грязью дороге в туманной степи.

Ему было плохо, как всегда бывает плохо человеку, который неожиданно для окружающих начинает, как будто назло самому себе, всех вызывать на спор, на ссору, возбуждать против себя, зная, что ничего путного из этого не получится, и все-таки упрямится, стоит на своем...

И еще одна мысль беспокоила Рустама. Кто ж сочинил это гнусное письмо? Кто-либо из бригадиров? А вдруг тетушка Телли? Или комсомолец Наджаф? Или этот подхалим Ярмамед? До сих пор Рустам был искренне убежден, что все в колхозе его от души любят и уважают, что нет у него врагов. Листок, вырванный из школьной тетрадки, вкривь и вкось исписанный корявыми буквами, смутил и встревожил. Значит, под боком у него притаился недруг? Может, каждый вечер заходит к председателю в дом и пьет с ним чай, любезничает, поддакивает, а сам предательски вонзает меч в тень Рустама и злобно ждет, когда тот споткнется, чтобы добить, затоптать? Кто же это, кто?..

В доме еще не ложились; мрачный Рустам молча допивал пятый стакан крепчайшего чая, Сакина убирала посуду. Внезапно на веранде слышались быстрые шаги, хлопнула дверь.

— Мама, Першан, где вы? — раздался молодой сильный голос Гараша.

От неожиданности отец просыпал табак на колени.

Дробно стуча каблучками, Першан примчалась из своей комнаты.

— Как ты вовремя, сынок! — сказала Сакина, с гордостью и любовью оглядывая Гараша, такого же широкоплечего, высокого, как отец, с такими же, как у отца, сросшимися бровями и орлиным взглядом. Чутким сердцем она сразу поняла, что Гараш чем-то взволнован.

— Да что случилось, сынок? Ты толком ни с отцом, ни со мною и не поздоровался...

Увидев отца, Гараш смутился, словно не ожидал, что застанет его дома.

— Я ведь не один... — Круто повернувшись, он быстро скрылся в темноте веранды.

«Час от часу не легче, — подумал Рустам, — никого не спрося, мальчик уже приводит гостей в такой поздний час...»

— Заходи, Майя, заходи, — говорил между тем Гараш, стоя в дверях. — Знакомься с мамой, с отцом, с сестренкой!

У Сакины тревожно забилося сердце.

Майя вошла в комнату мелкими шажками, словно боялась поскользнуться, глаза ее были опущены, и жаркий румянец смущения залил ее нежные щеки, вовсе не похожие цветом на красно-смуглые щеки муганских красавиц, которых и солнце пекло, и ветры обдували. Тонкие губы подоткрылись, серповидные черные брови оттеняли белизну лица. Но не только миловидное личико увидела Сакина в эту минуту, которую ждала с нетерпением и которой страшилась. Она угадала в Майе — так ей казалось — и ее кроткую душу, и доброе сердце. «Молодец, сынок! Хороша!» — подумала Сакина.

Понимая, как трудно девушке стоять под пытливыми взглядами незнакомых людей, Сакина поспешила ей на помощь, раскрыла объятия.

— Добро пожаловать, детка! Пусть благословенным будет твой приход...

И взяла из рук Майи маленькую сумку, помогла снять пальто.

— Проходи, садись... Телом своим готова я выместить ту дорогу, по которой ты пришла в наш дом!

С тревогой ждала Майя первого знакомства со свекровью, не раз откладывала неизбежную встречу, а теперь приветливые слова Сакины, ее

искренняя радость успокоили девушку, она поведала, что найдет в этом доме счастье...

Ее лицо просияло, с надеждой она перевела взгляд на Рустама. А тот с недовольным видом крутил ус, и досадовал на дерзкого сына, нарушившего все обычаи, и даже усомнился в прочности будущей семьи.

Однако улыбка девушки, робкая, словно умоляющая, тронула Рустама, он привстал из-за стола, поцеловал ее в лоб, поздравил.

Пока мать и отец знакомились с невесткой, Першан места себе не находила, так и кружилась вокруг, а потом вихрем налетела на девушку, стала ее целовать и вдруг заплакала.

— Гараш так сильно любит тебя! — шепнула Майя.

— Ну, хорошо, хватит, хватит, — заворчала Сакина. — От радости можно и поплакать, но в меру, в меру!

Усадив Майю на мягкий диван с мутками¹, мать опустилась рядом и перевела взгляд на Гараша, все еще стоявшего у двери.

— Ну, сынок, скажи-ка, чем занимается наша невестка?

Прежде чем успел Гараш открыть рот, Майя ответила:

— Я инженер-гидротехник, мама!

Рустам едва не выронил трубку. Он все мог допустить: учительница или актриса, но инженер...

— Какой институт окончила? — строго спросил он.

— Кировабадский сельскохозяйственный.

Рустам одобительно кивнул: «Дело стоящее!» — а Першан сперва нахмурилась, словно ей стало обидно, что Майя инженер, но потом снова заулыбалась.

— Хорошая, очень хорошая профессия у тебя, детка, — сказала Сакина. — Вся беда нашей Мугани — воды не хватает. Как здесь пригодятся твои золотые ручки, твоя умная голова! Посиди, потолкуй с отцом, с сестренкой, а я пойду чай заварю и такую чихиртму² состряпаю, что язык проглотить! Не надо будет ни плова, ни шашлыка.

Легко подхватив самовар, Сакина ушла на кухню, чувствуя себя бодрой, помолодевшей.

В упоминании о плове и шашлыке, конечно, заключался намек, и Рустам с дочкой невольно переглянулись. Бессмысленным показался сейчас Рустаму весь спор о пышной свадьбе. Ему стало не по себе оттого, что все неожиданно обернулось к торжеству Сакины, словно жена и впрямь была ясновидящей и заранее знала, как появится в их доме невестка. Не знал он, и как вести себя с сыном. Конечно, Гараш поступил опрометчиво, без свадьбы введя невесту в отцовский дом, не

¹ Мутки — подушки для сидения.

² Чихиртма — тушеная в соусе курица.

дождавшись родительского благословения. Но что ж теперь делать — упрекнуть его или промолчать? А если промолчать, то не пошатнется ли отцовский авторитет, не станет ли и впредь Гараш поступать так же дерзко и непочтительно? «Меняют реки берега свои, — мудро, со снисходительностью, едва ли не стариковской, подумал Рустам, — а время меняет обычаи людей. Молодым, видно, жить надо по-своему».

И не сказал ни слова.

А Першан без стеснения разглядывала Майю, и смеялась, и обнимала, и казалось ей, что брат, войдя с женой в дом, приоткрыл дверь в какой-то неведомый мир, полный радостных тайн и счастья. И верно, стоило посмотреть на лица Гараша и Майи, чтобы поверить, что они сейчас находятся в ином, сказочном мире.

2

Рустам знал, что когда человека ранят, он не испытывает боли, — боль приходит позже... Едва схлынул душевный подъем, вызванный неожиданным появлением молодых, как он почувствовал, что опять в сердце закипает гнев на сына. Где это видано: «Салам, отец и мать! Вот моя жена, прошу любить и жаловать».

Исподлобья Рустам рассматривал невестку и думал, будет ли она верной женой. Слишком легко вошла в чужой дом. Не упорхнет ли с такой же легкостью? Красива, слов нет... Но и красота ее казалась Рустаму хрупкой, непрочной. Нежна, чересчур нежна, как цветок, осыпающийся от легкого прикосновения!

А Гараш был крепким, рослым, сильным, кисти могучих рук его поросли густым волосом, широкое, обветренное, почерневшее от знойного солнца лицо выглядело грубым, движения тяжелые, рядом с тоненькой Майей казался он, как медведь, неуклюжим. Как такие сталкиваются, и понять невозможно!..

Правда, Рустам успел заметить, что в невестке нет и следа притворства, что глаза ее глядят прямо, а улыбка простодушна. И все же он не мог побороть предубеждения: без сватов вошла в дом к парню, — что в этом хорошего!

Не подумала даже, что у Гараша сестра тоже на выданье. А завтра и Першан по ее примеру вот так убежит из дому. Были же у Майи родители, куда они смотрели, чему дочку учили?

— Откуда родом, невестушка? — спросил Рустам.

Майя с упреком глянула на Гараша: «Как же ты раньше не рассказал, чтобы избавить меня от расспросов?..» Гараш только пожал плечами.

— Я в Москве родилась...

— В Москве?!

— Ее мать из Шуши, а с отцовской стороны она наша, муганская, Она сирота, круглая сиро-

та, — поспешил на помощь невесте Гараш. Ему было стыдно, что Майя теперь заметила, как робел он перед отцом: даже о ней рассказать не решался.

Рустам продолжал с хладнокровной черствостью:

— Ты, видно, на мать больше похожа. Карабахские женщины избалованные, нежные... А наш край знаешь?

— Нет, я первый раз на Мугани. Только в книжках читала, — робко ответила Майя, задетая неприязнью Рустама.

— Что ж там пишут, хотел бы я знать? Наверное, всякие небылицы?

Майя обернулась к Гарашу:

— Открой, пожалуйста, мой чемодан, книга там!

Рустаму и это не понравилось: «Ишь ты, приказывает».

— Сиди! — грубо остановил он вскочившего сына. — Сейчас Першан принесет. Где чемодан?

— Нет, я сама...

И Майя легко поднялась с кушетки, но Гараш остановил ее.

— Сейчас принесу!

— Неси, неси, сынок! — иронической усмешкой одобрил Рустам. — В наше время все было по-иному. Невестка при свекре и свекрови не приказывала мужу. Да что ж говорить... Мы люди темные, деревенщина, а вы с образованием, с дипломами...

Майя растерялась, не зная, что делать: идти ли за чемоданом, или остаться.

— Ай, киши, невестка еще подумает, что ты это серьезно говоришь, — мягко сказала вошедшая в комнату Сакина. — Что ж, у Гараша ноги отвалятся, если сходит? Пусть поухаживает за невестой. Как это приятно, киши, когда мужчина внимателен к женщине...

Но Рустам возразил:

— Лучше к моим словам прислушивайся, невестушка. Пусть мои советы, словно серьги, будут всегда в твоих ушах. Чем больше жена оказывает уважение мужу, тем семья крепче!

— Это верно, — нехотя ответила Майя. — «Обычай — цепь на ногах человека» — так поэт сказал. И в народе есть пословица: «Глаз привыкает к тому, что видит». Вы с детства видели такие обычаи, не удивительно, что они вам нравятся.

Рустам еще не понял, посмеивается над ним невестка или смиренно соглашается, как на выручку Майи отважно бросилась Першан. Ее огорчило, что отец не приветил Майю ласковым словом, и она стала пылко доказывать, что первый долг мужчины — ухаживать за женщиной, прислуживать, да, да, прислуживать ей! Если женщина вошла в комнату, пусть мужчина поднимется, поможет ей снять пальто, место уступит. Так надлежит относиться к любой женщине, а уж с женой

нужно быть особенно ласковым. И не унижает это мужа, а украшает. Так им и в школе объясняли.

— Это при беках и ханах невестка рабыней входила в семью мужа! Слова не смела произнести. Бескультурие это, варварство! — чуть ли не кричала Першан.

— Молчи! — цыкнул Рустам.

Першан и бровью не повела.

— Вот в этом-то «молчи!» и таится, отец, вся гниль прежней жизни! Небось как работать на хлопке — так в первую очередь девушки, женщины: «трудовой долг», «святая обязанность»!.. Тут вы все мастера говорить. А в дом войдешь — и все по-прежнему: «Девушка, молчи!..» Клянусь, не раз собиралась написать об этом в газету!

— Ну, возражи-ка, если мужества хватит! — смеясь, сказала мужу Сакина и с нежностью посмотрела на дочку: «Вот ведь все маленькой считала, думала, ей бы только куклами или нарядами забавляться, а, оказывается, дочь-то взрослая, умница...»

Рустам отвернулся, буркнул что-то невнятное в усы.

А Сакина, все еще смеясь, открыла железный сундук, достала завернутую в бумагу голову сахара, подала ее Першан.

— Иди, наколи и подай нам по стакану сладкого чая перед ужином. А я тем временем другими делами займусь! — И уже на пороге, полуобернувшись к мужу, добавила: — С бригадиром-то куда легче вести разговор, чем с родной дочерью? Ну, когда до голосования дойдет, то считайте мой голос за Першан.

— Лучше бы внушила дочери, что непристойно прекословить старшим, — с трудом сдерживая себя, сказал Рустам. — Скромность, а не дерзость украшает девушку. Забыла, что ли, народную поговорку: «Сиди молча — весу больше».

— Эта мудрость и тебя касается, — вырвалось у Першан. — Молчал бы сегодня — так мудрецом бы в глазах Майи выглядел!

Рустам задохнулся от гнева, в глазах потемнело и, не сознавая, что делает, он ударил дочь в плечо.

— Обнаглела? Получай!

Сакина вскрикнула, закрыв лицо руками, и беспомощно опустилась на стул. Рустам прошел мимо нее сторбившись, по-стариковски шаркая ногами, и скрылся в темной спальне.

8

Гараш любил отца. С годами эта любовь превратилась в обожание: отец был умнее, могущественнее, сильнее всех. И самым страстным желанием Гараша и в детстве и в юности было во всем походить на отца, стать таким, как он.

Теперь он был потрясен, раздавлен. То ему казалось, что надо немедленно уйти с Майей из

отцовского дома и жить отдельно, строить свой очаг... То он уговаривал себя с сыновней покорностью, что стоит промолчать, отец одумается, раскается, будет мучиться угрызениями совести и помирится со всеми, и в доме наступит мир, тишина, согласие.

Когда отец сердился, Гараш привык молчать. Он и теперь промолчал. Промолчал, хотя острой болью сжалось сердце, будто не сестру, а его самого при Майе ударил разъяренный отец.

С тоской он думал, как, должно быть, подавлена Майя, что переживала она в этот вечер. Ведь ей пришлось куда хуже, чем Гарашу: он пришел в свой дом, а Майя открыла чужую дверь. Гараша угнетало не то, что грубость отца могла нарушить согласие между ним и Майей. Он верил, что в мире нет ничего, что погубило бы их любовь. Но грубость и самовластие отца, которого сын расхваливал на все лады, обязательно поселит в душе Майи недоверие к Гарашу.

Ему хотелось хоть перед самим собой оправдать отца: ведь Гараш с детства верил, что самое страшное — неуважение к отцу. И потому убеждал себя: минутная вспышка гнева... На фронте страдал... Да мало ли что!

А Майя, чувствуя, как тяжело Гарашу, и виду не подавала, что расстроена. Она гладила плачущую Першан, обнимала ее вздрагивающие плечи.

— Ты хорошая, ты теперь моя сестренка... Не плачь, не надо, все уладится.

Быстрее всех овладела собой Сакина. Хотя она была так взволнована, что каждая жилка дрожала, ей удалось улыбнуться и шутливо прикрикнуть на дочку:

— Ну, рева, идем скорее чихиртму невестке готовить! Пусть Майя видит, что ты умеешь не только слезы лить, а и повариха отличная. Как ты мечтала: «Лишь бы брат женился, буду ухаживать за его женой». Ну, пойдем же, шевелись!

Только тут Майя почувствовала, как голодна. Они с Гарашем завтракали еще в Баку.

— Пойдем, Першан, возьмемся за стряпню. Яичницу я умею готовить. И Гараш, как волк, проголодался!

Майя сказала о нем, не о себе, и Сакина в душе оценила эту женскую деликатность.

— Детки мои! — всплеснула она руками. — Чего же я-то стою? Наверно, с утра ничего не ели! А ты тоже хорош! — сказала она сыну. — Не мог телеграмму прислать. Да разве так невесту в хорошем доме встречают? С пловом, с вином, с зурначами... — Сакина не замечала сейчас, что говорит словами мужа. — Или мы хуже, беднее других? Слава аллаху, имеем доброе имя, почетом окружены. Есть и родня, и друзья, и приятели, — их тоже надо бы пригласить. Ну хоть вчера бы предупредили...

— Прости, мама, никак не мог... Так уж получилось, — весело оправдывался Гараш, готовый принять на себя все упреки.

Сакина продолжала:

— Неделю назад говорит: в Баку еду на обслуживание механизаторов. Сердце мое так и екнуло: что-то случится. Материнское сердце — вешее, сама узнаешь в свое время... Спрашиваю: «Один ли вернешься? Может, баранов пора резать?» — «Один-одинешенек, отвечает, не спеши!» А кто поспешил — он или мать?

— Ладно, мама, не ругай брата. И так с дороги устал, — заступилась Першан, беззаботная, веселая, словно не она только что рыдала, уткнувшись в плечо Майи. — Мы с Майей мигом яичницу приготовим!

— Подожди, какая там яичница? — возмутилась Сакина. — Чихиртма скоро будет готова!

— Нет, мамочка, нет. — Майя впервые так назвала Сакину. — Яичница лучше всего.

— Сыр есть, мед, масло, — поддержал Майю Гараш. — Сейчас подкрепимся.

Першан, подпрыгнув, поцеловала брата в шею, выше не дотянулась.

— Ты с мамой поговори, а мы сами, сами!..

— Чтоб я да разрешила невестке в первый же день возиться с кастрюлями? Не бывать этому, пока жива, — негодовала Сакина.

— Мамочка, не лишай меня удовольствия! — Майя взглянула с такой улыбкой, что сердце Сакины растаяло.

— Ну, идите, идите! — вздохнула она.

Когда девушки, взявшись за руки, словно школьницы, убежали, Гараш вопросительно посмотрел на мать.

— У тебя хороший глаз! Едва на нее взглянешь, сердце цветет! — и Сакина прижала голову сына к груди. — Береги ее, жалеи! Пусть не слугою, а другом будет она тебе всегда.

4

Выбежав с Першан на веранду, Майя глубоко вдохнула свежий степной воздух и почувствовала, что ночная тишина точно смывает с нее усталость. А когда она обернулась к востоку, замерла от удивления: ей показалось, что луна тысячу раз отразилась в земле, словно вся степь превратилась в огромное зеркало.

— Что это? Я в жизни не видывала такого!

— «Слияние вод» — так это место зовется! — обнимая Майю, ответила Першан. — Здесь сливаются Аракс и Кура. Легенда есть, не слышала? Юноша Аракс и девушка Кура были разделены горными кряжами, но они так любили друг друга, что их любовь победила все препятствия. И взломали они каменные преграды, проложили ущелья, чтобы здесь, в Мугани, на нашей азербайджанской земле, кинулся друг другу в объятия, слиться навсегда... Старинная, очень старинная легенда, мама любит ее повторять, — с грустью, совсем ей не свойственной, прошептала Першан.

— Да, красиво, очень красиво! — задумчиво сказала Майя. — А сад у вас есть?

— Еще какой, прямо райский! — оживилась Першан. — Виноградник, яблони, груши. У нас, если поливать, все вырастет — и хурма и бананы — такая земля. Хочешь — посмотрим.

— Ну, положим, бананы не вырастут! — возразила Майя. — И зачем это ночью гулять? Гараш яичницу ждет.

— Ой, я совсем забыла! — спохватилась Першан. — Сейчас, подожди минутку.

— А где кухня?

Першан не знала, что такое кухня. Сперва Майя подумала, что она шутит, но оказалось, что в самом деле Першан никогда не видела кухни.

— Да где ж вы обед готовите?

— Во дворе. Вот очаг.

У сложенного из горного камня очага Першан зажгла керосинку, а Майя стала взбивать в миске яйца.

— А что у вас вода такая мутная? — заметила Майя, когда Першан сняла с ведра лист фанеры.

— Еще не отстоялась, — пожалала плечами Першан. — Речная же, с илом.

— Водопровода нет?

— Конечно, нет. Чего захотела — водопровода...

— Отстойник можно устроить. Обыкновенный большой чан! — говорила Майя. — А как же в баню воду подают?

— Да нет у нас никакой бани! Отец говорит, что не по силам это колхозу — и водопровод и баня, — сердито ответила Першан.

Она решила, что Майя теперь испугается деревенской жизни и уговорит Гараша уехать в город. Конечно, инженер с дипломом привыкла к городским удобствам. Что ей муганское степное приволье! Похвалила блеск «Слияния вод», а все-таки свет электрических фонарей, наверно, приятнее глазу.

— Першан, Майя, что там застряли? — послышался с веранды голос Сакины. — Простудитесь, ночь холодная!

— Это маму Гараш послал, — шепнула Першан. — Не терпится ему, знаю...

— Что ты знаешь? Уймись!

— А вот и знаю, знаю. Нарочно вам спать не дам!

— Гараш устал в городе, он камнем на кровать рухнет.

— Значит, ты его жалеешь?

— А как же?

— Если жалеешь, значит любишь? Скажи, ради бога, сестричка, ты его с первого взгляда полюбила или постепенно? Как лучше, сразу парня полюбить или сначала приглядеться к нему, привыкнуть? — Болтовня Першан не мешала ей возиться с самоваром.

— И так и этак хорошо, — улыбнулась Майя. — Лишь бы по-настоящему любить.

В деревне издавна укоренился хороший обычай — вставать до зари, а с вечерними сумерками отправляться спать. Вот почему к полуночи дремота сморила Першан, она протяжно зевала, потягивалась.

Сакина нахмурилась.

— Иди-ка спать. Напилась, наелась, чего еще ждешь? И молодым пора отдохнуть. — И ласково обратилась к Майе: — Пойдем, доченька...

С Першан мгновенно весь сон слетел. Ей захотелось увидеть, понравится ли Майе жилье. Вместе с матерью она обставляла и украшала для молодых комнату, в которой широкое, двустворчатое окно глядело в сторону «Слияния вод».

Странное волнение испытала Майя, переступая порог комнаты, которая еще минуту назад была чужой, а теперь навсегда становилась для нее родным гнездом.

Ей было и радостно, и почему-то стыдно, и сердце тревожно стучало в груди, и казалось, — ноги отяжелели, но, вероятно, это произошло от усталости... Если бы не было рядом Першан и Сакины, то Майя чувствовала бы себя свободнее, легче. А может, как раз наоборот — хуже. Кто это знает?

Девушка вдруг подумала, что еще во время ссоры с Рустамом-киши можно было повернуться, уйти, а из этой комнаты уже никуда не уйдешь. Здесь начнется твоя новая жизнь, жизнь с мужем, а вскоре — и с детьми; здесь ты познаешь все счастье мира. А горе? Что ж, встретишься с горем — перенеси его мужественно и молчаливо.

Вряд ли она слышала, о чем говорила Сакина, открыв зеркальный шифоньер, перебирая кипы белья, простынь, полотенец, соперничавших белизною с первым снегом. Вряд ли обрадовалась золотым часам и кольцу с изумрудом, подаренным ей свекровью. Впрочем, конечно, обрадовалась: как и все женщины, Майя любила подарки и украшения... Но дороже всего ей показались слова Сакины:

— У нас в народе говорят, что муж становится другом жены только в несчастье. А я верю, что Гараш станет другом и в счастье и в горе. Один он у меня, береги, вручаю его судьбу тебе...

Сакина и Майя, обнявшись, расплакались, всхлипывала от умиления и Першан.

— Опять слезы, вот ведь какой народ! — донесся из коридора притворно сердитый голос Гараша.

— Иди-ка сюда, сынок! — позвала мать.

И когда Гараш, стараясь казаться спокойным, вошел, она соединила руки молодых и прижала их к своей груди.

— Дай бог вам жить, слившись воедино так, как Кура с Араксом сливаются, и увидеть в этой комнате не только своих детей, но и внуков...

— Мама, я уже рассказала Майе легенду о Кура и Араксе! — смеясь, сказала Першан.

— Ах ты коза! Нет дела, в которое ты не сунула бы носа... И не знаю, какому несчастному ты приглянешься, ведь жизни ему не будет от твоего язычка! — свирепо напустилась на нее мать. — Марш спать, хватит надоедать людям.

Но и после этого ни Першан, ни сама Сакина с места не тронулись: надо было еще расцеловаться, как велит обычай, и с Майей, и с Гарашем. Сестренка с визгом повисла на шее Гараша, поджала ноги, принялась раскачиваться, как маятник, и чуть не повалила его на пол. Наконец-то Сакине удалось ее выдворить из комнаты. «Сумасшедшая, задушишь!» — охала Сакина, подталкивая непокорную дочку к дверям.

Наконец молодые остались одни.

— Майя!.. — сказал Гараш дрогнувшим голосом.

— Подожди, — она отвела его настойчивые руки и увлекла к окну.

Положив голову ему на грудь, она думала о том, что сильные его руки созданы, чтобы возвести светлый дом их семье, его душа отважна и не знает хитрости, лжи, даже в неуклюжей грубоватости его таится что-то привлекательное... Давно она мечтала об этой минуте, еще когда в приморском парке в Баку Гараш, робея, говорил ей о своей любви. И Майе вовсе не казалось смешным, что жизнерадостный юноша терялся, бледнел и не находил слов... Ах, Гараш, какой же ты нерешительный!

Так они стояли долго, обнявшись, глядя в окно. «Слияние вод» все еще отражало лунный свет, но уже кое-где хрустальное зеркало затуманилось, помрачнело, словно расколосось надвое, и казалось, что Аракс и Кура опять разделились, потекли врозь. Майя подумала: «А пройдет час-другой, и, потемнев, водный простор сольется с темной степью и уже нельзя будет угадать, где степь, где река... Ни завтра, ни послезавтра, никогда-никогда это дивное зрелище не повторится. А разве человеческое счастье не таково же? — Решительно тряхнув головою, она сказала себе: — Нет, не таково! Наше с Гарашем счастье не потемнеет, не расколется!»

Одинокая звездочка сверкала в глубине неба, но и к ней подбирались скопища серых туч, плывущих с севера.

Сквозь неплотно прикрытое окно тянуло прохладой, и Майя вздрогнула, но вздрогнула она не от озноба, а оттого, что Гараш расстегнул пуговицы ее желтой шелковой кофточки...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Проснувшись рано утром, Рустам умылся на скорую руку. Он решил потихонечку ускользнуть в правление. Ему было и стыдно и горько, и он

твердил себе: «Сердитый умным не бывает». Слава богу, Гараш женился, невестка и умница, и скромная, и красивая, теперь все уляжется, забудутся и ссоры и раздоры...

Но, даже сожалея о случившемся, Рустам, привыкший к порядку дома, строго соблюдавший свое положение в семье, почел бы недостойным для мужчины показывать свое раскаяние, делиться с кем-либо из близких своими переживаниями.

Но едва он на цыпочках вышел на веранду, как наткнулся на Сакину. Почтительно поздоровавшись с ним, жена сказала:

— Куда ж ты голодным собрался, киши? Завтрак готов.

Рустам только мотнул головою, молча спустился во двор, сел у очага. Он ел тоже молча, упрямо не поднимая глаз от тарелки, а уходя, виновато глянул на жену.

А Сакине больше ничего и не надо...

Великодушие Сакины тронуло Рустама. «Такие женщины — редкость!» — подумал он с гордостью.

Привычной тропой серая кобыла понесла председателя к правлению, но вдруг Рустам туго натянул поводья. «Этот проклятый стол в кабинете притягивает как магнит. А сядешь — и со всех сторон на твою голову посыпались заявления, циркуляры, приказы... Телефон звонит, посетители приходят, время летит, а в поле так и не удосужишься вырваться!»

И Рустам повернул в степь, затянутую утренним туманом.

Он давно уже решил до начала сева хлопком заняться садами и огородами. Теперь, когда колхозам можно самим выбирать наиболее выгодные культуры, Рустаму-киши не терпелось осуществить на больших угодьях свой давний замысел. Муганский арбуз слаще меда! Да ему нет равных на бакинских базарах! В летнюю жару он освежает, словно студеной вода горного родника. И вот этим-то чудом муганской земли до сих пор пренебрегали. Подумать только, еще недавно колхоз не имел права посеять без разрешения два гектара лука! Сейчас даже не верится...

Резвая кобыла уже миновала последние сельские домики и пустилась крупной рысью по просящей обочине, обгоняя арбы с навозом. Председатель здоровался с возчиками. Ему было приятно, что они сами без понуканий и напоминаний так рано вышли на работу.

Зоркие глаза председателя заметили, что на дороге осталась куча дымящегося навоза, свалившегося, должно быть, с дырявой арбы. Вскоре Рустам нагнал заспанного, с маленькими модными усиками парня, который восседал на полупорожней арбе.

— Усы-то у тебя, вижу, такие же черные, как совесть! — крикнул Рустам.

Возчик выплюнул папиросу и тревожно спросил:

— А в чем дело, дядюшка?

— Еще спрашиваешь, бесстыжий! Ты что, навозом решил дороги мостить? Слезай сейчас же, чини арбу, затыкай щели! — И, прищипорив кобылицу, не оглядываясь, Рустам помчался вперед.

У огородов кобылица пошла тише, устала. Но председатель и сам хотел тут задержаться, чтобы получше рассмотреть, как вспахали и удобрили здесь землю. На некоторых участках уже были посажены свекла и лук. Привязав лошадь к стоявшей у межи арбе, Рустам приседал, кряхтя, брал влажную землю щепотью, разминал ее, нюхал, чуть языком не лизал. Настроение у него было великолепное — отлично подготовились к севу. Внезапно в стороне, за арыком, слышались возбужденные голоса. Председатель пошел туда, — такая уж должность: если где-либо спорят или ссорятся, волей-неволей приходится вмешиваться все тому же Рустаму-киши.

— Что тут стряслось? — обратился он к измазанному, взлохмаченному трактористу, на которого наступала звеньевая Гызетар.

Тракторист, не слушая Рустама, продолжал перебраниться с девушкой.

— Не имеешь права с поля сгонять!

— Имею! — говорила Гызетар. — Хочешь работать как следует — работай, а пахать кое-как не позволю, так и знай! Скатертью дорога, прощай, голубчик! — И повернулась спиной к возмущенному парню.

Рустаму достаточно было краем глаза посмотреть на пахоту, чтобы заметить, что борозда мелкая — на четырнадцать сантиметров, не глубже, а по договору с МТС обязаны пахать на двадцать — двадцать два...

— Не маши руками! — кричал парень. — Воображаешь о себе черт знает что! Не учи ученого, арвад!..

Тяжелая рука Рустама ухватила его за ворот рубахи.

— Приказ звеньевой — закон! Перепахивай, как тебе велят, — негромко сказал председатель, но так грозно прозвучал его голос, что парня оторопь взяла. Он молча побежал к стоявшему в отдалении трактору.

Рустам почему-то не покидало светлое настроение. Ему понравилось, что звеньевая — добродушная, полная, на вид совсем не строгая, подружка Першан — знала свое дело и не уступила ленивому, беспечному трактористу. Гызетар совсем недавно вместе с Першан кончила школу, она застряла на второй год в пятом классе. В учении Першан догнала ее, а в работе отстала: уже с седьмого класса подружка работала на хлопке, меньше двухсот трудодней не зарабатывала. Отстала от нее Першан и еще кое в чем: Гызетар уже вышла замуж за Наджафа, а у дочки

Рустама даже нареченного как будто не намечалось...

Поблагодарив звеньевую взглядом, Рустам поспал на ферму. И там его ждали радостные вести: зоотехник, заведующий фермой Керем, чабаны, все в один голос заверили председателя, что падеж прекратился, опасность миновала.

2

Поздно вечером Рустам вернулся домой — с усталым, но довольным видом, поцеловал смугливую Майю в лоб, потрепал сына по плечу, прикоснулся губами к косам примчавшейся дочки.

— Ну, жена, неси угощение — фрукты, чай, вино! — с радушием гостеприимного хозяина воскликнул он.

— Обедать разве не будешь? Хороший плов приготовила.

— Неужели не обедали? Смотри, невестку голодом заморишь, сбейт, — пошутил Рустам.

Сакина никогда не обедала без мужа, и теперь она с виноватым видом объяснила:

— Я тоже с детьми пообедала. Долго ждали тебя. Гараш в правление зашел, а Салман говорит, ты на тот берег Куры уехал...

— Я с чабанами пообедал, — сказал Рустам. — Прямо из пасти волка спасли барана, но проклятый все-таки успел вырвать курдюк. Что подделаешь? Разрешил чабанам прирезать, готовить «бозартму»¹. Чаю неси... Ну, а у вас что хорошего?

Он спрашивал всех, но Майе казалось, что Рустам-киши только ее спрашивает, к ней приглядывается. И она снова сконфузилась.

От степного студеного воздуха щеки Рустама покраснелись, морщины разгладились, он помолодел и улыбался добродушно, раскуривая трубку, а Майе свекор по-прежнему представлялся грозным, и она отвечала осторожно, обдуманно, деликатно, как будто разговаривала с тяжелобольным... Сейчас-то улыбается и шутит, а бог весть каким будет через минуту, — всего можно ожидать.

Рустам заметил настороженность невестки, но не придал этому значения.

— Не соскучилась на новом месте?

— Да что вы!

— Чем же у нас думаешь заняться?

— Я же инженер, мне работать надо. Гидротехники ведь нужны Мугани...

— Ого, еще как! Ну работай, работай, — снисходительно сказал Рустам. Так же точно еще недавно он говорил шаркавшей кукле Першан: «Ну играй, играй!» — Боюсь, как бы тебя, невестушка, в дальний колхоз не послали. У нас ведь так бывает: муж здесь работает, а жену пошлют

на край света... Поговорю в МТС, к нам назначат, в наш колхоз, — уверенно закончил он.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, ведь есть указание министерства, я в Баку договорилась.

— Ну, министерство — министерством, а район — районом. Только, невестушка, имей в виду: Мугань изнеженных не любит. Зима и осень здесь хороши, слов нет. Ну, грязь немножечко настроение портит. А вот летняя жара начнет, — он покрутил головой, — не всякий вынесет.

Першан показалось, что в словах отца запрятан какой-то колкий намек, и она с досадой воскликнула.

— Не пугай ты Майю! Лето как лето, яйлаги¹ есть, в садах прохладно. Мы-то живем? И она привыкнет.

Боясь, что отец с дочкой опять поссорятся из-за нее, Майя примирительно сказала:

— Не переносу жары, лютый мороз лучше. Но ведь в книгах пишут, что у вас и летние вечера прохладные.

— Книги! — хмыкнул Рустам. — А много ли книг у нашей Мугани?

— Не так много, а все-таки есть. Да вот одна у меня под рукой... — И протянула свекру книгу в белом переплете.

Рустам прочитал название, прикинул на руке вес книги, желая убедиться, солидная ли, заслуживает ли уважения, и глубокомысленно протянул:

— Порядком написали. Наука! — Перелистал, задержавшись взглядом на пометках, сделанных рукою Майи, и, вернув невестке книгу, попросил: — Почитай вслух! Люблю слушать.

Майя открыла книгу, но буквы сливались, рябили, и как она ни напрягала зрение, не смогла прочитать ни слова. Большая комната освещалась подслеповатой керосиновой лампочкой. Метнув на Гараша удивленный взгляд, Майя смиренно вздохнула: не стоит, мол, на это обращать внимания, и пересела поближе к столу.

Приготовившись слушать, Рустам поплотнее набил трубку, посмотрел на маленькие белые руки невестки, изящные, словно выточенные из самшита пальчики с ярко-красными ноготками и, вздохнув, подумал: «Хорошую женку выбрал сынок. По рукам судя, ни одной миски в жизни не вымыла, ни одной рубахи не выстирала...»

Майя заметила и этот оценивающий взгляд, услышала и огорченный вздох свекра, но сдержалась, и лишь болезненно вздрагивающий голосок выдавал ее состояние.

— Еще за триста лет до нашей эры греческий ученый...

Рустам прервал невестку.

— Обожди. Триста лет? Когда ж это было?

— Ай, папа, сколько раз объясняла, — вмешалась Першан. — Вот мы говорим: год тысяча

¹ Бозартма — тушеный в собственном соке молодой барашек.

¹ Яйлаги — горные луга.

девятьсот пятьдесят шестой. Это наше летосчисление, наша эра, а ведь и до этого на земле жили люди. Уже книги ученые писали. Те времена в науке называют старой эрой. А у христиан говорят: до рождения Христова...

— Э, дочка, это мы понимаем, — по-озорному улыбнулся отец, поглаживая усы. — Хоть деревенские, а понимаем. Я спрашиваю, сколько лет в общей сложности составит? — И, не дав ни ей, ни Майе времени подсчитать, самодовольно произнес: — Две тысячи двести пятьдесят шесть. Вот как!.. Ты моего вопроса не поняла, а меня уморазуму учишь. Непристойно девушке быть такой... узкозубой!

Узкозубой? Майя подумала и догадалась, что это на языке народных поговорок, видимо, значит — быть ограниченной, мелко схватывать...

— Да, приблизительно две тысячи двести пятьдесят шесть лет назад, — кивнула Майя, — в Греции жил историк Страбон. Вот что писал он о Мугани...

— Ого! Уж тогда о Мугани во всем мире знали! — восхитился Рустам.

— Да. Земля Мугани, писал Страбон, однажды засеянная, дает в год два-три урожая. Оросительная система здесь была лучше, чем в Египте и Вавилоне... Прекрасные пастбища. Страбон так и называет Мугань: «Зеленая». Виноградные лозы вырезали один раз в пятилетие. Вновь посаженные лозы уже на следующий год плодоносили, а на третий год ложились на землю от тяжести гроздьев...

Сейчас Рустам увидел, что Майя рассказывала, не заглядывая в книжку. Она только загоразживалась ею от смущавшего ее взгляда свекра. Голосок ее звучал звонко, в глазах сверкали огоньки, и речь ее казалась Рустаму похожей на красивое узорчатое покрывало, связанное Сакиной.

У Рустама погасла трубка.

Майя остановилась, придвинула Гарашу спичечный коробок и ласково напомнила:

— Поднеси-ка отцу огонька.

— Раз папа не заметил, что трубка погасла, значит беседа ему понравилась! — рассмеялась Першан.

Рустам словно очнулся от дремоты, взял из рук сына спички, но не закурил, а выйдя из-за стола, начал расхаживать по комнате. И прежние глубокие морщины пролегли на его нахмуренном лице.

— Папа, о чем ты? — встревожилась дочь, бросилась к нему и прошептала на ухо: — А пировать когда будем?

Отец качнул головой.

— После свадьбы музыка — как после обеда горчица. Отложим до твоего замужества.

Майя, наклонившись, вполголоса разговаривала с Гарашем и не расслышала слов свекра.

— Ой, ты и скажешь, папа! — И девушка закрыла лицо руками.

Гараш, весь вечер любовавшийся Майей, тоже ничего не услышал из этого короткого разговора отца с сестрой. И когда Рустам глянул на сына и увидел его восторженное, обращенное к Майе лицо, сердце отца дрогнуло... За что, в самом деле, упрекать Майю? Ведь она принесла счастье его единственному сыну. Что ж, она приехала с ним сюда без сватов, нарушив стародавние обычаи — им, вероятно, не две тысячи двести пятьдесят шесть лет, как книге Страбона, а куда больше, — но взгляни-ка, старый, в лицо сыну: разве ж не все сокровища мира принадлежат сейчас Гарашу?.. И верно, лицо сына смеялось: глаза смеялись, крутые брови смеялись, щегольские, тоненькие — в ниточку — усики смеялись. Гараш стал красивее, привлекательнее и, пожалуй, серьезнее.

Всегдашняя замкнутость помешала Рустаму вымолвить то, что подсказывала совесть, и он, буркнув: «Посмотрю, где наша мать запропастилась; пока ее самовар закипит, ночь пройдет», — вышел на темную веранду.

8

Едва шаги отца стихли, Першан, не умевшая спокойно минутку посидеть, подседа к Майе, чмокнула ее в румяную, как персик, щеку, шепнула:

— У брата глаза горят, у тебя — еще светлее сияют. С чего бы?

Майя только плечами пожала: ну и болтушка!..

Гараш погрозил сестре пальцем: погоди, мол, доберусь до тебя.

— Смотри, какой красавец мой брат. Все девушки колхоза тайком вздыхали о нем!

— Почему же тайком?

— Не знаю. Такой, говорят, обычай. Девушке не подобает открыто выражать свои чувства.

— Плохой обычай, очень плохой. Зачем хранить в тайне любовь? Человеку всегда надо быть честным и откровенным.

Гараш с недовольным видом покосился на шепчущихся сестру и Майю и громко сказал:

— У Першан со школы привычка — секретничать с подружками! И главное, все о любви!

— А ты, братец, и сейчас меня не понимаешь, и десять лет назад тоже не понимал! — вздохнула Першан. — Такой уж бестолковый уродился! Мы говорим о тебе!

— Обо мне? А для чего шептаться? Говорите открыто! Не-ет, сплетничаете о ком-нибудь, уж я-то тебя, сестренка, знаю досконально!

— Замолчи, врун! — крикнула Першан. — О ком я сплетничала? Да в жизни ни об одном человеке худого слова не вымолвила! Мама говорит, что в том доме, где сплетничают, согласия не бывает!

— Конечно, мама это говорила, и даже не раз, — засмеялся Гараш, — но что в этом толку?

Все равно по углам с подругами шепчешься! Смотри не приучай к этому Майю, а то плохо будет! — И он угрожающе взмахнул широкой, как лопата, рукою.

Першан с достоинством выпрямилась.

— Богом клянусь, если посмеешь поднять на меня руку, затопчу ногами, как цыпленка! — торжественно произнесла она. — И Майю не пожалю, что овдовеет!.. Это тебе не четвертый класс.

— А что, разве еще чешется? — лукаво спросил брат.

— Не поверю, что ты осмелился побить сестренку! — заметила Майя.

— Еще как осмелился!... — воскликнула Першан. — Мужчина! Как же, повелитель! Правду старухи говорят, что у мальчиков от рождения в сердце темное пятнышко!.. Сидела с одной девочкой я на одной парте. Гызетар зовут, я тебя познакомлю, очень милая! — с жаром начала рассказывать Першан. — Проворная, бойкая...

— Да ты не о Гызетар говори, — о себе! — перебил ее брат.

— О себе мне говорить нечего! Речь пойдет о тебе, герой. Боюсь только, что, узнав о твоих подвигах, Майя с ужасом увидит, что ее любовь уменьшилась.

— Ошибаешься.

— Конечно, вам лучше знать, я о таких делах не имею никакого понятия! — поджала тонкие губки Першан. — Ну, однажды Гызетар пришла ко мне, мы быстренько приготовили уроки и занялись играми, а этот лоботряс то в книгу заглянет, то зевнет, то чинит карандаши, то жует похищенный у матери чурек, то стреляет бумажными шариками мне в ухо, а Гызетар в нос!.. Он с детства уже такой был, отпетый! Не понимаю, за что ты его полюбила!

— Себе найди получше! — Гараш обиделся.

— Во всяком случае, мой будет несравнимо лучше!.. — процедила безговорочным тоном сестра. — Ну вот, Майечка, конечно, наступило возмездие: мама заметила шалости Гараша, взяла его за ухо, усадила за стол и велела зубрить уроки, а к нам не приставать. Мы сидим в уголке, рассуждаем о том о сем, даже его, изверга, пожалели... И вдруг, решив, что мы над ним смеемся, этот людоед сорвался с места, подскочил и пнул меня ногою. Ну, сама догадываешься, в какое место пнул! — скромно опустила глаза Першан. — И кричит во все горло: «Не смейте шептаться!» А! Как тебе это нравится? В такие-то малые годы, и уже был бессовестным!

— Н-да, это мне совсем не нравится! — согласилась Майя; эти серьезные слова не помешали ей бросить нежный взгляд на Гараша.

— А что ж ты дальше не рассказываешь? Скажи уж, как ты завизжала, подняла такой крик, что стекла чуть не полопались! — сказал Гараш, вытирая платком слезившиеся от смеха глаза. — Мама бросила хлебы в тандыре и примча-

лась сломя голову. Бедняжка перепугалась, подумала, что в дом проникли разбойники! Режут!.. Всегда была крикуньей и доносчицей! — с горькой усмешкой закончил Гараш.

— А что ж ты дальше не рассказываешь? — подхватила неугомонная Першан. — Скажи Майе, как мама взяла скалку, а ты, выпрыгнув в окно, умчался в поле, словно сорвавшийся с привязи теленок!

— Не стоять же мне и ждать, когда накажут! Скрыться вовремя от противника — тоже отвага, и отвага не малая!

— Твоим бы врагам в жизни такую отвагу! — щедро пожелала сестра. — Вот тогда бы ты прослыл богатырем из богатырей!

Она прижалась к Майе и что-то лукаво шепнула, обжигая жарким дыханием ее шею. Та кивнула в знак согласия и снова посмотрела на Гараша, и он прочел в ее глазах не только всегдашнюю нежность, но и сдержанное стремление, какого еще вчера в них не было...

4

— Входи же, входи, милости прошу, — любезно приглашал кого-то Рустам, возвращаясь с веранды.

Вслед за хозяином в столовую вошел Шарафоглу. Гараш вскочил, подумав с беспокойством: «Не случилось ли чего в МТС?»

— Какими судьбами, товарищ замдиректора?

— Решил, что можешь тайком жениться в Баку — и дело с концом? — улыбнулся Шарафоглу, пожимая руку Гарашу и кланяясь Майе. — И мы об этом знать не будем? Не вышло, дружок. Слухом земля полнится. Зазналась нынешняя молодежь, нос задрала, — обратился он к Рустаму. — Покажем, друг, что мы, старая гвардия, тоже кое-что сможем в таких делах... Эй, ребята, входите-ка!

Дверь широко распахнулась, пропустив в комнату Ширзада, Наджафа и Гызетар.

С малых лет росли они вместе с Гарашем, вместе играли, вместе дрались, вместе пять лет назад окончили среднюю школу. Но сейчас, увидев товарища школьных лет рядом с его молодой женой, парни застеснялись, поклонились неуклюже, без слов, и только Гызетар не растерялась и протянула Майе букет оранжевых роз.

— Поздравляю Гараша от имени друзей, да и от всей нашей молодежи... Желаю вам счастья...

Майя спрятала лицо в букет, прошептала:

— Спасибо. В такое время года и — цветы...

— Это еще что! — воскликнул Наджаф. — Наша Гызетар и под снегом вырастит орхидею. Знатный мастер хлопнул! А впрочем, разрешите поздравить и познакомиться: Наджаф, секретарь комсомольской организации.

— Теперь и мне, старику, позвольте пожать вашу руку. От души желаю всяческого благополучия, — сказал Шарафоглу.

Майя благодарила, здоровалась, переключивала букет из руки в руку, наконец догадалась отдать его Гарашу.

— И вас поздравляю, надеюсь скоро видеть бабушкой и дедушкой, — поклонился Шарафоглу Сакине и хозяину.

Тем временем Гызетар и Наджаф вынули из корзинки угощение: тут были и конфеты, и печенье, и засахаренные фрукты, и пастила.

Вдруг Наджаф заметил, что Ширзад так и не поздравил Майю. Он стоял в сторонке, у самых дверей. Его занимала только Першан, ее одну он видел сейчас. А Першан то шепталась с Майей, то толкала брата, то смешила Гызетар, не замечая Ширзада, словно его и не было в комнате.

— Дружок, помогай, что застыл? — обратился к Ширзаду Наджаф и тут же объявил для общего сведения: — Прибыла кинопередвижка! Замечательный фильм!

— Как называется? — спросила Першан.

— «Ромео и Джульетта», — не задумавшись, сказал Наджаф. Он и понятия не имел, какой привезли фильм. — «Ромео и Джульетта!» — многозначительно повторил он, прищурив левый глаз.

Продолжавший стоять в тени Ширзад сжал кулаки. Першан тоже поняла намек и презрительно сморщила носик.

А Наджаф не унимался.

— О Першан, объясни, что за странность: войдя в комнату, я долго не замечал тебя — прекраснолицую!..

— Гызетар ослепила тебя. Где ж замечать других девушек, да еще таких, как я.

— Ты права, права, клянусь богом! Люди тянутся к свету, а эта безбожница ведет меня во тьму! Не так ли, друг мой Ширзад?

— Нет, не так, — сухо сказал за его спиной Ширзад. — Прикоснулись пальцы Гызетар к твоим очам — и ты прозрел.

— Оказывается, молчаливый игит в чужой карман за словами не лезет, — заметила с невозмутимым видом Першан.

— Дай ему только расправить крылья, сложит такую баяты, что и не снилось ашугу Алеснеру, — сказал Наджаф.

— Конечно, с помощью Першан! — вставила колкое словечко Гызетар.

— Разумеется! — пылко согласился Наджаф. — Я же при твоей помощи сочиняю дивную легенду «Гызетар-неме»¹. Через два месяца прочтете в бакинском журнале.

— Все рассмеялись, а Гызетар в отчаянии заткнула уши.

— Что о тебе подумает Майя? Вот не поверите, — обратилась она к Майе, — два слова не спо-

собен на бумаге связать. Как только возьмет в руку карандаш, сразу же начинает жаловаться на головную боль.

— Не клевети, женщина! — повысил голос Наджаф. — Разве не письмом я поведаль тебе о любви? Разве не мои сладкозвучные слова опьянили тебя? Как прочла, так ко мне примчалась.

— Чирей бы тебе на язык! Два года гонцом присылал Ширзада. Худеть начал, сохнуть... Испугалась, что превратишься в щепку, только потому и пожалела.

Сунув руку в карман пиджака, низенький толстяк Наджаф с угрозой сказал:

— Коль так, сейчас прочитаю вслух ее ответное послание с клятвами в вечной любви.

Гызетар толкнула его в бок.

— Замолчи, говорю. Никому это не интересно.

— Почему ты сердешься? — заныл Наджаф. — Я же повинюсь во всем. Слышу: «Работай!» — иду работать. «Спать!» — иду спать. «Вставай, лежебока!» — встаю... Чем ругаться, скажи-ка Першан, что гостям надо выказывать уважение, стол пора накрывать! А то расселась, как разборчивая невеста на смотринах! Смотри, ханум, смотри, этим летом на хлопке потруднее будет, чем раньше. Как бы не опозориться.

— Не беспокойся, я всегда сухой из воды выйду! — заверила его Першан.

— В чей же это огород камешки? Не в ваши ли, бригадир Ширзад? — заинтересовался Наджаф. — А я, наивный, предполагал, что в вашей бригаде высокая трудовая дисциплина, что вы воспитываете подчиненных, и прежде всего Першан, в духе трудолюбия и смирения!.. Ну чего, чего стоишь, как придорожный столб, подойди ближе, слышишь, как тебя нахваливаю! Посиди, откашляйся, прочисти соловьиное горлышко и затяни шикясту¹ в честь Майи и Гараша!

Пока комсомольский секретарь шутками и прибаутками забавлял товарищей, Сакина, Шарафоглу и Рустам, сидя на диване, неторопливо беседовали. Наконец Шарафоглу подошел к молодежи.

— Ай, Наджаф, не довольно ли вести культурно-массовую работу? Пора бы приняться и за другое, — сказал он вполголоса.

— У нас все готово!

Достав со дна вместительной корзины бутылку «Мадрасы», Наджаф прижал ее к груди и запел, подражая шуту из оперы «Кер-оглы»:

— Ашуг, спой одну-у шикясту-ууу!

Все рассмеялись, даже Ширзад не смог удержаться улыбку.

— Может быть, угостить сперва чаем? А, киши? — обратилась Сакина к мужу.

Рустам, недовольно наблюдая, как Наджаф вынимал из корзины свертки, кульки и бутылки, промолчал.

¹ «Книга о Гызетар».

¹ Шикяста — народная мелодия.

— Конечно, чаю, сладного чаю. Хороший народный обычай, — сказал Шарафоглу, не дожидаясь согласия хозяина.

Сакина оживилась, велела дочери и Майе собирать на стол, а сама пошла за самоваром.

Схватив первую попавшуюся под руку скатерть, Першан бросила ее на стол. Смущенная сосредоточенным угрюмым взглядом Ширзада и намерами Наджафа, она совсем не думала о том, что делает.

— Что, кроме этой тряпки, больше нечего постелить? — грубо спросил Рустам, и, почувствовав, что гости сразу притихли, он с деланным смешком добавил: — Что с тобой, доченька? Такое почтенное общество, такой торжественный день, и не нашлось праздничной скатерти? Страшно подумать, что станет рассказывать о нашем гостеприимстве ну хотя бы Наджаф...

— Ты прав, клянусь, как всегда прав, киши! — воскликнул Наджаф, и мясистые пухлые щеки его покраснели. — Я же вырос во дворце бека и привык к золототканым скатертям.

— Замолчи!.. — прошипела Гызетар, дергая его за рукав пиджака.

— А чего мне молчать? — Наджаф с удивлением развел руками. — Как будто дядюшка не знает, что в доме у меня чихиртму не варили, от соседей не приносили. Скатерти-самобранки не было, шелковым одеялом тоже не накрывался...

Вот уж сейчас Наджаф не шутил, говорил правду. Всем в колхозе было известно, что Наджаф — круглый сирота. Еще в школе он полюбил машины, мастерил модели, с шферами пропадал в степи, а после школы пошел в трактористы. Эта работа пришлась ему по душе, и ни к чему иному Наджаф не стремился.

— Ты был сиротой в советское время, — заметил Рустам. — Какое же это сиротство? Вот на мою-то долю выпало действительно сиротское горе. Любый вынимал из рта последний кусок хлеба, обижал и мучил. Между прочим, комсомольский вожак, сообразительность вовсе не зависит от бедности или богатства.

— Да ведь и вкус пищи не зависит от скатерти, — быстро нашелся Наджаф. — Мы открыли дверь твоего дома, дядя, мечтая только о радушии.

В эту минуту в комнату вошла Сакина с кипящим самоваром. Она услышала последние слова Наджафа.

— Верно, сынок, справедливы твои слова. Наш дом — твой родной дом. Друзья Гараша — наши друзья. И правильно сделали, что без приглашения зашли. Так и впредь поступай.

Тем временем Першан уже расстелила желтую скатерть с голубой каймой и пышной бахромой. Майя и Гызетар принесли посуду и вазы с вареньем.

Самовар величественно стоял на маленьком столике и швырял к потолку клубы пара. Ароматный чай цветом напоминал вино. Гостям с поклонами были разнесены стаканы. Все примолкли.

— Нигде, кроме дома тетушки Сакины, нет такого душистого чая! — сказал неунывающий Наджаф, разглядывая на свет отливающий золотом напиток. — Как же нам было не прийти, тетушка? Наш закадычный друг женился, ввел в дом такую красавицу, а мы в кино отправимся? Как только товарищ Шарафоглу сообщил, мигом собрались!

Рустам вынул из рта трубку, погладил усы.

— Значит, я был прав, когда говорил о твоей сообразительности? Шарафоглу догадался, а не ты, — с торжеством заметил он. — Вода в кувшине твоя, а закуска — моего фронтового друга.

— Клянусь, ты прав, как всегда, дядюшка! — согласился Наджаф. — Сообразительности мне не хватает. Впрочем, на этот счет все мы прихрамываем. Я-то, наивный, предполагал, что сам хозяин пригласит: соседи, мол, приятели, сын женился, радость-то какая, пожалуйте к нам!

Как ни привыкли все к шутивым перебранкам Рустама и Наджафа, а на этот раз не смеялись: у хозяина дернулась бровь, трубка засипела, словно тоже растерялась, не зная — то ли потухнуть, то ли еще разгореться...

Чтобы выручить отца, Гараш сказал:

— Обычно приглашают посторонних, а мама тебе уже объяснила, что здесь — твой родной дом.

И Першан ехидно заметила:

— А иначе, как бы ты здесь появился? Не мог же такой стеснительный, робкий человек, как наш Наджаф, без приглашения потянуть к себе дверь чужого дома.

Все смеялись, даже Рустам улыбнулся в усы, довольный, что дети заступились за него, проучили остряка.

5

Майя почти ничего не слышала, не замечала: ей было так хорошо, что она и смеялась не над шутками Наджафа, а просто потому, что хотелось ликовать, веселиться. Счастье переполняло ее, дыхание сидевшего рядом Гараша казалось таким необходимым для ее собственной жизни, что она поражалась, как могла существовать раньше без этой, теперь уже единокровной, близости. Ей сразу же от души понравились друзья Гараша, она была благодарна им за приход, за полные сердечности поздравления; она видела, что счастье друга им дорого так же, как свое счастье. «С такими друзьями хорошо работается и легко живется!» — подумала Майя.

Не только месяц назад, но еще вчера ночью, любуясь сиянием и блеском «Слияния вод», она смутно представляла жизнь с Гарашем в доме Рустама-киши, и многое казалось таинственным и неясным, будившим в сердце опасения и тревоги.

А сейчас друзья Гараша преданностью и чистосердечием как бы осветили ей новые пути

жизни, и Майя уверенно взглянула в будущее. увидела, что они всегда помогут ей найти дорогу в незнакомой Муганской степи, поддержат, предостерегут от заблуждений.

И Гараш тоже был польщен и обрадован. «Суди о человеке по его друзьям», — вспомнил он пословицу. Пусть жена оценит верность их дружбы, поймет, какие люди навестили его в первый же семейный вечер. Они разломают пополам последнюю горбушку хлеба для того, чтобы поделиться с Гарашем; они открыли двери его дома только для того, чтобы умножить радость Гараша; они подставят свои могучие плечи под тяжелую ношу, чтобы Гараш смог передохнуть в пути; они возьмут на свою долю его горе, чтоб и ему и Майе стало легче.

Молчал за столом, не смеялся шуткам один Ширзад. Мрачно уставился он в стакан, словно хотел прочитать что-то на дне. О причине его задумчивости знали все, а лучше всех — Першан, но как раз она-то и капризничала, делала вид, что ей до Ширзада дела нет.

Когда наконец гости и хозяйка устали смеяться над пристыженным Наджафом, Шарафоглу внушительно заметил:

— Это тебе наказание за скрытые намеки. Хочешь говорить — говори прямо. А ты букет роз так плотно запаковал в бумагу, что обязательно наколешься шипами!

— Ой, товарищ Шарафоглу! — молниеносно приободрившись, сказал Наджаф. — Но в букете-то не только колючки, — благоухающие розы! Как говорится, у курда много недостатков, но склонности воровать нету! Не так ли, дядюшка Рустам? Ты, конечно, со мною согласен? А если согласен, то почему молчишь, почему опять нещадно палишь трубку?

Рустам нехотя улыбнулся.

— В словах ты меня проворнее, старику не угнаться.

И вдруг он вспомнил анонимное письмо и спросил себя: «А не Наджаф ли?» Эта мысль, словно мгновенная вспышка ночной молнии, ослепила Рустама. Он даже зажмурился, протер глаза... Пробормотав, что идет за табаком, он вылез из-за стола, отошел к дверям и оттуда еще раз подозрительно осмотрел беспечно хохочущего Наджафа. «Фу, дьявол, не может этого быть!..» — отмахнулся он и вернулся.

Сызмальства Рустаму хлебосольство, гостеприимство представлялось святыней. Велика была его ненависть к людям, делившим хлеб с хозяевами, умильно заглядывавшим им в глаза, а за спиной расставлявшим капканы на дорожке: авось да угодит ночью... По мнению Рустама, можно исправить вора, обманщика, конокрада, но не человека, забывшего хлеб-соль.

И потому он не поверил, что Наджаф мог пасть так низко, — и письмо отправить, и примчаться

вот сейчас с поздравлениями и подарками. И все-таки сомнения не покидали Рустама.

Заметив, как помрачнел хозяин, Наджаф спохватился, что перегнул палку, и решил быть серьезнее.

А Першан, счастливая уже тем, что мгновенно забывала обиды, шепталась с Гызетар, бойко постреливая глазками то в Гараша, то в Ширзада.

«Брат погрозил болтушке, сделал сердитое лицо; Ширзад вздохнул и отвернулся, стакан чая остывал перед ним.

Майя тоже улыбнулась, любясь золовкой, подумала, что сияющие молодостью глаза Першан согревают и радуют людей, словно предрассветная звезда муганских небес, возвещающая о приближении дня. Хорошая, чистая душою девушка! Как посчастливилось Майе, что у нее такая золовка! И свекровь, слов нет, чудесная. Говорит мало, а уж если скажет — как рублем подарит; улыбается — и всем понятно, что сердце у Сакины мягкое, любящее, сострадательное. Пуще всего Майя боялась, что пошлет ей судьба ворчливую, вечно всем недовольную, злую свекровь, о каких в сказках рассказывают... И весь день Сакина на ногах, минуты не присядет, и хлопочет, и суетится, руки ее непрерывно заняты работой.

Конечно, Гараш неразговорчивостью выдался в мать, а ростом, фигурой, лицом — вылитый отец!

Да, отец его странный. Именно странный. Майя не может пока назвать его ни плохим, ни хорошим. Суждения Рустама-киши порою убедительны, мудры, в них скрыта какая-то прочность, жизненным опытом приобретенная. И все это нравится Майе. А порой Рустам-киши, сам, вероятно, того не замечая, несет такую чепуху, что и слушать стыдно: так и пахнет старорежимными порядками или, как в институте говорили, «бекско-феодальными пережитками»... И эгоист он, в его манере держаться угадываешь привыкшего к власти человека, будто на всех смертных смотрит свысока: дескать, никто ему не по плечу. Радоваться надо, что Гараш сердцем удался в мать, — чуткий, ласковый. И Майю любит верно, страстно. Майя всегда мечтала, чтоб муж был в нее влюблен, как сумасшедший. Вот Гараш точь-в-точь такой: его любовь словно низвергающийся с горы водопад! Майе нравится эта безрассудная, сумасшедшая, кружащая голову любовь! Майя хотела, чтоб ее возлюбленный был чутким и угадывал по ее глазам желания и покорялся этим желаниям, оставаясь сильным, гордым.

Ее Гараш именно такой!

6

Украдкой от гостей Сакина вызвала мужа в соседнюю комнату.

— Ай, киши, чаем сыт не будешь, сейчас за вино примутся, что готовить на ужин? Барана

зарезешь или мне быстренько состряпать чихиртму из курицы?

— Ничего не нужно, — усмехнулся Рустам. — Принеси масла и сыра, свари десяток яиц...

— Странный ты какой-то сегодня, киши, — упрекнула Сакина. — Ну, чего опять насупился? Днем был веселым, милым, а сейчас... Прошу, киши, не омрачай светлый день. И Майю жалко, ведь она по любви к нашему сыну пришла в дом. Пусть и ей будет легко...

— Ладно, ладно, — проворчал Рустам. — Сам зарежу барана, готовь шашлык. Гарашу скажи — пусть петушков прирежет на чихиртму. Такая компания одним блюдом не обойдется. Умно говорили деды: «Назвался Кер-оглу мельником — не жалей зерна для жерновов». — Он помолчал. — Для нас накроешь стол здесь, для вас — в той комнате.

— Не пойму тебя...

— Обычаев не знаешь, что ли? Мужчинам — здесь, женщинам — там. Теперь поняла?

Жена только головой покачала: «Ну-ну... Подумался!» Хотела возразить, но раздумала: «Сам образумится, пока буду стряпать...»

Но Рустаму-киши не легко было образумиться. В сущности, его самого не так уж беспокоило, где будут сидеть женщины, но что скажут люди? Майя — горожанка, приезжая, ведь на нее и обрушится всеобщее осуждение. До сих пор Рустам-киши слыл среди стариков примерным семьянином. Зачем же без нужды нарушать старинные обычаи свадебного стола? Он представил себе возмущенно трясущиеся седые холеные бороды аксакалов, представил и почтенных старушек, нашептывающих прямо в ухо Сакине: «Нельзя, нельзя глумиться над обычаями дедов!...»

Управившись с бараном, он вымыл руки и вернулся к гостям. Три стола, составленные в столовой вплотную друг к другу, были накрыты белоснежными скатертями. Дочь, невестка и Гызетар расставляли приборы, бокалы.

Сбежав по ступенькам, Рустам подошел к жарко пылавшему очагу, на котором стряпала Сакина.

— В мои годы со мною шутки шутить стала? У Наджафа научилась?

Жена оставалась спокойной.

— Вот сам, киши, и скажи Гызетар, что она не имеет права сидеть рядом с мужем — секретарем комсомола.

— Мне нет дела до Гызетар, пусть провалится ко всем чертям!

— Обо мне говоришь? Так я даже к людям не выйду. Хочешь, с завтрашнего дня лицо закрою чадрую. А с Першан и невесткой сам разговаривай.

— Побояюсь, что ли? — сказал Рустам и, отшвырнув носком сапога валявшуюся на земле щепку, вернулся в дом.

В столовой Рустам отозвал дочь в сторону и тихо, чтоб гости не услышали, сказал:

— Доченька, надо переставить один стол в соседнюю комнату. Женщины там сядут, а мы, мужчины, здесь останемся. Так будет просторнее...

— Да тут и двадцати гостям места хватит! — наивно ответила Першан. — Мы даже лишние приборы поставили, вдруг кто завернет на огонек.

— Ш-ша! — замахал руками перед ее лицом Рустам. — Тише, не ори ты! Гараша позови.

Если у Першан от веселья все в голове кругом шло, то сын сразу понял желание отца и так сжал зубы, что на щеках заиграли желваки.

— Поймите: у женщины на пиру свое место, у мужчины — свое, — убеждал детей Рустам. — Неужели это хорошо, по-вашему, когда пьяный тянется к почтенной женщине, а тем более к девушке, чокается с ней бокалом?

Только теперь Першан наконец все поняла и закрыла ладонями вспыхнувшее от обиды лицо. А Гараш, выпрямившись, глядел прямо в глаза, ему хотелось крикнуть: «В какое время живешь, отец? За тобой же люди идут, ты председатель!» Но произнес он совсем иные слова, и только прерывистое дыхание и покрывшийся каплями пота лоб показывали, как трудно далось ему спокойствие.

— Папа, тут все твои дети...

— Я ничего не имею против них, сынок, но таков обычай. Не нами заведено, не при нас кончится. И на свадьбах, и на поминках женщины собираются в отдельной комнате. Разве сам не видел?

— Мало ли я чего видел! Такие обычаи — кандалы... Своими руками Майю в кандалы заковать? А народ что скажет?

— Народу говорить тут нечего, сынок, — вкрадчиво возразил Рустам. — Скажи честно, в каком селе, в каком доме, на каком пиришестве женщины сидели рядом с посторонними мужчинами? Не было этого! Приглашали меня большие люди, начальники, за их столом обедал, а женского лица не видел. Когда уходили, краем глаз замечал, — у очага во дворе хлопочут. Пусть я отсталый человек, — с торжеством закончил отец, — а эти начальники, что, тоже отсталые? Обычай, сынок, обычай. У каждого свои обычаи.

— Подлый обычай, — твердо сказал Гараш. — И выдумали его пошляки, которые на чужих жен таращатся, а своим не верят. Кто в мире тебе ближе моей матери? В ее сердце каждая кровинка — твоя, ни одной думы нет, не связанной с тобой. Я за тебя в огонь и в воду пойду, мой долг любить тебя, но я люблю и Майю! Так беззаветно любить тебя, как мама, я уже не могу. И вот ей не найдется места за праздничным столом? Ты унижаешь ее этим священным обычаем!

— Еще что скажешь? — спросил устало Рустам. — Выходит, меня под суд надо отдавать как врага женского равноправия...

— Тут корень не в тебе, а в обычаях. Хотя, конечно, и в тебе. Сам же признался, что таких немало и в районе. На словах они за женское равноправие, а в душе — прежние феодалы! Жена — личная собственность, вроде козы или овцы. Чадру-то с лица жены скрепя сердце снять пришлось, так на женскую долю набросили чадру обычаев. Такая — еще страшнее. Стыдно мне будет пировать с гостями и не видеть в кругу друзей ни мамы, ни жены, ни Першан! Стыдно думать, что они, как рабыни, могут только возиться у очага...

Рустам даже не рассердился, а удивился, что обычно сговорчивый, покладистый сын заупрямился, не согласился с отцовским желанием. Майя, что ли, так повлияла? И дня не прошло, а уже обработала муженька. Быстренько!словно в студеный горный ручей, Гараш окунул Рустама в поток бурных, продуманных, прочувствованных слов. Будто заранее знал, что придется сразиться с отцом, — приготовился...

Легче легкого было накричать на сына, гостей прогнать, но Рустам не мог при Шарафоглу дать волю своему необузданному нраву. И так уж неудобно, что он подолгу оставлял друга с молодежью, а сам занимался то хозяйственными делами, то пререканиями с детьми. Закати-ка скандал — не только в районе, в Баку мигом прослышат. Опять посыплются анонимные письма. «А то подметное письмецо Наджаф накатыл, — сомнений нет. Перевелись благородные люди, никому довериться нельзя!» — подумал он и с горечью сказал:

— Пусть будет по-вашему. Пируйте за одним столом, но мне там делать нечего...

И он, согнувшись, прошел в спальню и, не зажигая света, лег на кровать.

7

— Послушайте, правление вашего семейного колхоза еще не закончило заседать? — спросил, появившись на крыльце, Наджаф. — Шашлык на столе, Майя-ханум и Гызетар принесли чихиртму. Если опоздаете, вам ничего не останется...

— Это от целого барана и пяти петухов не останется? — с притворным ужасом воскликнула Першан.

— Очень просто! Вы меня еще плохо знаете... Пойдемте же скорее!

Напрасно Рустам беспокоился о Шарафоглу. — тот подсел к Майе и Гызетар, развлекал их разговором. Когда Шарафоглу был в ударе, то умел рассказывать интересно и сам увлекался своим рассказом.

— Пеняй на себя, — сказала Гызетар вбежавшей в столовую Першан, — ты много потеряла, не услышав рассказа товарища Шарафоглу.

Ширзад пристроился к книжному шкафу и то ли слушал Шарафоглу, то ли читал. Заслышав

голосок Першан, он вздрогнул, захлопнул книгу.

— О чем же он рассказывал? — спросила Першан у Майи, притворяясь, что совсем не замечает Ширзада.

— О прошлом Мугани вспоминал. Да я тебе после расскажу.

— А где же глава семьи? — удивился Шарафоглу, когда Сакина попросила занять его место в центре стола.

— Голова у него разболелась, — Сакина не привыкла лгать и слегка покраснела.

— Так надо врача вызвать, — забеспокоился Шарафоглу, отодвигая стакан.

— Пожалуйста, не тревожьтесь, полегит — и все пройдет. У него часто случаются головные боли. Через полчаса выйдет к столу, — окончательно смутившись, сказала Сакина.

— У меня пирамидон в кармане, сам страдаю головными болями. После контузии начались, — сказал Шарафоглу. — И у Рустама это с войны, понимаю. Вы начинайте, — обратился он к молодежи, — а я друга провожаю...

Шарафоглу прошел в комнату Рустама. Там было темно, и Рустам, когда заскрипела дверь, подумал, что это жена не дает ему покоя, крикнул с досадой, натянув на голову ватное одеяло.

— Что с тобой, друг?

Пришлось откинуть одеяло, приподняться.

— Садись, товарищ Шараф.

— Сесть-то я могу, да ты скажи, заболел, что ли? Надо бы температуру измерить, может простудился...

Несмотря на сопротивление Рустама, ему и температуру измерили, и пульс прослушали, и заставили принять таблетку пирамидона.

«Вот комедия-то!» — негодовал про себя Рустам, но во всем подчинялся другу.

А Шарафоглу с улыбкой — догадался что ли? — произнес:

— У тебя сердце восемнадцатилетнего юноши. И температура вполне нормальная.

— Нормальная — так нормальная, — вяло откликнулся Рустам, поворачиваясь лицом к стене.

— А если температуры нет, — бодро продолжал Шарафоглу, — то одевайся и выходи к столу, подними бокал за счастье молодоженов... Через полчаса мы тебя отпустим.

«Вот привязался! Хорошо, хоть жена догадалась свалить все на головную боль», — думал Рустам, выходя вслед за Шарафоглу в столовую.

Молодежь, разумеется, их не дождалась: не раз были подняты заздравные бокалы. Наджаф безудержно острил, заглушал даже щебетанье Першан; Ширзад совсем замкнулся и сидел на самом краю стола бледный, под стать Рустаму.

Несколько минут пересаживались: хозяину было предложили самое почетное место, но Рустам отказался: пусть во главе стола сидят молодые — сегодня им слава, им уважение... И сел рядом с Сакиной. «Посмотрим, чем ваш пир

— Это Салман. Мой волкодав всегда его так встречает.

Через минуту, осторожно приоткрыв дверь, в комнату бочком вошел усатый чернобровый человек. Майе даже показалось, что не вошел, а вполз...

— Заходи, заходи, Салман, чего ты там застрял, — приветливо сказал Рустам.

— Иду, товарищ председатель, — ответил тот, и голосом и улыбкой показывая, что он с хозяином на короткой ноге.

Салман держал в руке перевязанные шелковыми ленточками красные коробки. Он улыбался приторно сладко, долго пожимая руку Рустаму, расшаркался перед хозяйкой: «Поздравляю, Сакина-хала!»¹ — затем с достоинством проследовал через всю комнату к Майе и Гарашу.

— Добро пожаловать на нашу Мугань, в дом многоуважаемого Рустама-киши... Пусть жизнь для вас будет такой же светлой, как ваше прекрасное лицо. Пусть легко ступают ваши маленькие ножки по муганским дорогам, — плавно произнес Салман.

Жесткие щетинистые усы, воинственно торчавшие вверх, и маслянистые круглые, выпуклые, как пуговицы, глаза Салмана мешали Майе как следует разглядеть лицо этого многословного поздравителя. А тот, наоборот, с интересом рассматривал Майю, как бы оценивая и ее стройный стан, и волнистые локоны, и высокую грудь, прикрытую шелковой косынкой.

— Трудно, ай трудно найти подарок, достойный вас. И кусок алмаза потускнеет рядом с вами от зависти. И все же я осмелился. Будьте снисходительны к скромности подарка, — протягивая коробки, закончил Салман.

Майя растерялась, не знала, прилично ли ей принимать подарок от нового гостя.

Салман быстро нашелся, положил коробки на стол как раз между Майей и Гарашем, как бы подчеркнув, что без согласия супруга он никакие подношения делать не посмеет.

— Деревня, Сакина-хала, деревня... — извинился он перед хозяйкой. — Ничего путного купить невозможно.

— Напрасно беспокоился, — нахмурилась Сакина. — И этого-то не надо было.

— Дело же не в подарках, Сакина-хала, в уважении! — воскликнул Салман, прижимая руки к груди. — От чистого сердца... Нет ничего приятнее счастливой парочки. Как говорят в народе: «Если сердца влюбленных соединились воедино, то даже щепка в их доме ценится дороже золота».

— Только не философствуй, не философствуй, — заткнул уши Наджаф, — садись и пей вино!

— Открывай скорее, посмотрим, — умирая от любопытства, попросила Гызетар.

¹ Хала — тетя, тетушка.

— О женщина! Ведь не тебе — Майе, — вздохнул Наджаф, но все-таки развязал ленточки...

Салману было двадцать шесть лет, но он уже успел прожить довольно пеструю жизнь. Он побывал и в Баку, и в Москве, учился в сельскохозяйственном техникуме, а затем решил стать зубным техником, но вдруг охладел и к этой профессии, два года провел в театральном училище, но и оттуда ушел, решив, что оклады у артистов небогатые. Устроившись в Баку завхозом, Салман на этом поприще проявил редкие способности, но, огорчившись, что у него нет настоящей специальности, наконец обосновался на бухгалтерских курсах и вернулся на Мугань с дипломом бухгалтера. Угодливостью, разбитным нравом он прельстил Рустама и оказался в правлении колхоза — сначала счетоводом, потом бухгалтером. Салман отлично правил автомобилем, с грехом пополам играл на таре и пианино, жарил вкусные шашлыки и мастерски запекал в тесте форель. Он умел угождать женщинам и считал себя знатоком женской красоты. Разглядывая Майю, сравнивая ее с сильным, но неотесанным Гарашем, он думал: «Красавица! Правду говорят: самая сочная груша достается медведю».

Насладившись впечатлением, произведенным на гостей и хозяев подарками, Салман выскочил на крыльцо и крикнул:

— Ярмамед!

— Здесь я, здесь!

— Чего ж ты ждешь? Письменного приглашения? Неси подарок.

Все ахнули: как, еще подарок? Ну что за услужливый человек!

— Однако ты не теряешься, — с насмешкой сказал Наджаф.

— Я-то при чем? — вывернулся Салман. — Ярмамед придумал, а мне отвечать?

Ярмамед встретили хохотом, он был смешон, взъерошенный, потный, растрепанный... Туго набитый хурджин оттягивал плечо, тонкая шея вытянулась, будто огуречная плеть, и продолговатая, тоже похожая на огурец голова моталась из стороны в сторону.

— В чем дело, Ярмамед? — строго спросил Рустам, почувствовав себя уже не любезным хозяином, а председателем колхоза. — Чем набит твой хурджин?

— Уважаемый товарищ председатель, это барашек, — пролепетал Ярмамед, мигая бесцветными глазами. — Мой барашек, собственный. Зарезал в честь свадьбы вашего сыночка. Вашего Гараша!

— Чудо, настоящее чудо! — воскликнул Наджаф, вскочив. — До сих пор мы не знали, в какую сторону открываются двери его дома, не знали вкуса его хлеба, цвета его чая... Ай да Ярмамед, расщедрился!

— Как нехорошо! — рассердилась Сакина. — Никому это не нужно. Есть же и шашлык

и чихиртма. Унеси обратно, Ярмамед, сию же минуту.

Шарафоглу стоял в дверях, скрестив руки на груди, и невесело улыбался.

— Уважаемый председатель, нельзя в столь высокаторжественный день отвергать подарки. — Ярмамед устремил на Рустама умоляющий взгляд. — Такого позора не переживу.

Сакина повернулась к Салману и резко приказала:

— Немедленно унеси барашка!

— Кто-кто, а вы, Сакина-хала, знаете жизнь, — сказал, воодушевляясь, Салман. — Может, опасаетесь, что Ярмамед запустил руку в колхозную овчарню? Ничего подобного! «Свое даешь — не стесняйся», — так люди говорят. Чем богаты, тем и рады.

— Приятные речи приятно и слушать, — обговаривала его Сакина. — А все-таки забирайте своего барашка.

Ярмамед согнулся и заморгал так жалобно, что казалось, вот-вот заплачет.

— Подожди, жена, — сказал Рустам. — Гость пришел с подарком — спасибо. Пойдем приготовим шашлык из барашка Ярмамед.

Но, выйдя вслед за мужем на веранду, Сакина твердо сказала:

— Не прикоснись к этому мясу...

Рустам попятился.

— Ей-богу, не понимаю, что в этом доме творится. Добрый хозяин и приبلудную собаку от ворот не прогонит. Молчи, хоть сегодня-то помолчи, завтра я верну ему двух баранов за одного.

— Ненавижу твоих подхалимов! И Ярмамед и Салмана...

— Уймись! — повысил голос Рустам. — Я же, как видишь, смирился. День такой. Захлопнуть дверь перед гостем хуже, чем путника ограбить. Ну что тебе стоит поджарить два-три шомпола шашлыка? Чем язык чесать, давно бы сделала...

— Сказала не буду — значит не буду, — отрезала Сакина. — Надевай сам фартук и хлопочи...

Рустам растерялся, пожалуй, впервые в жизни.

Керосиновая лампа стояла посередине стола, но по углам обширной комнаты было темно, и никто не заметил вернувшуюся Сакину. А она уже через силу улыбалась, не желая, чтобы гости догадались о ее огорчениях.

За столом опять пировали.

Салман славился по всей округе умением произносить тосты. Распахнув ловко сшитый пиджак, сняв галстук, расстегнув ворот рубашки, он захватил самое почетное место и, размахивая руками, на все лады расхваливал Гараша.

Как ни любила сына Сакина, а не обрадовалась этим похвалам.

Майя не без любопытства посматривала на Салмана. Гость аккуратно причесан, от него пахнет дорогими духами, бритые щеки припудрены. Кто же это? Учитель? Доктор? Районный работник?

Когда Гараш шепнул ей, что Салман работает колхозным бухгалтером, Майя удивилась: никак не подумаешь, по виду — настоящий горожанин.

В колхозе бухгалтера прозвали «Ясты Салман» — «Плоский Салман». Когда Салман говорил, то все на свете становилось плоским, серым и до ужаса скучным. Любимым его занятием было вмешиваться в ссоры мужа с женой, отца с сыном; он ловко мирил влюбленных, утешал тех, на кого гневался председатель колхоза. И во внешности Салмана было тоже что-то плоское, будто его сплющили под прессом: лицо широкое, а ровное, как блин, и нос приплюснутый, и губы тонкие.

Майе было приятно, что Гараша не трогают разглагольствования Салмана. Лицо его оставалось бесстрастным, а, наверное, любой на его месте тоже разок самодовольно усмехнулся бы.

Наконец Салман охрип и с утомленным видом опустился на стул.

Начал говорить Шарафоглу. Майе нравилось, что он все время держался в тени, не подчеркивая своей дружбы с хозяином, ничем не показывая, что он начальник Гараша.

— Выше всех слов на языках и наречиях мира я ценю одно — «дружба»! Счастлив тот, у кого есть хороший друг. А кто самый несчастливый человек на земле? Да тот, от кого отвернулся, отрекся друг. Едва я услышал, что сын моего друга женился, на месте не усидел, сюда примчался. Это потому, что закваска нашей дружбы с Рустамом прочная, испытана в огне сражений. Жаль, что не слышит мой тост глава дома, видно, ему опять плохо стало, занемог... А вам, молодые мои друзья Майя и Гараш, скажу так: живите дружно. Быть мужем и женою не так трудно, а вот оставаться верными друзьями в добрые и горькие дни — удастся не каждому. Берегите дружбу в этом светлом доме. Будьте счастливы!

В эту минуту в столовой появился Рустам с шомполами шашлыка. Стараясь не обращать внимания на изумленные взгляды, сумрачный, нахмуренный, он протянул шомпол Ярмамеду и распорядился:

— Раскладывай!

Ярмамед заковылял вокруг стола, снял весь шашлык с одного шомпола на тарелку Шарафоглы, затем наполнил тарелку хозяина, да еще подложил туда горячий, намокший в мясном соусе чурек, шепнув:

— Уважаемый председатель любит такой хлеб.

— Молчи, — сквозь зубы цыкнул Рустам. — Не торчи гвоздем Мамеда в чужих стульях! — И, нажав могучей рукою на плечо Ярмамед, посадил его на табуретку.

Все были уже веселы, речи за столом не затихали, и через минуту все забыли о том, что Рустам-киши сам принес к столу шашлык.

¹ Имеется в виду персонаж народных сказок, отличающийся несообразительностью.

Салман подсел к пианино и с меланхолическим видом начал наигрывать «Раст»¹. Играл он бойко, развязно, а когда пальцы путались, сам вполголоса напевал, чтобы хоть как-то скрасить впечатление. «Раст» всем понравился... Затем Салман сыграл популярную песню «Застегни свой ворот».

Майя разволновалась; с малых лет слышала она эту песенку от матери. Укладывая девочку в постель, мать напевала ее, и Майя безмятежно засыпала. И с тех пор и в институте и на концертах, услышав эту наивную песенку, Майя вспоминала мать и слезы выступали у нее на глазах. Украдкой вытирая слезы, она оглянулась, — все толпились у пианино, а когда Салман кончил, наградили музыканта шумными аплодисментами.

Лишь Рустам зевал в кулак. Ярмamed без устали насыщался, он незаметно подобрался и к тарелке Шарафоглу, стянул оттуда куски шашлыка.

Сидевший у дверей Ширзад морщился — он один из всей компании понимал, как плохо играет Салман.

Майя напрасно надеялась, что никто не заметил ее слез. У Салмана были зоркие глаза. Отойдя от пианино, он как бы случайно сел рядом с Майей и, наклонившись, шепнул:

— Лишь чуткое сердце понимает красоту музыки. Хотел бы знать, почему вы плакали?

— Мало ли причин? — уклончиво ответила Майя.

— Завидую Гарашу, — горько вздохнул Салман и, сохраняя на лице печальное выражение, присоединился к веселившимся гостям.

Салман уже успел сравнить манеры девушек. Майя вела себя сдержанно и приветливо, а в поведении Першан не видно было и следа лоска: движения размашистые, стремительные, она и улыбаться-то не умела, а сразу принималась хохотать. «Но если эту дикарку отшлифовать, то она красотой затмит и Майю, и всех наших девушек», — решил он и направился к Першан.

— Потанцевать бы следовало. На свадьбе брата сестра непременно танцует, обычай таков.

— И сестра, и мать, и отец! — подхватил Наджаф.

— Станцует все вместе «Яллы»! — неожиданно предложил Ширзад.

Першан, которая все время уязвляла Ширзада, вдруг подобрела.

— Этот игит говорит редко, да метко.

Салмана усадили за пианино, хотя он упирался. И грянул лихой танец.

Едва раздалась звуки музыки, как Рустам выбрался из-за стола и осторожно, чтобы не мешать плясунам, вышел на веранду. Вот времена! Он без устали шагал по темной холодной веранде, вдыхая горький, как и его размышления, табачный дым.

¹ Раст — народная мелодия

Приземистый глинобитный домик с плоской крышей прохожий мог бы и не заметить. Днем он ничем не отличался от окружающих его сараев, а с наступлением вечера его очертания сливались с темно-желтой муганской землей. Это был колхозный клуб. Дверь домика только что выкрасили яркой голубой краской. Около клуба стояли Салман, Ширзад и Наджаф, поджидая председателя, беседовавшего не遠далеке с колхозниками. Удадьски сдвинув на затылок каракулевую папаху, широко расставив ноги в синих, военного образца брюках, вправленных в высокие начищенные сапоги, Рустам выглядел молодецки — высокий, широкоплечий. Он мирно разговаривал с односельчанами, отдавая распоряжения по хозяйству, а со стороны могло показаться, что он вот-вот начнет с кем-нибудь бороться.

— Самый подходящий момент для разговора с председателем, — сказал Салман и толкнул в бок Ширзада.

Тот с досадой отстранился.

— Когда ты бросишь эту привычку толкаться? Где только ни учился, по внешности — прямо кандидат наук, а как заговоришь — сразу пускаешь в ход кулаки.

— Такая порывистая натура, — хихикнул Салман.

— Привычка, — объяснил Наджаф. — Или толкнет тебя, или повторяет после каждого слова: «Дай пять!»

— И с такими привычками ты хочешь стать заместителем председателя? — без обиняков спросил Ширзад.

У Салмана была удивительная способность отвечать на обидные слова шутками или смехом. Его ничем нельзя было уязвить. И сейчас он рассмеялся.

— Я не сумасшедший, у меня и так серьезная профессия. Колхоз жалко. Самый разгар работ, а у Рустама нет заместителя.

Салман действительно зарился на пост заместителя. Он считал, что должность колхозного бухгалтера только ступенька, ему хотелось командовать, давать указания, быть окруженным послушными, исполнительными помощниками.

Чтобы выпытать мнение Ширзада, Салман скромно добавил:

— Какой же я заместитель? Опыта нет.

Он ждал, что ему ответят, что, мол, опыт — дело наживное, были бы способности да старание. Но Ширзад и Наджаф промолчали.

Закончив беседу с колхозниками, Рустам направился к клубу. Молодые люди приосанились, подтянулись.

— Комсомолец Наджаф, чего косишься? — ворчливо спросил на ходу председатель.

— Слепота пусть покарает того, кто косится, а я привык смотреть в глаза людям прямо, — с достоинством ответил Наджаф. — Собрание, говорят, опять созываете? — осведомился он с усмешкой.

Рустам и виду не подал, что почувствовал иронию.

— Да, созываю. А что, у комсомола тоже собрание? Мировой политикой станете заниматься? Или опять об урожайности разговор?

Председатель спрашивал об этом не без тайного умысла. Всего два-три дня назад Наджаф на правлении колхоза предложил запланировать в этом году урожайность хлопка не менее тридцати центнеров с гектара.

Правда, у Наджафа не оказалось никаких расчетов, — так, отвлеченная мечта, пылкое стремление... И опытному в словесных схватках Рустаму с помощью Салмана и Ярмеда удалось высмеять комсомольца.

— А ты подумал о колхозниках? — сказал ему в упор Рустам. — Я сею восемьдесят гектаров и сдаю государству плановых тысячу шестьсот тонн хлопка. За каждую сверхплановую тонну получаем в два раза дороже! В два! Приму я твоё предложение — и завтра найдется в районе умник, сразу увеличит нам план на восемьсот тонн. Вот и пыхти!.. Да мы тогда ни единой тонны не сдадим сверх плана. А что получают на трудодни колхозники? Гроши!

Утихомирился ли Наджаф? Не начнет ли сегодня на собрании опять эту детскую затею?

В эту минуту в беседу вступил немногословный Ширзад.

— Думаем обсудить опыт колхоза «Красное знамя», чтобы в этом году весь хлопок убрать машинами. Как вы на это смотрите?

Вокруг умных глаз Рустама венчиком собрались морщины.

— Салман, деточка, ну-ка повтори стихи Сабра! Ты ж мне их недавно читал.

С покорной улыбкой Салман продекламировал:

Засучиваем брюки задолго до реки,
Ручаемся за дело рассудку вопреки...

— Золотые слова, — покачал головою Рустам. — Проникновенные слова великого поэта! Будто о вас, фантазерах, писал. Потеха, право потеха! Боюсь, и хлопок-то станете собирать совсем как Кара Керемоглу. Половина хлопьев застрянет в кустах, половина рассеется по ветру.

— Во всяком новом деле есть свои трудности, — согласился Ширзад. — Некоторым каждая новинка кажется фантастической, а стоит взяться, подучиться — и постепенно все наладится.

— Да ведь и так случается, деточка, — возразил Рустам, — в бой кидаются львами, а возвращаются мокрыми курицами. Тебе такие истории известны, а?

Ширзад промолчал, а угодливый Салман тотчас же подхватил.

— Врагу не пожелаю такого позора.

Теперь пришла пора высказаться Наджафу. Переубедить упрямого председателя почти невозможно, это все знали, но у Наджафа был веселый нрав, и он поддержал друга.

— Дядюшка Рустам смотрит на хлопкоуборочную машину, как верблюд на кузнеца.

У Рустама дрогнули под пышными усами губы. В самом деле, он не слишком-то верил в хлопкоуборочный комбайн и считал, что лишь женская рука способна бережно и аккуратно вынуть из лопнувшей коробочки белоснежный комочек хлопка, пушистый, как вылупившийся цыпленок. А когда по Мугани поползли слухи о колоссальных потерях хлопка при машинной уборке, то хозяйственный председатель схватился за голову и твердо решил про себя пока уклониться от применения машины. Но свои мысли Рустам хранил в тайне и от жены и от детей... Он умел прятать сомнения, не хотел раньше времени вступать в споры, признавая справедливой украинскую поговорку: «Раньше батьки в пекло не суйся». Эту поговорку он слышал на фронте и не раз вспоминал.

— Когда привезут машину в поле, вот тогда, деточка, ты увидишь, как я к ней отношусь.

— А почему же раньше клячили в МТС другие машины? — резко спросил Наджаф.

— Во-первых, деточка, я ничего не клячил, это не в моем характере, а во-вторых, такие вопросы тебя не касаются.

— Нет, касаются, даже очень касаются, — не сдавался Наджаф. — Колхоз не твоя усадьба, дядя.

— Чепуху мелешь, деточка. Слов-то много, а все — пустые. Знаю, что не моя, а народная.

— А если народная, так не держись, как бекский управляющий.

Рустам опустил вспыхнувшие злым огоньком глаза и сокрушенно вздохнул.

— Какой уж я управляющий! Разве управляющий связался бы с таким демагогом, как комсомолец Наджаф? Горбатого могила исправит... А твой горб, деточка, из самой глубокой могилы будет торчать, как пень.

Их перебранка пришлась по душе одному Салману, он всегда испытывал удовольствие, наблюдая чужие ссоры.

— Товарищ председатель, Наджаф хочет сказать, что вы всегда были поборником механизации, — начал Ширзад. — А теперь...

Рустам круто оборвал его.

— Отлично понимаю, что хотел сказать комсомолец Наджаф, в посредниках не нуждаюсь. Был бы Наджаф умен, так привел бы на колхозное собрание всю молодежь обсуждать условия социалистического соревнования с «Красным зна-

менем». Ведь весна на пороге, о севе надо думать... Я вот из кожи лезу...

Услышав это, Салман смекнул, что теперь-то самое время закинуть удочку — авось клюнет.

— Честное слово, Рустам-киши, мы сочувствуем вам всем сердцем. Только что говорили, как вам трудно одному вести такое огромное хозяйство. Не каждому под силу такая нагрузка. Три месяца без заместителя, такая ноша на ваши плечи!.. Если на фронте вы были сержантом, то здесь стали полковником.

Рустам любил, когда его хвалили.

— Не знаю, игиты, не знаю, как и поступить, — понизив голос, как бы делясь с парнями страшной тайной, сказал он. — Ни на ком остановиться не можем.

— А вы никого не слушайте, Рустам-киши, — с простодушным видом посоветовал Салман. — Колхоз вы знаете как свои пять пальцев, значит выбирайте человека оперативного, делового, который бы и вам стал верным помощником, и с людьми сумел бы ладить. Работа эта, что ж, — незавидная, хлопотливая... То прокурор дело заведет, то на бюро райкома потянут.

— Дело известное, — подтвердил Рустам. — Ребята, а что если выдвинуть заместителем Салмана?

Ширзад и Наджаф вяло отозвались: «Надо посоветоваться», — а Салман попятился и с ужасом воскликнул:

— Дядюшка, что вы, что вы! Признателен за честь, тронут, но не справлюсь я, не справлюсь.

— Конечно, надо посоветоваться с народом, — одобрительно сказал Рустам. — Подумаем. — И добавил именно то, чего Салман не дождался от приятелей: — Опыт — дело наживное, подучишься, если что...

— Конечно, подучусь, — подхватил Салман.

Рустам миролюбиво продолжал:

— А тебе, Ширзад, если бог наградишь соловьиным голосом, пора бы создать хоровой кружок, чем горланить баяты под чужими окнами. Молодежи — занятие, старикам — удовольствие, колхозу — слава. Глядишь, в Баку на смотр самодеятельности пошлют. Очень просто.

Ширзад покраснел и сразу стал похож смуглым лицом на воина со старинной медной монеты.

— Комсомолу бы и надо братья засучив рукава за самодеятельность...

И, не дождавшись ответа, Рустам зашагал в правление.

Наджаф закусил губу, чтоб не вырвалось необдуманное словечко, а Ширзад и без этого обошелся — жизнь приучила его всегда оставаться невозмутимым.

— Придется уступить, — с сожалением произнес он. — На этот раз придется уступить. Опоздали...

— Вполне с тобою согласен, — проникновенно заявил Салман. — К чему упрямиться? Следует

беречь авторитет председателя. Если начнем самовольничать, нас и райком одернет.

Стесняться с Салманом Наджаф не стал и все свое раздражение обрушил на его напомуженную голову.

— Не пугай! И райкома партии не боюсь, если что... Наша позиция политически правильная. Это ты заискиваешь перед председателем, в глазки заглядываешь...

— Подожди, остынь! — поднял руку по-прежнему спокойный Ширзад. — Может, так сделать: я и Салман пойдем на колхозное собрание, а ты потолкуешь с комсомольцами. Потом подойдете.

— Умная мысль! — воскликнул Салман, а про себя подумал, что этот Ширзад только прикидывается простачком, а соображает неплохо: и комсомольцы останутся довольны, и председатель будет польщен, что Ширзад выполнил его распоряжение. Не о Першан ли все мечтает этот глупец?

Салман знал, что Ширзад любит Першан. Собственно, об этом знало все село, только Рустам не догадывался до поры до времени, кому посвящены баяты Ширзада.

А как сама девушка относится к Ширзаду? В компании она всегда встречала Ширзада колючими словечками, отворачивалась от него, даже иногда на вопросы не отвечала. Куда уж дальше идти! Считая себя знатоком женских сердец, Салман не видел в Ширзаде серьезного соперника и привык считать Першан своею будущей женой, хотя девушка никогда не проявляла к нему симпатии. Но заботливое, почти отцовское отношение Рустама позволяло Салману надеяться на этот брак. И верно, Салман нравился председателю. Рустам верил каждому его слову, считал, что бухгалтер может справиться с любым делом. И когда в прошлом году ездил в Москву на выставку, то взял с собой не кого-нибудь из колхозников, а Салмана.

«Как бы ты, ни надрывал горло со своими баяты, сотню таких заткну за пояс, вокруг пальца обведу», — думал с усмешкой Салман о молодом влюбленном певце.

2

К вечеру погода испортилась. Все небо заволочла толстая, будто кошма, туча; с полей поднимались клочья рыхлого тумана и грязно-белыми облаками уплывали на юг, в сторону Сальян и Ленкорани. Вода в Араксе помутнела, чуть рябили мелкие волны, и чем дальше уходила река от селения, тем делалась темнее, будто растворялась в степи.

На сером небе чернели голые сучья деревьев; придавленные сумерками, стали еще ниже, будто припали к земле дома, селения. Огни еще не зажигались, и дома казались незрячими.

Как уговорились, в шесть часов вечера у клуба сошлись Ширзад и Салман, вскоре появился, дожевывая на ходу чурек, запыхавшийся Наджаф.

— Вы, ребята, идите, идите, а я мигом управлюсь, — сказал он, — к вам на подмогу приду.

Салман промолчал, а Ширзад, оттянув рукав пальто, посмотрел на часы.

— Рано еще, куда торопиться? Подождем.

— Да идите, я сам все проведу.

Парни не тронулись с места.

На тропинке, ведущей от деревни к клубу через поросший мелким кустарником пустырь, показалась невысокая, стройная девушка, и Наджаф понял, кого дожидались приятели, и прищелкнул языком.

— Першан! Как лебедь плывет, — сообщил он, хотя и так все видели, что идет Першан.

На девушке была новая черная шуба, голова закутана шерстяной ярко-желтой шалью, на ногах высокие сверкающие боты...

Салман решительно направился к ней навстречу. Любуясь ее раскрасневшимся от вечерней стужи лицом, задорными черными глазами, он учтиво поздоровался и, бережно взяв под руку, подвел к клубу. У Ширзада дрогнули губы, но взгляд, устремленный на девушку, оставался спокойным.

А Першан смутилась, ее всегда тревожили взгляды юноши, в них таился робкий упрек, и, чтобы скрыть смущение, она на людях разговаривала с Ширзадом так небрежно...

— Да, пока не забыла, — сказала Першан, поздоровавшись с парнями, — отец велел тебе, Салман, зайти после собрания к нам домой.

— Слушаюсь, Першан-ханум! — склонил голову Салман и злорадно покосился на помрачневшего Ширзада.

Ничего необычного не было в приглашении председателя заглянуть к нему вечером, Ширзад не раз так же заходил к Рустам-киши, но сейчас ему почудился в словах Першан какой-то скрытый смысл, и он огорчился.

А Салман увивался вокруг девушки, все время нашептывал ей какие-то слащавые любезности. И Ширзад видел, как Першан, негромко рассмеявшись, ударила его перчаткой по рукаву.

На пустыре показалась еще одна девушка, одетая так же, как и Першан, только на голове у нее вместо платка была модная шляпка.

Снова красавица
Глазам моим явилась... —

запел приятным тенорком Салман и поспешил навстречу Майе.

Поздоровавшись, он задержал ее узкую ручку в своей руке. «Ревность — кратчайший путь к женскому сердцу», — считал Салман и потому при Першан открыто ухаживал за Майей.

Резко отвернувшись от бухгалтера, Майя спросила Ширзада:

— Рано еще?

— Самое время. Сейчас соберутся.

— А надолго собрание?

— Минут на двадцать.

— Ну подождем. — И, подхватив под руку Першан, Майя вошла в клуб.

— Очаровательная женщина, — закатывая глаза, прошептал Салман. — Счастливцев Гараш, нашел жену грациозную, словно горная серна.

— Так-так... — рассеянно согласился Ширзад, не слушая Салмана.

— Понимаю, понимаю, у тебя на уме дочка председателя. На невестку ты и внимания не обратил. Но почему она в клуб сразу прошла? Поссорилась? Хочешь, приведу сюда и помирю вас.

— Я хочу, чтобы ты замолчал, — с непонятной Салману тоскою сказал Ширзад.

Он не любил Салмана, хотя и признавал некоторые его достоинства. Бухгалтер был трудолюбив, когда надо — сутками не спал, спешил закончить годовой баланс, счетоводов отправлял по домам, а сам сидел да сидел над ведомостями... И если Рустам-киши хвалил Салмана за прилежание, то возразить против такой похвалы никому и в голову не приходило.

Иногда Ширзаду казалось, что Салман своими вкрадчивыми речами и модными песенками уже прельстил Першан, и ему хотелось напрямик спросить его: «Да любишь ли ты ее?»

Но разве подойдешь к нему с этим? Увертливый человек, он все превратит в шутку, прямого ответа от него не добьешься, даже рассердить его невозможно... Он со всеми держится одинаково: и ласково и дружелюбно; вхож во все дома, проныр в тайны каждой семьи, любому он даст совет, и совет полезный, дельный... Умрет кто-нибудь — юркий Салман тут как тут, он заказывает столяру гроб, бегаёт выбирать на кладбище место для могилы, несет из сельпо продукты для поминок. Свадьба — опять без Салмана не обойтись: хлопочет до упаду, с ног сбивается... Таким знал Салмана Ширзад и порою оправдывал: характер!.. Но чаще поругивал и огорчался, видя, как этот проныра постепенно втирается в доверие председателя.

— Что ж мы стоим на холоде? Ноги застыли, — притопывая, сказал Салман. — Пошли в правление.

— Надо бы еще пригласить с собой двух-трех комсомольцев. Скажи Наджафу.

— Да он меня не послушает.

— Это тебя-то? — Ширзад искренне удивился. — Да ты языком гранит в мягкий воск превратишь. Иди!

Салман охотно пошел в клуб, ведь там были Першан и Майя. Тотчас послышался веселый женский смех, а через минуту он кубарем выкатился на крыльцо, — видимо, Першан гналась, — и сказал, давась от смеха:

— Пришлет...

И парни направились к правлению.

А в клубе тем временем собиралась молодежь. Прибежала Гызетар в накинутой на плечи шубейке, подошли девушки, сели в кружок, затянули песню; парни столпились в дверях, курили.

Наконец Наджаф постучал карандашом по графину, велел садиться, предупредил, что курить и перешептываться запрещено, и объявил комсомольское собрание открытым.

— На повестке дня два вопроса: механизация уборки хлопка и состояние здравоохранения в селе. Нам нужно быстро все проверить, чтобы успеть еще на колхозное собрание.

Раздались крики: «Утвердить! Утвердить!» Наджаф поднял руку и сердито сказал:

— Прошу соблюдать порядок! Просите слова, а не орите, как на базаре! Пора бы привыкнуть к культурному обхождению!

— Что ты с ним сделала? Такой мрачный... — шепнула Майя, сидевшей рядом Гызетар.

Та и сама не понимала, что стряслось с мужем, чем это он обеспокоен, посмотрела на Наджафа и подумала, что ему совсем не к лицу быть серьезным. Эта мысль показалась ей до того смешной, что она едва не фыркнула, спрятавшись за спину соседки.

Наджаф угрожающе покосился на жену, еще раз резко постучал по графину, хотя в зале было тихо и собрание началось так, как начинаются все собрания: выбрали президиум, и Першан предоставила слово по первому вопросу не кому иному, как самому же Наджафу.

Трибуна, сколоченная из кривых сучковатых досок, была высока, и за ней едва виднелась круглая, как арбуз, голова Наджафа. В зале шутили и смеялись по этому поводу, но когда Наджаф заговорил, — а он умел говорить и с увлечением и со страстью, — то сразу все притихли... С жаром рассказал секретарь об умной, хитро и расчетливо придуманной машине, которая облегчает труд человека на уборке хлопка, и прежде всего труд женщины. Ведь собирать хлопок приходится в самый солнцепек, в жару, когда глотки пересыхают от жажды, губы лопаются и кровоточат.

И, чем дальше говорил Наджаф, светлее становилось его лицо, потому что он сам любил машины и видел, что молодежь тоже полюбила машины и всегда поддержит его и Ширзада в спорах с упрямыми председателем.

3

Приближалась весна.

Каждое утро Рустам, стоя на крыльце своего дома, потягивался, кряхтел, разминался и глаз не спускал с облачного неба, гадая, когда устано-

вится погода, проглянет солнышко и подсохнет земля.

И так же как председатель, все в колхозе — мужчины и женщины, старики и ребятишки — по утрам разглядывали небо, прикидывали, когда зацветут деревья в садах, и защечечут птицы, и влага испарится с пашни, и ярко засинеет поднебесная высь...

Все надеялись, что в этом году выдаться богатый урожай и, по сравнению с прежними временами, возрастут доходы.

А Рустам лучше всех знал силу своего колхоза. Радовало его и то, что последний месяц зимы был снежным, сугробы высотой в полметра покрывали озимые. Да и весна по всем признакам будет дождливой, а для засушливой Мугани это редкое счастье. Пятьдесят пять лет прожил здесь, в бескрайних степях, Рустам и знал, чем дышит каждый клочок земли. О председателе соседнего колхоза «Красное знамя» Кара Керемоглу на Мугани говорили, что он за последние двадцать три года ошибся в предсказании погоды лишь три раза. Ну если так, то про себя Рустам думал, что он-то не ошибался ни разу. По зиме он определял приметы весны, по весне предсказывал лето, по цвету заката или перистым облакам — дождь или вёдро... И верно, его предсказания сбывались значительно чаще, чем прогнозы погоды, передаваемые по радио. Рустам посмеивался: «Там инструменты, а у меня — верный глаз!»

И сейчас, сверяясь со своими приметами, председатель не сомневался, что весна тысяча девятьсот пятьдесят шестого года будет именно такой, какая ему нужна.

«А если подготовку к севу провели хорошо, погода — что надо, колхозники рвутся к работе, то и план выполним на сто пятьдесят процентов». На меньшее Рустам не согласен.

В каком-то радужном настроении он согласился принять вызов колхоза «Красное знамя» на социалистическое соревнование.

Теперь надо было ехать к соседям подписывать договор. В делегацию были выбраны общим собранием пятнадцать человек, и среди них, конечно, и председатель колхоза, и Гызетар, и Ярмамед, и вездесущий Салман, и Ширзад с Наджафом.

К правлению подали крытый брезентом грузовик. Делегаты приоделись как на свадьбу. Всем понравилась Гызетар в широкополой шляпе, которую ей одолжила Майя. Ширзад явился в синем костюме, пестрый галстук на нем то и дело съезжал набок — потому-то, видно, Ширзад терпеть не мог эти городские штучки и предпочитал гимнастерки.

Заботливая Гызетар то и дело поправляла ему галстук, приговаривая:

— Вот ведь нескладный! •

— Холостяк, чего ты хочешь? — хихикнул Салман. — В доме холостяка как ни топи, все

равно тепла не дождешься. Верно говорят: «Дом без жены — что мельница без воды»..

— А мы его скоро женим, — сказала Гызетар. — Да еще на какой красавице! Все так и ахнут!

— Это ведь зависит не только от Ширзада, но и от Рустама-киши, — ехидно заметил Салман.

К ним подошел председатель — оживленный, нарядный, в самом отличном расположении духа, с достоинством ответил на приветствия молодежи.

— О чем речь ведете?

— Да вот говорим, что есть упрямые отцы и упрямые дочери, — сказал Наджаф. — Но мы с них упрямство-то собьем.

Рустам ничего не понял, но, вспомнив вчерашний разговор, на всякий случай сказал:

— Ты бы помалкивал, парень.

Как гончая собака, слышавшая свист хозяина, Салман встрепенулся и бросился на поддержку председателя.

— Сам у Гызетар под башмаком, — пикнуть не смеет, а тоже с упрямым отцом хочет сладить.

— Что поделаешь, — Наджаф добродушно смеялся. — Свеча тоже бессильна озарить светом подсвечник.

— Теперь электрические лампочки освещают всю комнату, даже всю улицу, — заметил Салман и, первым придя в восторг от собственной остроты, захохотал.

— Мы еще до электрического света не дожили. Председатель говорит, что денег у колхоза нет... — сказал Наджаф уже серьезным тоном.

Но тут громко загудел грузовик — шоферу надоело ждать. Председатель, сказав: «Пора в путь», — сел в свою «победу», молодежь с криком атаковала грузовик.

Подпрыгивая на ухабах, расплескивая жидкую грязь, автофургон выехал на большак, а тем временем «победа» проскочила деревенскую улицу и унеслась далеко-далеко в степь.

Рустам, сидя за рулем, размышлял о том, что обогнать по всем статьям Кара Керемоглу — дело нехитрое, надо только скорее подобрать сноровистого, расторопного заместителя. А кого? Вспомнив орлиный взгляд Ширзада, сильную статную фигуру его, Рустам подумал: «Горы своротит и не пожалуется, что устал...»

Может, нечего и раздумывать — остановиться на Ширзаде? Опасно. Парень чересчур самостоятельный; за ним идет молодежь, на такого не прикрикнешь. А тянуть дальше нельзя, из района-то поторапливают. Рустам советовался с коммунистами, со стариками, с бригадирами, с районными работниками. У каждого — свой кандидат. Сейчас в уме у Рустама целый список: Ширзад, Салман, Наджаф, даже тетушка Телли сюда затесалась.

Когда предложили Наджафа, Рустам ошетинился: «Демагог! И слышать не хочу». Он еще

не отказался от мысли, что анонимное письмо — дело рук Наджафа.

По той же причине Рустам решительно забраковал тетушку Телли: «Мужчина-демагог — сущий дьявол, а женщина-демагог — целый ад. Не приведи бог встретиться с нею ночью, — от страха помреши!»

Конечно, лучше всего Рустаму было бы работать с Салманом. Деловые качества его известны, а какой сговорчивый, скромный, послушный! Что ни прикажи — вытянется: «Слушаюсь!» — и уж в доску расшибется, а выполнит в срок. Но в райкоме партии кандидатура Салмана не встретила поддержки.

Таким образом, в списке остался один Ширзад. К тому же Салман — беспартийный, а Ширзада неделю назад избрали секретарем партийной организации колхоза. «Будет у парня двойная ответственность, значит подставит под мою ношу не одно плечо, а всю спину», — думал Рустам. Он знал, что Ширзад догадывается о желании председателя и, по словам кое-кого из колхозников, был не прочь поработать с Рустамом-киши.

Это была правда. Ширзад считал, что быть помощником такого председателя, как Рустам — большая удача. У него можно многому научиться: Рустам — незаурядный человек, с сильной волей, — разве этого мало? Рустам страстно любил родную Мугань, — и это тоже нравилось юноше. Должность заместителя сама по себе Ширзада не влекла: он с удовольствием работал бригадиром, но теперь, когда его избрали партийным секретарем, Ширзад чувствовал ответственность за урожай не только на полях своей бригады, но и всего колхоза. Его тревожило и то, что председатель не очень-то стремится взять повышенные обязательства, вступая в соревнование с соседями. Ширзад полагал, что, став заместителем Рустама, он может влиять на жизнь колхоза успешнее.

«Победа» и грузовик затормозили около оврага. На середине деревянного моста в настиле чернела широкая дыра. Два плотника, дружно стуча топорами, обтесывали в стороне, за кюветом, бревна. Они объяснили, что утром трактор вывернул и разломал в щепки несколько досок.

— Делать нечего, товарищи, — сказал Рустам, — машины здесь оставим, а сами тронемся пешком.

Со смехом и шутками колхозники перебрались через мост. Гызетар заглянула в пролом, и у нее сердце захолонуло, — такая глубина. Разбежавшись, Ширзад легко перепрыгнул через дыру. Салман и Ярмамед почтительно помогли председателю пройти по сгибавшейся от его веса доске.

За мостом дорога была просушена степным ветерком, идти было приятно и легко. Наджаф затянул песню, Гызетар и Салман подхватили. Отстав от всех, Ширзад шагал медленно, о чем-то сосредоточенно думая.

— Тебе бы и вправду стать ашугом, — обернувшись, сказал Рустам. — Зря пошел в хлебо-робы.

— Одно другому не мешает, можно и хлопок собирать и песни слагать, — в тон председателю подхватил Салман.

Песня оборвалась, Наджаф и Гызетар замедлили шаги, подождали Рустама и Ширзада.

Слова председателя прозвучали добродушно, но Салман говорил с явной насмешкой, и это не ускользнуло ни от Ширзада, ни от остальных колхозников.

— Пиши, сочиняй, пусть у нашего колхоза будет свой ашуг, — продолжал Рустам, вынимая изо рта трубку.

Неожиданно он взял под руки Ширзада и Наджафа, отвел их в сторону, окинул строгим взглядом остальных спутников, как бы показывая, что разговор будет секретный, и спросил:

— Ну, как с заместителем-то? Надо все-таки решать.

— Свое мнение я вам еще вчера сообщил, — сказал Наджаф. — И коммунисты и комсомольцы решительно поддерживают Ширзада. А уже все остальное от вас зависит. Поступайте, дядя, как совесть велит.

Рустам, расстегнув пальто, полез в карман за табаком. Движения его были медленными, но едва Наджаф шагнул вперед, председатель удержал его за рукав.

— Ну, ну, не кипятись. Мне ж совет нужен. А может, назначим Салмана? А, как вы думаете?

— Ай, дядюшка, до чего справедливы ваши слова! — раздался дребезжащий голосок Ярмamed. Он незаметно подошел и подслушал разговор. — И раздумывать тут нечего: Салман и хозяйством интересуется и парень башковитый. О чем его ни спроси, — все знает, хоть про Китай и Бирму. — У Ярмamed были свои планы: если Салман сделается заместителем, то бухгалтером станет он, Ярмamed, — дело ясное. — Достойнее Салмана никого не вижу, — закончил он и засеменял по шоссе вдогонку за далеко ушедшими колхозниками.

— А ты как полагаешь? — обратился Рустам к Ширзаду.

— Если у вас за каждым поворотом дороги прячется новый кандидат, так умный парень на такую работу не польстится, — ответил тот.

Рустам перевел для себя эти слова так: «Не прельщай меня, не заманишь. Вполне доволен своим постом бригадира». И обиделся: «Ишь какой заносчивый! Заместителем еще не стал, а уж нос дерет кверху. А дай ему власть, все вожжи одной рукой ухватит... Двум львам в одной клетке не жить! Не-ет, в колхозе второму хозяину, кроме меня, не бывать!» И он решил уговорить районное начальство утвердить Салмана.

Ярмamed вечно суеился и напоминал болотного кулика, раскачивающегося на тонких ножках... Очень круглые, темно-карие глаза его беспрерывно бегали, ни на ком не могли остановиться. Казалось, человек боится выдать себя пристальным открытым взглядом.

Он старался всем угодить: снимал с пиджака собеседника ниточку, подсаживал в машину агронома или директора МТС, бежал на почту с телеграммой случайно завернувшего в колхоз должностного лица и всем без исключения приятно улыбался. Будто и рожден был Ярмamed лишь для того, чтобы угождать людям.

С особым рвением он кружил уже не первый год вокруг Рустама-киши. Его глаза были всегда прикованы к председателю, он стремился угадать малейшее его желание. Не успев тот войти в правление, как Ярмamed уже осторожно принимает из рук Рустама его полевую сумку и кладет на этажерку или подоконник. Стоит Рустаму взяться за кисет с табаком, как Ярмamed чиркает спичкой... Случается, что спичка так и догорает в его пальцах, обжигая, а он и не морщится, улыбается с довольным видом, словно рука каменная. А посмотрели бы, как благоговейно Ярмamed подносит спичку к трубке председателя. В этот момент лицо его напоминает сдобную булку с изюмом, только-только вынутую из печки и пышущую ароматом горячего теста.

Ширзад с отвращением морщился всякий раз, когда вглядывался в лицо Ярмamed, а если б Рустам хоть раз попристальнее всмотрелся в лицо своего счетовода, то без труда угадал бы за смиренной улыбочкой такую глубокую, годами выношенную злобу, что, пожалуй, у бывалого солдата дрожь пробежала бы по телу.

Как от собственной тени, Ярмamed всю жизнь не мог уйти от своего прошлого.

Однажды он скрыл в анкете, что отец его был муллой, а мать — профессиональной гадалкой. Его прогнали с работы. Он устроился в другом месте — в районном отделе народного образования, но и оттуда его уволили по той же причине. Заглянул в коммунхоз, в райпотребсоюз — всюду говорили, что вакансий нет.

Отец Ширзада, Касум Кенгерли, в ту пору заведовал райфинотделом. Сжалился он над Ярмamedом, взял к себе, не посчитавшись с анкетой. «Был бы только честным!» — так рассуждал Касум.

А честным-то Ярмamed и не был.

Старый коммунист Касум Кенгерли всегда говорил то, что думал. То он открыто критиковал никуда не годную систему заготовок мяса и молока, то неодобрительно отзывался о ком-то из Наркомата финансов, то высмеивал бюрократов из Госплана республики. А Ярмamed слушал да на ус мотал.

Родители его давно умерли, но трусу казалось, что только отец-мулла с кораном в руках загораживает ему путь, мешает сделать карьеру. Значит, следует выслуживаться, хоть на брюхе подползти к выгодному тепленькому местечку, любой ценой снять с себя кличку чужака. Ярмамед нашел покровителей, по дешевке купивших его совесть, по их приказу начал шпионить и строчить доносы о «контрреволюционных настроениях» Касума. Капля камень точит, а грязевые потоки после ливней подмывают и рушат гранитные скалы. Доносы сделали свое дело, и отца Ширзада арестовали, а Ярмамед возликовал, опрометчиво решив, что теперь-то он навсегда избавился от своей тени.

Но пришло наконец время, когда отца Ширзада посмертно оправдали, восстановили в партии, и преступления, словно ржавая цепь, обмотавшаяся вокруг шеи, начали душить Ярмамед. Еда и чай превратились в отраву: каждую минуту он ждал, что Ширзад остановит его, воскликнув: «Убийца! Ты погубил моего отца!»

Где искать защиты? Ярмамед расстилался перед Рустамом-киши, хотя был уверен, что, узнай председатель о его преступлениях, — секунды около себя держать не будет, прогонит с позором.

Таков был тихоня Ярмамед.

5

Ширзад шел рядом с Гызетар, — она привыкла к его молчаливости, не мешала думать, и он был благодарен ей за это. А ему нужно было серьезно подумать о Салмане, о том, принесет ли тот пользу колхозу на посту заместителя председателя. Нельзя отрицать, что Салман — расторопный, общительный, пожалуй, и авторитетом у колхозников пользуется. Он знает колхозное хозяйство, зорек, умеет вовремя рассмотреть положение на том или ином участке и сманеврировать. Недостатки? Ясное дело, недостатков в нем уйма. Ну, а кто без недостатков? Будем критиковать — исправим, глаз не станем спускать. А возражать против Салмана Ширзаду неудобно, еще посчитают, что он сам зарится на эту должность.

Так доверчивый Ширзад оправдал полностью или почти полностью Салмана и в душе передал этот вопрос на усмотрение Рустама-киши: пусть, мол, сам решит и выносит все на правление...

На дороге послышались резкие гудки автомобиля, все обернулись, отошли к обочине, увидев, что их нагоняет грузовик.

Поравнявшись с Рустамом, шофер лихо затормозил и, выпрыгнув из кабины, спросил с перепуганным видом:

— Товарищ Рустамов, что случилось? Почему пешком идете?

Шофер был из «Красного знамени».

Когда ему объяснили, что произошло, он крепко обругал неповоротливых плотников, — ведь там и работы-то на полчаса от силы, — и пригласил гостей садиться.

Тотчас Ярмамед распахнул пошире дверку кабины, протер рукавом сиденье и обернулся к председателю:

— Пожалуйста, киши, место ваше.

— Сам садись. С молодыми поеду, есть разговор...

Ухватившись за борт, Рустам подтянулся, прыгнул в кузов и опустился на скамейку. Лишь прерывистое дыхание выдавало, что нелегко ему дался такой прыжок. Машина тронулась, ветер степных раздолий ударил в лицо, засвистел в ушах.

Рустам, довольный, что незнакомый шофер из «Красного знамени» узнал его, положил руку на плечо сидевшего рядом Наджафа и миролюбиво сказал:

— Ну, орлы, ваше дело теперь поднять на ноги всю молодежь! Вся надежда моя на вас. Год особый, решающий. Далеко вперед надо шагнуть, будто в семиверстных сапогах.

«А хороший у нас председатель!» — расчувствовался Наджаф и, выкатив колесом выпуклую грудь, заверил:

— Молодежь не посрамит колхоза. А ваша забота, дядя, — старичков расшевелить. Вот и получится полный ансамбль.

— Если так, обязательно перегоним Кара Керемоглу, — с улыбкой сказал Рустам.

— Кто такой Кара Керемоглу перед вами, дядюшка, — воскликнул Салман. — Да его всерьез и считать-то нельзя!

— Ну-ну! — замахал обеими руками Рустам и поморщился. — Чепуха! Кара — крепыш! И умен, как бес.

— Крепыш-то крепыш, а перед вами не устоит, — не согласился Салман.

Ширзад, раздраженный однообразной лестью бухгалтера, резко вмешался в разговор.

— Если каждый будет жить только работой, думать о благе колхоза, а не о собственной корысти, то, конечно, выйдем победителями! А вы с утра перины взбиваете, чтобы спать мягче было.

Наступило молчание. И хотя лстынные слова Салмана были Рустаму приятнее справедливой резкости партийного секретаря, он, важно наклонив седую голову, согласился:

— Да, пока надо толковать о работе, не о лаврах, — и поправил растрепанные ветром усы.

6

По обеим сторонам дороги тянулись хлопковые поля «Красного знамени».

Когда машина, замедлив ход, осторожно пробиравась среди ухабов, Рустам, окинув внимательным взглядом равнину, сказал:

— Золотая земля. Кара Керемоглу выбрал под хлопок замечательный участок...

Ширзад подумал: вот вступают в борьбу два самолюбивых человека, чтобы доказать свое личное превосходство, умение образцово вести хозяйство. А в пожилом-то возрасте самолюбие особенно выпирает. Рустам по складу характера не любит сидеть во втором ряду, а старается всегда выбраться на первое место. Конечно, в прежние годы случалось, что Рустаму доставались вторые и даже третьи места, но тогда он искал для себя оправдание в трудностях послевоенных лет. И с ним обычно соглашались. А теперь ссылаясь на войну не приходится. Только зайкнись — засмеют!

Может быть, и сейчас многоопытный председатель заранее ищет объективную причину возможного поражения: «У Кара Керемоглу земля лучше нашей».

Эта предусмотрительность не понравилась Ширзаду, он возразил:

— У нас земля не хуже. Некоторые участки для хлопка даже выгоднее, чем здешние.

Рустам снисходительно улыбнулся.

— Ты уж меня спрашивай, деточка, о земле. Каждый вершок колхозного поля знаю.

— Рустам-киши — бог муганского хлопководства! — подхватил Салман. — К самой бросовой земле прикоснется его рука — и там зацветут прекрасные лилии...

— Салман напрасно толкует о каких-то богатых и лилиях, — вздохнул Рустам. — Но в одном он прав. Нет плохой земли, есть плохие землепашцы. Муганская земля нам говорит: «Любовно ухаживай за мною, и я тебя возвышу. Забросишь меня — уничтожу. За твое прилежание заплачу вдесятеро, а заленишься — пеняй на себя». Конечно, в «Новой жизни» земли лучше, тучнее. А почему? Потому, что за нею ухаживают такие верные патриоты Мугани, как вы, ребята.

И он сгреб в кучу стоявших рядом парней, начал их мять, с довольным видом похлопывая:

— А в старине силенки куда больше, чем во всех вас, игиты!..

Ширзад сидел у самого борта, и руки председателя до него не дотянулись. Задумавшись, он глядел в степь, на курившуюся теплым, влажным паром землю, и чудилось ему, что от земли пахнет, как от вынутых из очага чурочков.

Машина подъезжала к селу. Показались дома, окруженные еще безлиственными садами, фермы, водонапорная башня, сарай. На дороге толпились колхозники с красным флагом. Среди них находился и Кара Керемоглу, невысокий, худенький, в скромном черном пиджаке и шапке-ушанке. Вид у него был такой, словно он по ошибке попал сюда и хотел бы затеряться в толпе. Лишь заглянув в его глаза, почти прикрытые мохнатыми

седьми бровями, можно было догадаться о том, как он взволнован.

Грузовик остановился, гости с веселыми восклицаниями прыгнули на землю. Из кабины вышел и начал кланяться ниже всех Ярмamed. Салман помог спуститься крикнувшему Рустаму, и тут оказалось, что Кара Керемоглу стоит впереди встречающих, как и подобает председателю, на достойном его месте.

— Добро пожаловать, милости просим! — сказал он с искренней улыбкой. — Да будет легка наша поступь, дорогие!

Раздались дружные крики: «Ура!»

Председатели сперва крепко пожали руки друг другу, потом расцеловались. Поцелуйный обряд понравился и гостям и хозяевам, они тоже стали целоваться. Даже на Гызетар кто-то наскочил, ухватил в обнимку и смачно чмокнул в холодную румяную щеку. Потом она очутилась в объятиях другого парня, и вдруг с изумлением заметила, что целует ее Наджаф.

— Ишь хитрый, дома не нацеловался! — засмеялась она и оттолкнула мужа.

Кара Керемоглу пригласил гостей проследовать к Дому культуры, извинился перед гостями, что не успели отремонтировать мост, но Рустам успокоил: погода отличная, промяться полезно, чего не бывает. В распахнутом пальто, в сдвинутой на затылок папахе, громоздкий Рустам шел в окружавшей гостей толпе, громко шутил, смеялся, а Керемоглу рядом с ним казался незаметным.

Ширзад, дружелюбно поздоровавшись со знакомыми парнями из «Красного знамени», шел стороной, внимательно оглядывая новый колхозный поселок. Ему понравилась застроенная новыми домами прямая, как стрела, улица. Он представил, как здесь будет красиво весной, когда зазеленеют сады, осенив своими кронами всю улицу. Ширзад еще подростком как-то приезжал с дядей в «Красное знамя» за семенами и запомнил серые скособочившиеся, неряшливо залатанные листами железа и фанеры домики да грязные, в рывинах и кучах мусора, улицы.

А ведь в «Новой жизни» и сейчас почти так же грязно, как было здесь десять лет назад. Колхоз богатеет, в иных семьях, где два-три работника, амбары ломятся от добра, а председатель все скопидомничает, приберегает будто бы на черный день каждую копейку... Когда придется пригласить соседей в гости, со стыда сгорить. Тротуары недосуг вымостить, тополя вдоль улицы посадить... Почему же до сих пор не замечал он этого? Свыкся? Да, конечно, свыклись с грязью, с бескультурьем, утешали себя: «Отцы так жили — значит и нам бог велел...»

Между тем гостей подвели к Дому культуры — просторному светлому зданию, сложенному из красного кирпича и покрытому шифером.

Настроение у Ширзада окончательно испортилось: «Считаем, что во всей Мугани нет колхоза лучше нашего, нос кверху задрали, а на деле хуже всех!» Он вспомнил похожий на глинобитный сарай клуб в своем селении. Обидно! Ведь в сущности, если разобраться, «Красное знамя» не намного богаче «Новой жизни».

Засунув руки в карманы пальто, надвинул на глаза каракулевую папаху, не замечая, что девушки с любопытством поглядывают на него. Ширзад рассеянно наблюдал, как к Дому культуры со всех сторон бежали ребятишки, важно шествовали старики с холеными расчесанными бородами. Всем хотелось поближе разглядеть гостей и прежде всего, конечно, Рустама-киши. А тот, как могучий дуб, возвышался над толпой, награждая всех ослепительными улыбками, прижимал руку к груди, раскланивался. Наконец толпа увлекла за собой Рустама и гостей в распахнутые двери.

Кто-то хлопнул Ширзада по плечу. Он оглянулся.

— Что пригорюнился? — звонко спросила Гызетар. — Завидуешь? И верно, как вспомнишь наш клуб, затоскуешь: выкрасили известкой старый амбар и вообразили, что совершили подвиг! Пойдем хоть посмотрим...

К ним притиснулся сквозь толпу потный, взъерошенный Ярмamed и с выражением ужаса на морщинистом потасканном лице спросил:

— Товарища председателя не видели?

— Не видели, не видели! — огрызнулся Ширзад.

Он словно впервые заметил, что весь Ярмamed залпыл жиром, лицо и руки лоснились, будто маслом смазанные, а горбатый нос торчит, как сучок высохшей осины. При всем том Ярмamed оставался тощим, хилым, и это-то и было отвратительным. «Тьфу, барсук вонючий!» — подумал Ширзад.

Он взял Гызетар под руку, и они несколько раз обошли здание, полюбовались резными ставнями, украшенными народным орнаментом — выпуклыми виноградными лозами, отягощенными гроздьями ягод. Пока Гызетар восхищалась фреской над входом — девушки убирают хлопок, и каждый комочек словно соткан из серебристого инея, а небо над ними голубое-голубое, — Ширзад разглядывал кладку стен, присматривался к размерам окон и дверей, прикидывал в уме, во сколько может обойтись такое здание. Постройка была капитальной, сразу видно — на себя работали, старались.

Из вестибюля выбежал Наджаф и с укором воскликнул:

— Где Ширзад, там, конечно, и моя супруга!

— А ты не теряй жену, — сказала Гызетар. — Не бегай за здешними девицами.

— Без шуток, собрание начинается, вам выпала честь воссесть в президиуме. Пошли!

Большой, залитый потоками света зрительный зал Дома культуры был полон. Все шестьсот обитых темно-желтым репсом кресел заняты, а заподавшие теснились у дверей.

Стоя за кулисами, Ширзад с интересом смотрел, что происходит в зале. Как видно, сюда сошелся весь колхоз. Рядом со стариками сидят школьники, а вон среди чисто выбритых, в костюмах и галстуках юношей затесался дед в барашковой лохматой папаше, с окладистой бородой. Целый ряд кресел занят женщинами в шерстяных жакетах, шелковых платьях, на руках у многих золотые часики. А в первых рядах — пожилые колхозницы в старомодных широких сборчатых юбках и рубашках, в платках, стянутых узлом под подбородком. Лет десять назад на колхозных собраниях женщину в городском платье и увидеть нельзя было. Платки на глаза спускали, вроде чадры; садились в задних рядах; выступали с речами редко, — пусть мужчины говорят. Как все изменилось! В третьем ряду с краю сидела женщина средних лет в черном шерстяном костюме и светлой шелковой кофточке; иссиня-черные волосы ее были гладко причесаны. Почувствовав взгляд Ширзада, она подняла голову, глаза их встретились, и женщина улыбнулась.

Это была Зейнаб Кулиева, знаменитая на всю республику, да что республику — на все Закавказье! Несколькими годами раньше она переехала из «Новой жизни» в «Красное знамя».

Муж Зейнаб погиб на фронте в последний год войны. В ту пору Зейнаб была еще малограмотной. Оставшись с двумя сиротами, она с горя чуть ума не лишилась. Будущее представлялось ей безотрадным, не любила бы детей — с жизнью рассталась бы. Но в народе справедливо говорят: «У несчастья короткие ноги». Дальний родственник Зейнаб — Кара Керемоглу — навестил ее, приветил добрым словом и пригласил переселиться в «Красное знамя», устроил ребятишек в колхозный детский сад. Она почувствовала заботу о себе, для солдатской вдовы это было большое счастье. Трудно вначале было вдове ходить на чужое поле, трудиться день-деньской среди чужих. Она работала в одиночку, пряча лицо под покрывалом, не знала, даже не спрашивала, какая норма и сколько ей засчитывают трудодней. Вечерами она укладывала детей и, не зажигая света, сидела, охватив руками колени, и плакала, и горе казалось ей неутешным.

Однажды поздним вечером в дверь постучали. Раздался голос председателя:

— Открой-ка, голубушка, надо потолковать.

Зейнаб открыла дверь, но лампочку не зажгла, — до того растерялась.

— Хочу сказать одно слово, всего одно, но ты его повесь, как серьгу, не теряй, не забы-

вай, — начал Кара Керемоглу, садясь на табуретку. — Слезы у человека какие, горькие или сладкие?

Зейнаб не поняла, для чего это надо знать председателю, но робко ответила:

— Горькие.

— Ага, видишь! А горькую воду даже бог не смог испытать до дна кувшина, — нам оставил... Прадеды, деды, отцы наши столетиями пили из чаши горя. Муганская земля засолилась-то от пролитых слез. Успокойся, в слезах проку нет. Подрастут дети — и в них ты найдешь потерянное счастье. Мужа слезами не вернешь. Был он храбрым солдатом, отдал жизнь за родину, и мы его никогда не забудем! В работе, в детях ищи счастье, дочка, не в слезах!

Он говорил с нею ласково, по-отцовски, не поучал, а как бы делился своими мыслями. И ничего нового не услышала Зейнаб, ничего такого, что и самой не приходило бы ей в голову, но то, что председатель беспокоился о ней, нашел час для душевного разговора, тронуло... А утром, выйдя в цветущую степь, вдохнув горьковатый, насыщенный запахом полыни, горячий воздух, она почувствовала себя еще бодрее. После этого разговора что-то переломилось в ее жизни. Постепенно привыкла она к колхозникам, подружилась с соседями. Руки у Зейнаб были сноровистые, работы она не боялась и вскоре выдвинулась в первые ряды, получила на трудодни столько зерна и денег, что сразу одела и обула детей, сама принарядилась, купила подушки, перины, мебель.

В тысяча девятьсот пятьдесят втором году ей присвоили звание Героя Социалистического Труда. Зейнаб и обрадовалась и растерялась: ей все казалось, что ничего особенного она ведь не сделала — работала, как все женщины.

И опять однажды вечером к ней пришел председатель; но теперь в доме Зейнаб его встретили не слезами, а сердечным словом, и светло горела электрическая лампочка под розовым абажуром, а на столе стояли вкусные кушанья.

— Дочка, — сказал Кара Керемоглу, пригубив вина, поднесенного хозяйкой, — теперь ты знаменитый мастер хлопка, слава вошла в твой дом. А ведь ты по слогам еле-еле читаешь. Вот никелированную кровать купила, а, кроме учебников, в доме ни одной книжки. Как же дальше жить станешь, подумай. Учиться тебе нужно, еще не поздно, было бы только желание. В колхозе открылась вечерняя школа, завтра же иди, запишись.

Вовремя подсказать человеку, не приказать, не распорядиться, а именно подсказать, по какой тропе ему идти в жизни, — умение замечательное, и этим умением Кара Керемоглу обладал в полной мере.

Через четыре года Зейнаб окончила школу с отличием. Ее назначили бригадиром. Она много

читала, и чтение было теперь для нее не обязанностью, а первой душевной потребностью.

Дети росли красивые, разумные, прилежные. Дочка Садаф заканчивала десятилетку, сын Рагим перешел в девятый.

Собрание еще не началось, и Ширзад со сцены сошел в зал, почтительно поклонившись, пожал руку Зейнаб, осведомился о здоровье.

— Все хорошо, спасибо. — Она улыбнулась и добавила: — А я вас еще подростком помню. Теперь богатырь!.. Расскажите, что надумали в договоре, какими смелыми замыслами удивите нас?

— Смелыми? — Ширзад замялся: как раз смелости-то и не хватало ни договору, ни вдохновителю его Рустаму.

К счастью, раздался продолжительный звонок, и Ширзад, уклонившись от ответа, вернулся к своим.

2

Кара Керемоглу вышел на сцену и попросил гостей занять места в президиуме. Рустам опустился в кресло рядом с председателем «Красного знамени». На широком лице Рустама играла наивно-счастливая улыбка, он простодушно радовался и торжественной встрече, и шумным аплодисментам...

Пока гости и хозяева рассаживались, Ширзад размышлял, поглядывая в зал. Все в этом селе — и улицы, и сады, и этот разукрашенный нарядный зал — напоминали ему о бытовом беспкультуре родного колхоза. Вот к чему приводит самодовольство! Под головой мягкая подушка, а то, что одеяло коротко и голые ноги зябнут, — никого не беспокоит. Интересно, что об этом думает Рустам-киши?

Между тем зал затих, и Кара Керемоглу, стоя, опираясь растопыренными пальцами на покрытый красным сукном стол, говорил о новом сельскохозяйственном годе, о грандиозных планах, поставленных коммунистической партией перед азербайджанским крестьянством... Он говорил неторопливо, спокойно, приятными слуху казались даже шероховатости в его речи, потому что в ней содержалась серьезная мысль. Его хотелось внимательно слушать.

Ширзад позавидовал: так говорить с народом способен лишь талантливый человек, проживший долгую трудовую жизнь, которая обогатила его мудростью.

— Товарищи, до революции жителей нашей деревни называли «белоштанниками», — с усмешкой сказал Кара Керемоглу. — Девятьсот девяносто девять из тысячи мужиков зимой и летом ходили в самотканых портках — на брюки денег не хватало. А как жили соседи, теперешние наши уважаемые и дорогие гости? Еще хуже нашего. Их называли «голодными гасановцами». Сами понимаете, о чем говорит такая кличка. Девять

месяцев в году между «белоштаннами» и «голодными гасановцами» шел лютый бой, дрались и палками и камнями. Из-за чего враждовали? Из-за воды. Из-за пастбища. Из-за пахотной земли. Да еще из-за того, что теленок нашего бека забрался на поле ихнего бека. Вот как жили-то! А сейчас даже пожилые люди помнят то время смутно и с трудом могут представить себе, что они прямые потомки «белоштаннных». Мы, колхозники, стали полновластными хозяевами муганской земли, хозяевами воды, пастбищ, яйлагов. У нас — хлеб, хлопок, машины, электричество.

При этих словах раздалась такая рукоплескания, что взволнованному Ширзаду показалось, будто дрогнули массивные стены зала. А когда слушатели успокоились, Кара Керемоглу продолжил свою неторопливую речь.

— А каким стало село «голодных гасановцев»? Они первые в Мугани вышли на путь коллективизации, потому-то и свой колхоз называли «Новая жизнь». Имя, что и говорить, почетное, славное, но и ответственное: первый по времени организации колхоз должен быть примером действительно новой жизни. Теперь между нами, соседями, не осталось и следа той вражды, которая десятилетиями разделяла «белоштаннных» и «голодных гасановцев». Теперь мы спутники: идем по одной дороге к всенародному счастью. И мысли, и побуждения, и чувства у нас едины. Раньше крестьянин знал только свой домишко, свой клин в поле, свое село. Мы сейчас по-прежнему любим родное село, но хорошо помним, что оно — частица нашей великой родины. И мы стараемся устроить наше село, сделать его красивым также и потому, что хотим, чтобы вся советская родина превратилась в цветущий, благоухающий сад.

Он слегка наклонился к Рустаму-киши, сидевшему с гордо поднятой головой, и спросил:

— Не так ли, сосед?

От неожиданности тот вздрогнул, сразу не нашелся что ответить; чтобы выиграть время, провел ладонью по пышным усам, откашлялся и внушительно заметил:

— Коли бы в наших сердцах не было любви к родине, то и колхозов в Мугани тоже не было бы.

— Правильно сказал, сосед! — одобительно отозвался Кара Керемоглу. — Любовью к родине мы и сильны. Подумайте только: советская земля! Куда бы вы ни поехали, в какой уголок земли шара ни попали — всюду встретите простых честных людей, тружеников, для которых наша земля — путеводный маяк. Как им ни трудно живется, а они знают, что есть у них великая опора — страна социализма, страна сбывшихся надежд человечества... Смотрите, как далеко видна наша страна, а значит и наша Мугань. Мы можем гордиться этим, но нужно и понимать, что это обязывает работать еще дружнее и напористее. Социалистическое соревнование умножает

наши силы, связывает нас друг с другом. Вот, например, наш колхоз хочет выйти победителем. Конечно, и я этого хочу, а как же иначе? — спросил сам себя Кара Керемоглу и добродушно засмеялся. — Но ведь мы будем прямо расстроены, если наши соседи отстанут от нас, не справятся с обязательствами. Социалистическое соревнование, я так понимаю, — это движение вперед в едином строю.

И снова он наклонился к Рустаму, сказал шутливо, а вместе с тем серьезно:

— Не так ли, сосед?

Рука Рустама привычно потянулась сперва к усам, потом к трубке. В зале сочувственно засмеялись: курить нельзя, а усы, сколько ни тебе, усами и останутся. И Рустам-киши, встав, уверенно сказал:

— Наш лозунг: сам йди как можно быстрее вперед и другу помогай! А если друг тебя перегнал, не обижайся, а прибавь шагу — ведь и он тебе поможет.

— Вполне согласен, — сказал Кара Керемоглу. — А чтобы узнать, куда нам двигаться, какие обязательства на себя взять, послушаем договор о социалистическом соревновании между нашими колхозами. Слово для оглашения текста имеет...

В этот момент Рустам-киши поднялся и доскал за председательствующего:

— Наша звеньевая — Гызетар-ханум.

Румянец Гызетар мог соперничать с цветущими маками. Она не слышала ни одобрительного гула голосов в зале, ни продолжительных аплодисментов... Не поднимая глаз, начала она читать договор с такой быстротой, что сразу же раздалась крики:

— Помедленнее, ханум! Не на пожар летишь, сбавь ходу!

Гызетар перевела дыхание, украдкой взглянула в зал. Наджаф, сидевший среди своих, хотя и волновался не меньше, чем жена, сделал зверскую рожу и показал ей кулак. А Ширзад подошел сзади, поставил на трибуну стакан с водой и ласково шепнул:

— Здесь же все свои, не волнуйся!

И понемногу Гызетар успокоилась. Сначала она читала, как школьница, старательно выговаривая каждый слог, но постепенно увлеклась и стала так выразительно произносить каждую фразу, будто ей надо было не только познакомить слушателей с договором, но и убедить выполнить все как можно лучше.

Ширзад подумал, что Кара Керемоглу говорил умно, содержательно, но слишком сдержанно, а Гызетар даже официальный текст договора сумела прочитать с чувством, как стихотворение. Не удивительно, что ее проводили с трибуны горячими рукоплесканиями.

Передав договор в президиум, Гызетар быстро сбежала со сцены, села рядом с мужем и

только тут, под его надежной защитой, перевела дух, поправила прическу.

— Кто хочет выступить? Какие есть замечания? — спросил Кара Керемоглу.

Все молчали.

Условия соревнования уже обсудили на правлениях обоих колхозов, в бригадах, но все-таки и хозяева и гости призадумались: а все ли предусмотрено, все ли хорошо обдумано? Подписать договор — дело нетрудное, но ведь поспешить — людей насмешить.

Наконец в зале послышалось:

— Разрешите!..

И Зейнаб, даже не дождавшись ответа председателя, поднялась на трибуну. Вероятно, и она волновалась, но ничем не показала этого.

Кара Керемоглу с уважением сказал:

— Прощу, товарищ Кулиева!

Минутку помолчав, словно в последний раз проверив себя, свои мысли, Зейнаб негромко, но внятно заговорила:

— Конечно, в договоре правильно написано — повысить урожайность хлопка на тридцать процентов. Разве можно против этого возразить? Но вчера мы в бригаде потолковали, посоветовались и решили: взять обязательство повысить урожайность ровно на половину, на пятьдесят процентов.

Каким же путем этого достигнуть? До сих пор мы сеем местный сорт тонковолокнистого хлопка, оставляя между рядами семьдесят на семьдесят, а в каждом гнезде два-три растения. Таким образом на гектаре получается примерно шестьдесят тысяч кустов. На опытном участке в прошлом году мы провели квадратно-гнездовой сев, оставили между рядами сорок пять на сорок пять, в одном гнезде — два-три куста. Сколько же получилось кустов на гектаре? Сто двадцать тысяч!

— Ого! Вот это здорово!.. — воскликнул кто-то в зале.

— А при ста двадцати тысячах кустов урожай увеличился ровно на половину. Вот вам, товарищи, где таятся наши резервы! Таким методом в прошлом году некоторые звенья собрали по двадцать пять центнеров с гектара, были и такие, которые добились тридцати. В «Новой жизни» тоже были звенья высокого урожая, по двадцать пять центнеров собрали. А мы в договоре пишем «двадцать три центнера...» Откуда же взялась эта цифра? Рустам-киши здесь говорил о движении вперед. Приветствую ваши слова, товарищ Рустамов! Только одного не могу понять, как вы собираетесь двигаться вперед, — крупным шагом или ползком?

По залу покатился смех, кое-где и захлопали. Ширзад заметил, что многие улыбаются, перешептывались, ожидая, как же вывернется Рустам-киши? Стало ясно, что авторитет председателя «Новой жизни» не так высок, как кажется ему самому.

— Предлагаю установить цифру средней урожайности по хлопку для обоих колхозов — двадцать пять центнеров, — твердо закончила Зейнаб.

Рустам засопел, багровея, покрутил кончики усов.

А из зала кричали:

— Прравильно-о-о!..

— Поддерживаем от души!

Но до президиума донесся и чей-то ехидный голосок:

— На высокой струне берет!

Всегда находится такой благоразумный молчаливик, у которого мужества хватает лишь на короткую реплику в общем гуле голосов.

— На сазе не играл, что ли? Самая обыкновенная струна! — тотчас возразил кто-то из молодежи.

Ширзад был полностью согласен с Зейнаб. Все эти дни и он и Наджаф досадовали на себя за то, что в борьбе с председателем колхоза слишком легко уступили, согласились на заниженные обязательства. Ширзад вспомнил недавний спор Наджафа с Рустамом на правлении и пожалел, что комсомольцы по-настоящему не припасли экономических подсчетов. Да ведь и сам Ширзад в этом виноват. И вот Рустам-киши восторжествовал; склонив на свою сторону благоразумных, по правде-то косных членов правления. «Мы идем по легкой дорожке», — подумал Ширзад и решил, не считаясь с самолюбием Рустама, хоть здесь, хоть перед чужими вернуться к нерешенным спорам.

Ширзад еще раздумывал, как ему поступить, а на трибуну уже взбежал Наджаф. «Вот когда разгорятся страсти, — подумал Ширзад. — Сейчас мой Наджаф, словно вулкан, извергнет пламя».

Но друг его выкрикнул лишь несколько слов:

— Дома мы требовали тридцати центнеров по кругу, и теперь я скажу: ты права, товарищ Зейнаб, — голосую «за»!

С уничтожающим презрением Рустам сказал:

— Иди на свое место, деточка! Садись!

Теперь пришла пора и Ширзаду вступить в битву.

— Разрешите! — Он поднял руку, будто сидел не в президиуме, а в классе за партой.

— Пожалуйста, товарищ Ширзад!

Проходя мимо Рустама, Ширзад видел, как у того задвигались брови и на виске набухла синяя жилка. «Конечно, мое выступление будет для Рустама полной неожиданностью, — думал Ширзад, направляясь к трибуне. — Но, может, он и сам колеблется и еще не поздно помочь ему? Ведь сказал же он только что, обращаясь к залу: «Надо идти вперед». А когда впереди заветная цель, то старики молодеют, а молодые умирают».

Все эти мысли быстро пронеслись в голове Ширзада. И, сердясь на себя, что не сумел

вовремя убедить председателя в правоте молодежи, он резко заговорил:

— Полностью согласен с предложением товарища Кулиевой. Да, мы не учли наших резервов, взяли за основу не достижения передовиков, а скорее настроения отстающих. К сожалению, не перевелись у нас такие звенья, где работают лениво, ни к чему не стремятся, ничего не ищут. Мы поддались влиянию этих равнодушных людей, уступили им...

Рустам спокойно натаил до скатерти спичечный коробок, но и щеки его и шея багровели, а в глазах зажглись недобрые огоньки. «Бахвальство неопытного юнца» — вот как оценил он речь Ширзада.

В зале заметили настроение Рустама и зашептались: как видно, между председателем и секретарем колхозной парторганизации не такие уж гладкие отношения...

Наконец Рустам не выдержал, вспылел.

— Деточка, если часто повторять: «Халва, халва», — во рту сладко не будет. Для приготовления халвы требуется мука, орехи, мед. Так и ваши двадцать пять центнеров. Можно и на пятьдесят замахнуться, — язык-то без костей! За смелость похвалят, как же! А попробуй-ка собери двадцать, сколько потов сойдет, из кожи вон вылезешь, да еще не раз покаешься в глупости.

В зале послышался ропот.

Ширзад, конечно, годится в сыновья Рустаму-киши, но так разговаривать с секретарем парторганизации на людях, на торжественном заседании, все-таки не годится. Колхозники «Красного знамени» привыкли, что Кара Керемоглу неизменно вежлив, ни на кого голоса не повысит. Нрав-то показывать, по нынешним временам, и в семье не стоит, а тем более в гостях, в чужом колхозе.

Только Ярмамед, вытянув тощую шею, так и подавшись всем туловищем из первого ряда к президиуму, захихикал, желая показать Рустаму-киши, что он-то безусловно с ним согласен.

Этот подбострастный смех разозлил Ширзада, и он продолжал с еще большим запалом:

— О пятидесяти центнерах толковать рано, хотя лично я не сомневаюсь, что у нас такие урожаи будут. Сейчас речь идет о тех, кто хочет заведомо занижить план, чтоб осенью без борьбы поздравить себя с победой, о тех, кому лень шевелиться...

— Послушай-ка, ты меня упрекаешь в лени? — спросил Рустам.

— Вы, товарищ Рустамов, уклоняетесь от напряженной борьбы за урожай. Иначе вы бы не стали так спорить с Зейнаб Кулиевой. Наоборот, ухватились бы за ее предложение.

Затаив дыхание, весь зал следил за поединком. Такого колхозники «Красного знамени» давно не видывали...

— Хор-ррошо, я облеился, я самоуспокоился, — покорно склонил голову Рустам, — но что ты скажешь о районных руководителях. Они же договор читали и одобрили полностью, без возражений.

Ширзад разбил и этот довод, кое-кому показавшийся основательным.

— Значит, там ошиблись, не учли резервов. Если бы районные работники изучили наши возможности, то поняли бы, что нельзя соглашаться с заниженным планом.

— Деточка, в прошлом году плановая урожайность была двадцать центнеров. Двадцать-а-а-а! — выразительно, будто передразнивая кого-то, сказал Рустам.

— Конечно, движение есть, — пожал плечами Ширзад. — Но только если из года в год смотреть с крыльца собственного дома на поле, то нам каждый бугорок покажется с исполчинскую гору. А выйдешь в поле, окинешь взором Муганскую степь, так этого бугорка и не заметишь. Так и с двадцатью пятью центнерами. На бумаге, быть может, они и страшны для маловеров, а возьмемся за работу засучив рукава — так, пожалуй, и больше соберем.

Аплодисменты покрыли слова Ширзада, а пылкий Наджаф вскочил, замахал рунами и гаркнул:

— Давай, давай, друг, не робей!..

Заметив недобрый взгляд Рустама, Кара Керемоглу сообразил, что гость способен на любой скандал и неминуемо сорвет собрание.

— Пятнадцатиминутный перерыв! — объявил он, вставая, взял Рустаму-киши под руку и увлек в комнату за кулисами.

3

Перерыв продолжался не пятнадцать минут, а добрых полчаса, но и за этот срок Кара Керемоглу не удалось переубедить упрямого, обиженного до глубины души Рустама. Хозяин вызвал к его благоразумию, просил прислушаться к голосу народа, но тот, будто капризный ребенок, твердил одно:

— А мы с тобою не народ, что ли? Мы и народ и вожаки народа.

Раздосадованный Кара Керемоглу наконец ушел, сожалея, что заранее не согласовал договор в райкоме партии.

А Рустам, прохаживаясь по комнате, думал, что если бы его мысли высказал с трибуны какой-нибудь рядовой колхозник, то все получилось бы иначе... А ведь у нас как заведено: достаточно одному слушателю хлопнуть в ладоши, как весь зал начнет аплодировать и кричать «ура»... Вот тут-то и нужен трезвый, предостерегающий голос человека солидного, авторитетного. Но кому же выступить? Ярмамеду? Засмеют! Салману? Не поверят, скажут, что парень из кожи лезет, чтобы

стать заместителем Рустама-киши. Гызетар? Да, это самая подходящая фигура: она близка Ширзаду, она комсомолка, общественница и выросла вместе с Першан, будто родной дочерью Рустаму приходится, — значит, не откажет старику в просьбе.

— Дочь моя, — кротко сказал Рустам, отыскав в толпе Гызетар, — разве не видишь, как мы опозорились? Почему же молчишь, словно воды в рот набрала?

Гызетар была умна и, разгадав уловку председателя, лукаво усмехнулась.

— О чем же говорить-то?

— Как о чем? Смело выходи на трибуну, скажи, что мы собрались не для пустой болтовни.

В глазах Гызетар появилось недоброе выражение, помрачнев, она отвернулась.

— Нет, дядюшка, колхозники «Красного знамени» ставят серьезный вопрос, и я бы посоветовала не спорить, а поскорее согласиться. Их речи соответствуют духу решений партии. Уж это я поняла точно. Они по-партийному подошли к делу, а мы...

Рустам-киши сокрушенно вздохнул и зашагал обратно на сцену.

В это время Кара Керемоглу объявил, что собрание продолжается, и предоставил слово председателю колхоза «Новая жизнь». Туго зажав ладонями щеки, уставясь в чистый лист бумаги, он с досадой прислушивался к хриплому, раздраженному голосу Рустама:

— Семь раз отмерь, один раз отрежь. Бросить на ветер необдуманное словечко, что за диковинка? Можно и аплодисменты сорвать. Такой, как Ширзад, не выполнит осенью своего обещания — что за беда! Отвечать-то перед районом не он же станет, а я, Рустам-киши!..

«Нет, и он тоже, — коммунист, секретарь партии!» — подумал Кара Керемоглу.

— На суд потянут не его, а меня. И не Зейнаб Кулиеву, а дорогого моего друга товарища Кара Керемоглу.

«Не впутывал бы меня в это дело, — поморщился Кара Керемоглу. — Как-нибудь сам о себе позабочусь».

— Счастлив человек, знающий смысл каждого своего слова! Не привык я бросать слова на ветер! Сказал — так головой отвечай. В прошлом году двадцать, в нынешнем — двадцать три центнера, чем же это не движение вперед? Да о большем пока и мечтать не стоит! В Муганской степи нет ни одного колхоза, который бы двигался быстрее нас! — отрывисто бросал в зал Рустам, заложив палец правой руки за пояс и выпятив обширный живот.

«Ну, теперь разговор начнется!» — подумал Кара Керемоглу, и действительно, сидевший позади него Ширзад воскликнул:

— Ошибаешься, товарищ Рустамов, есть такие! А ты бы повнимательнее почитал решения Сентябрьского пленума.

— Читал, деточка, раньше тебя читал! Ты не занимайся здесь агитацией... Назови-ка обогнавшие нас колхозы.

— Например, Агдамский район. С каждого гектара на участке в двести десять гектаров собрали по пятьдесят три центнера.

Рустам, прикидываясь глубоко пораженным, развел над трибуной могучие руки.

— Деточка, мы где живем: в Агдаме или в Мугани? У нас зимою грязь по колено, летом — пыль, жара, суховеи, а там рай земной!

Эти слова вызвали кой у кого из слушателей одобрение.

— Верно, верно!

— Чего нас с Агдамом сравнивать!

«Вполне допустимо сравнивать, — подумал Кара Керемоглу, с нетерпением дожидаясь, когда Рустам покинет трибуну. — Тоже выдумал мне «рай»...»

В это время сидевший у окна в самом заднем ряду мужчина, нахлобучив шапку на брови, крикнул:

— Правильно! Нельзя больше двадцати трех центнеров записывать, у нас не Агдам!

Все оглянулись, раздалось то протестующие, то сочувственные восклицания, а Кара Керемоглу попросил:

— Послушай, внук Нури, выходи-ка на трибуну и говори отсюда, что захочется.

Рустам обрадовался, что у него нашлись сторонники и среди колхозников «Красного знамени», и с нетерпением ждал, пока внук Нури, краснощекий, будто только что отобедавший, проберется из задних рядов.

— Я что хочу сказать? Хочу сказать, что наш гость мудро все рассудил, а товарищ Кара Керемоглу жаждет показать себя с выгодной стороны, вот и старается, — суетливо размахивая руками, выкрикнул защитник Рустама. — А пыхтеть-то придется нам, одним нам.

С мест послышались робкие замечания:

— Верно! Молодец, правду сказал!

Но многие молчали, словно еще не решили, к какому лагерю примкнуть.

Кара Керемоглу поблел, но ни одним движением не выдал своего волнения, произнес ровным тоном:

— Ай, внук Нури, чего еще скажешь? Или кончил?

— Я-то кончил, долго говорить не желаю, вот этот старик все по-хорошему рассудил, а тот, молодой, извините, не знаю имени, — и внук Нури ткнул пальцем в Ширзада, — пустяками занимается, нам, серьезным людям, попросту стыдно слушать.

И, не обращая внимания на насмешливые улыбки, ибо серьезным никто из односельчан его никогда не считал, внук Нури отправился на свое место.

Рустам с видом победителя навалился всей грудью на трибуну, ему казалось, что он уже ов-

ладел положением, перетянул на свою сторону если не всех, то большинство собравшихся.

Сейчас гораздо выгоднее кончить речь и уйти, чем продолжать высмеивать и унижать Ширзада: стыдно связываться с мальчишкой. Да Рустам уже в партию вступал, когда Ширзада еще на свете не было. Ну, главное сделано: противник наголову разбит, а об остальном у себя дома договоримся.

И со скорбным выражением лица Рустам мягко сказал:

— Сынок, прежде чем выходить на трибуну, надо было бы дома со старшими посоветоваться.

— Этот вопрос всех касается! Вместе здесь и решим.

— О сынок, благозвучным был бы твой голос, если б книга, в которую ты смотришь, оказалась кораном, — шутливо ответил Ширзаду Рустам. — А если это не коран? Тогда что? Вернемся во-свояси, поспорим... Пока хозяйка не сварила хлебку, как нам знать, что она сварила?

Шутка не подействовала, в зале зароптали.

— Мы все из одного дома!

— К чужим, что ли, приехали?

— Дом-то один, а правления разные, — сказал Рустам. — Меня решение правления связало, а ведь в нем записано: двадцать три центнера. Не больше. — Он произнес эти слова смиренно, даже чуть-чуть жалобно, словно сетовал на неговорчивых правленцев.

И Гызетар и Наджаф почувствовали себя неловко: всей же округе с давних пор известно, что Рустам-киши не привык считаться с правлением, все норовил сделать по-своему.

Оплотностью Рустама тотчас воспользовался Ширзад, ответил сердито:

— Вот и беда, что у вас малая мера, все на домашний аршин примериваете, дальше границ колхоза ничего видеть не желаете... А мы видим и весь большой дом.

— Какой же это большой дом, сынок?

— Родина. Великая родина — вот наш большой дом!

«Неплохо сказано», — подумал Кара Керемоглу, с интересом слушая, как убежденно говорил Ширзад, что если забиться в свою любимую хибарку, так ничего в современной жизни понять нельзя, что следует жить жизнью всех колхозов, всей республики, всего советского народа.

И Рустам слушал его, но с недоверчивой усмешкой, полуоборотясь к президиуму. А когда зал разразился рукоплесканиями, одобрительными криками, он вздрогнул, словно кто-то ухватил его за плечи и потянул вниз... В поисках союзников он метнул пытливый взгляд в зал. Гызетар и Наджаф сидели с каменными лицами, Зейнаб Кулиева с возмущенным видом что-то шептала соседкам, а те согласно кивали... Да, на этих надежды мало. Лишь Ярмамед не спускал пре-

данного взгляда с председателя, давая понять, что не покинет его в беде. А у Салмана лицо стало совершенно плоским, непроницаемым, похоже, что раздумывает, к какому берегу прибьется, на чью сторону стать, чтобы остаться в выигрыше. «Такой продаст ни за грош!» — мелькнула догадка, и Рустам поднял руку, призывая зал к тишине.

— Перерешать и передумывать не намерен. Слово мужчины — твердое слово! Ни центнера больше!

«Пора мне вмешаться», — решил Кара Керемоглу, когда Рустам с красным вспотевшим лицом уселся с ним за столом.

Кара Керемоглу сознавал, что надо говорить твердо, но спокойно, ни в коем случае не навязывая своего мнения, а как бы спрашивая совета и помощи.

— Не удивляйтесь, товарищи, что между Рустамом-киши, Ширзадом и Зейнаб завязался такой страстный спор, — негромко начал Кара Керемоглу, и тотчас в зале установилась тишина: колхозники любили слушать своего председателя. — Вопрос-то действительно весьма важный.

«Ну, разогревай их, разогревай, друг! — с покровительственной улыбкой думал Рустам. — Тебе выпал удобный момент!»

— Тут нам не обойтись без критики и самокритики. А что такое самокритика? Правдивое, откровенное слово.

Рустам почувствовал, что сейчас речь пойдет о нем.

— Позволь мне сказать тебе, как родимому брату...

— Э, нет, нет! — обеими руками замахал Рустам. — Если б от братьев был толк, так господь бог и себе сотворил бы брата. А он, премудрый, почему-то решил остаться одиноким.

В зале раздался дребезжащий смех Ярмамед. Остальные молчали, и Рустаму стало ясно, что его шутливый тон собрание не принимает.

Кара Керемоглу было запнулся, но быстро нашелся.

— Братом не хочешь быть, а от дружбы тоже отказываешься?

— Ничего не имею против.

— Спасибо хоть за это... С другом тоже надо разговаривать правдиво, по всем законам и обычаям самокритики.

— Не пахай молоко, ближе к делу, — попрощал Рустам.

— А вот слушай. Твоя речь напомнила мне одну историю из прошлого нашего села «белостанских». Жил у нас такой Керимбек, — старики-то его не забыли. Это был страшный упрямец: если скажет, что у курицы одна нога, значит все курицы превратились в одноногих. Скажет, что молоко черное, — значит, черное. Весь мир соберется, тысячу книг перед ним раскроют, все равно Керимбека не переубедить: курицы одно-

ногие, молоко черное. Как-то на базаре мужики заспорили, какое животное полезнее. Один говорит: «Буйвол». — «Почему?» — «А потому, что силен и ярмо покорно тащит». Другой говорит: «Корова: вкусное масло дает». Третий предпочел барана — шашлык любил. Керимбек слушал-слушал, да вдруг брякнул: «Козел». — «А почему?» — «Потому, что я так сказал».

В зале раздался хохот, что творилось — и представить немыслимо.

— Ты меня с этим беком сравнил? — вызывающе спросил Рустам, едва в зале стихло.

— А конечно, — хладнокровно подтвердил Кара Керемоглу. — Посуди, что получается. Тебе твердят: «Можно собрать по двадцать пять центнеров», — а ты разглагольствуешь: «Честь мужчины, слово мужчины». По виду-то смело, а по сути тот же «козел». Чтобы сохранить свое достоинство, надо стоять на страже правды, не стыдиться признать свою ошибку. Вот я с повинной головою и признаюсь перед всем собранием: виноват, пошел на поводу у друга Рустама-киши, струсил, согласился на двадцать три центнера. А сейчас умом пораскинул и вижу: права Зейнаб Кулиева. И предлагаю внести в договор поправку: соревноваться за средний, средний! — с нажимом повторил он, — урожаем хлопка по двадцать пять центнеров с гектара. А если кто побольше соберет, честь ему и хвала.

— Правильно, правильно! — в один голос закричали и захлопали в ладоши Гызетар и Наджаф.

— Приветствую! — раздельно сказал Ширзад из президиума.

А Ярмamed тоже промышал: «Правильно», — но повернувшись назад, чтоб председатель не заметил, а соседи слышали и при случае засвидетельствовали. Хитроумный Салман закрыл лицо носовым платком, будто чихал. Опустив голову, выдернув из скатерти шерстяную красную нитку, Рустам скручивал ее в шарик и ждал, когда смолкнут аплодисменты в зале...

— Можно меня сравнить с козлом, можно и с беком, это уж как вам заблагорассудится. Осень придет, и станет ясным, кто бек, а кто настоящий хозяин, — сказал Рустам. — «Сколько в долг ни бери, а отдавать придется», — помните пословицу?

В зале опять шумели, а кое-где и топали ногами.

Самоуверенности в Рустаме было хоть отбавляй, а все же он почувствовал, что почва уходит из-под его ног, никак не может он завоевать симпатии народа.

Лишь Ярмamed, устремив на председателя раболепствующий взор, пролепетал:

— Правильно!

Кара Керемоглу не расслышал и громко спросил, перегнувшись через стол:

— Что вы хотите сказать?

— Ничего он не хочет сказать! — тотчас ответил Наджаф и усадил Ярмameda в кресло, предвзительно ткнув кулаком его в бок.

— Прошу учесть, что у нас свое правление, свое общее собрание. Вернемся — обсудим, прислушаемся к голосу людей, — попытался оправдаться Рустам, ежась, словно от сквозняка. Ему было не по себе, лихорадило, а больше всего он боялся, что, вернувшись домой, Наджаф и Ширзад растрезвонят по всему селу о сегодняшнем его поражении.

«То «прислушиваемся к голосу народа», то «мы вожак народа», — подумал Кара Керемоглу. — Вот и пойми, когда он ловчит, а когда правду говорит». И, понимая, что собрание затянулось, люди устали, Кара Керемоглу предложил установить в договоре различные показатели: двадцать пять центнеров для «Красного знамени», двадцать три — для «Новой жизни».

Так и порешили.

Остальные пункты договора не вызывали возражений, и через полчаса собрание закончилось.

Кара Керемоглу, вежливый, сдержанный, взял под руку Рустама и спросил, как будто ничего не случилось:

— Понравился наш Дом культуры?

— Ничего себе, — промышал Рустам, тут же дав слово, будь он живой или мертвый, за год отгрохать такой дворец, какой соседям и не снился.

— Ну, мост починили, ваши машины здесь, — виноватым тоном добавил Кара Керемоглу.

— Да-да, едем! — спохватился Рустам. — Наговорились, наругались, теперь пора и за дело браться!

— Да разве мы ругались? Товарищеская дискуссия, — с едва заметной улыбкой возразил Кара Керемоглу.

Грузовик и «победа» стояли у подъезда Дома культуры, но комсомольцы, толпившиеся около машин, еще о чем-то жарко спорили с Ширзадом. «Опять все о том же толкуют», — подумал Рустам, но Ширзад подошел к нему и сказал совсем о другом: хозяева приглашают гостей остаться на концерт художественной самодеятельности.

— Только что меня за лень стыдили, а сейчас сами о развлечениях просите. Работать надо, не баклуши бить! — отрывисто сказал Рустам.

— Пусть повеселятся, — заступился за молодежь Кара Керемоглу. — И вам, дорогой сосед, тоже хорошо бы побыть на концерте. Неудобно как-то, если уедете. А вечером, милости прошу, ко мне на чихиртму.

— Когда рыбу ни поймаеть — она всегда свежая. Отложим на осень. Осенняя чихиртма еще вкуснее. Ну, ребята, вы как хотите, а я домой!

Он сунул в руки хозяина свою прямую, как дощечка, руку и грузной походкой направился

к «победе». А там уже дожидался Ярмамед, распахнув дверь.

— Пожалуйста, товарищ председатель!

Рустам заколебался, с презрением взглянул на склонившегося в поклоне Ярмамед. Остаться? Самое бы лучшее остаться...

Через минуту он уже выводил машину на шоссе, чертыхаясь на ухабах, и думал: «До чего ты дожил, старик: женщины и парни дают тебе урок...»

А на заднем сиденье скорчился Ярмамед.

4

Когда машина председателя отъехала, Гызетар воскликнула:

— Ну и денек! И собрание, и этот клуб, да и все вокруг. Будто мы до этого дня крепким сном спали! А я ведь всерьез верила, что у нас в колхозе большие успехи. Планы выполняем, трудодни увесистые, чего еще желать?

— Как это ни странно, моя женка на этот раз права, — сказал Наджаф. — Ржавчиной покрывается наш председатель. И подпевалы его — Ярмамед и вон тот, — он кивнул на стоявшего в стороне и рассеянно покуривавшего Салмана, — заржавели. А когда я пускаюсь в критику и самокритику, так вы же меня одергиваете. Теперь жнете, что посеяли. Перехвалили Рустама-киши, перехвалили! Чихнул — значит, весь колхоз обязан чихать, кашлянул — и мы тоже должны кашлять. Эй, Салман! Пожалуйста, не притворяйся, что не слышишь. Скажи, согласен со мною? Потом можешь все передать Рустаму. А теперь говори, согласен?

— Я бухгалтер, у меня, товарищи, цифры, и только цифры, — замялся Салман. — А в принципе я за всемерное развитие критики и самокритики.

И он поспешил к девушкам, с ходу завязывая с ними игровую беседу.

Комсомольцы переглянулись: «Вывернулся!»

Но Ширзад, тот самый сдержанно-молчаливый Ширзад, который каждый вечер томительно-сладо-страстными баяты тревожил деревенскую тишину, сегодня был неузнаваем.

— Салман! — позвал он бухгалтера. — Сколько у нас бригад и звеньев?

— Четыре бригады и двенадцать звеньев, — не трогаясь с места, ответил тот. — Одна бригада, между прочим, ваша...

И, повернувшись к девушкам, развел руками: и тут не дают покоя.

— Чьи звенья собрали в прошлом году по двадцать пять центнеров?

— Завтра, завтра приготовлю все сведения. Признаться, сейчас не помню. Завтра получите полную картину, — ответил Салман и, подхватив под руки девиц, повел их в зрительный зал.

— Пойдем и мы, — предложила Гызетар. — Скоро начнется.

В фойе Ширзада остановил Кара Керемоглу, позвал к себе домой. О чем они там толковали до самого вечера; Салман так и не узнал, хотя по дороге домой из всех сил старался выпытать у Ширзада.

5

Стемнело, когда автофургон, залепленный грязью до самого верха, въехал во двор правления «Новой жизни». Заливисто лаяли собаки, тянуло дымком от очагов, где-то далеко, в переулке, звенела заунывная песня. В окнах домов зажигались один за другим огни.

Усталые путники молча вылезали из фургона, прощались деловито, каждому хотелось поскорее очутиться дома. К ним подошел сторож и сказал, что Рустам-киши ждет их в правлении.

Даже неугомонный Наджаф утомился. Гызетар всю дорогу дремала. И Ширзад чувствовал, что дневное возбуждение прошло... Но делать нечего: председатель, наверно, устал еще больше, чем они, молодые.

— Пошли, ребята! — сказал Ширзад, и все молча подчинились.

В кабинете была полутьма: то ли Рустам забыл прибавить фитиль в лампе, то ли поленился. Пальто и папаху он небрежно бросил на стул. Подперев ладонями щеки, председатель сидел за столом. Казалось, что ему смертельно хочется спать, но он из упрямства борется с дремотой.

— Ну как, деточка, подумал о своем поведении? — обратился Рустам к Ширзаду; на предисловия не пожелал терять время.

Властный тон его рассмешил Ширзада, но он спокойно ответил:

— Подумал.

— К какому же выводу пришел, сынок?

— Вывод таков, что можно было бы избежать этой перебранки в присутствии шестисот зрителей.

— Вполне с тобою согласен, — кивнул Рустам и широким жестом пригласил стоявших у дверей Наджафа, Гызетар, сгорбившегося Ярмамед и равнодушного ко всему на свете Салмана садиться. — Ты во всем виноват! Ты! — повторил он презрительно. — Об уважении к старшим забыл! О повиновании, о скромности наконец. Могли бы раньше мне высказать свои сомнения, обратиться за советом. И я бы подумал, умом пораскинул, открыто бы вам сообщил свое мнение.

— Наджаф высказал наше мнение, а вы его высмеяли. В какого-то шута превратили, — с досадой заметил Ширзад.

— И поделом: не фантазируй! Правление колхоза — кстати сказать, высший, между собраниями, орган самоуправления — заняло вполне деловую позицию.

— Вы почаще бы прислушивались к голосу этого высшего органа.

— Не нуждаюсь в твоих советах. Волосы мои поседели не от бездельной жизни. Все силы нашему колхозу отдал. И кое-что понимаю... Вот скажите мне прямо в лицо: верите, что старик Рустам против высокого урожая? — И, не дождавсь ответа, сказал: — Нет, не верите. И не можете верить. Знаете, что я за всемерное увеличение сбора хлопка. А как, в каких пропорциях повышать урожайность, — это уж разрешите мне знать. Молоды еще, чтобы меня учить. Вот годиков через пять поймете, когда горя сполна хлебнуть придется.

И правда, он относился к ним, как к собственным детям: в пеленках их видел, помнил, как они без штанов щеголяли, как родители провожали их в первый класс деревенской школы. Привык, что его слово для них ничем не разнилось от родительского поучения. Даже если он говорил ласково, сердечно, его слова звучали для них распоряжением, строгим приказом. Так продолжалось из года в год. Почему же все переменялось?

— Вы себя в наши годы не считали несмышленышем. И от ответственности тоже не уклонялись. В чем же моя ошибка? — спросил Ширзад.

— А в том, сынок, что горячишься безмерно. Это самая твоя главная ошибка. И старших не уважаешь, — тоже грех. Когда я парнем был, так не стыдился перед старшими шапку ломать.

— Нет, вы не правы! — подумав, сказал Ширзад. — Старших я почитаю, но это почтение — не беспринципность! Фальшивое уважение унижает и старших и младших. И того, кто уважает, и тех, кого уважают. Если вам нужно показное уважение, его обеспечат в полную меру, — и Ширзад кивнул на Ярмameda и Салмана.

Бухгалтер с независимым видом повел носом из стороны в сторону, будто не о нем шла речь. Счетовод закашлялся.

— Ага, значит, захотели жить по-новому. А в чем же заключаются ваши новые повадки? — Рустам произнес слово «новые» с таким видом, словно к языку прилипла шелуха от семечек.

— В том, что надо всегда быть искренним, правдивым и стойко защищать свое мнение. Не такие уж новые эти повадки, — внятно сказал Ширзад. — Не согласен с председателем — так и скажу: не согласен. Да, если я уверен в истине, пусть хоть отец из могилы встанет, все равно не отрекусь!

Все получилось не так, как ожидал Рустам, — непокорный юноша прощения не просил, виновным себя не считал, а наоборот, обрушился с обвинениями на председателя.

— Вся ваша речь одна демагогия.

— А вы незаслуженно оскорбляете нас, — сказал Ширзад и встал, показывая, что продолжать беседу нет нужды.

— А без молодежи-то вы и двадцати трех центнеров никогда не получите, — добавил Наджаф.

Салман почувствовал, что ему не удастся отсидеться в углу, и заметил с ласковой улыбкой:

— Старым — уважение, молодым — простор. Пусть старики вносят опыт, а юные — отвагу. Вот и все. Нет повода ссориться.

— Тебя еще я не спрашивал! — огрызнулся Рустам.

Плоское лицо Салмана не дрогнуло.

Гызетар присела на диване у самого входа, и, вероятно, Рустам ее до сих пор не замечал. Но сейчас она решила тоже вмешаться в разговор.

— Дядюшка, а ведь вы толком не объяснили нам, почему не соглашаетесь.

У нее было доброе сердце. Больше всего ей хотелось, чтобы муж и Ширзад помирились с председателем.

— Нет, все объяснил, — мотнул Рустам тяжелой копной седых волос. — Не хочу прослыть в районе вертопрахом, «легкобородым», как раньше говорили. И так немного осталось трудиться. Дайте возможность старику с честью дожить свой век.

Рустам всегда ожидал, говоря о своей старости, что собеседники не согласятся, начнут спорить: какой, мол, вы старик!

«И я ведь состарюсь, — подумал Ширзад, впервые заметив седину и морщины Рустама. — Как знать, может, и меня потянет отдохнуть, успокоиться? — И сразу же устыдился: — Нет, требовать, чтобы весь народ, чтобы само время вместе со мной замедлили шаги, я не стану. Крепок телом Рустам-киши, и под седыми бровями ярко сверкают его глаза, много еще в них озорства, упорства, воли. Видно, не годы тут причиной. Наджаф не зря сказал о ржавчине. Иногда ржавчиной покрываются и молодые сердца — взять того же Салмана».

— Читали эту книжечку? — спросил Ширзад, вынимая из кармана помятую брошюру в белой обложке.

Председатель, не взглянув на книжечку, ответил:

— Не одного тебя грамоте учили. Конечно, читал.

— Очень поучительная.

Покосившись, Рустам разглядел название: «Учиться у передовиков» — и дал себе слово крепко отругать Першан и Гараша: могли бы догадаться купить отцу.

— Ну, спать пора! — потянулся он с кряхтением. — Идите-ка по домам. Одно вижу: неделю назад выбрали Ширзада секретарем, и он уже успел зазнаться. Земли под собой не чувствует от гордости.

— Сучок в чужом глазу мы видим, — спокойно ответил Ширзад, толкнул дверь и вышел.

За ним потянулись остальные.

Рустам-киши не мог относиться серьезно ни к Ширзаду, ни к Наджафу, он их и в расчет не брал. Не верил он и в то, что такие болтливые демагоги пользуются авторитетом у колхозников. В райкоме партии и райисполкоме их никто не знает, да разве таким молокососам доверяют когда-нибудь мощный, многоотраслевой колхоз?.. Но сорняки растут быстрее, чем пшеница, и плохая весть не лежит, а летит. Если Ширзад и Наджаф теперь начнут постоянно критиковать председателя, то добром это не кончится! Следовательно, надо поскорее зажать им рты. И зажать плотно, чтоб, кроме «да» и «слушаюсь», промычать не ухитрились ни единого злого словечка.

Рустам проголодался и устал. И все же, выйдя из правления, он не сразу ушел со двора, а долго стоял у ворот, хмуро оглядывая знакомое здание правления. Двухэтажный, из неоштукатуренного кирпича, с остекленными верандами дом казался в сумерках даже красивым. В глубине двора приземистые длинные сарай — пусть хоть и саманные — выглядели солидно, прочно. Да тут красота и не нужна, лишь бы закрома не пустовали.

А когда Рустам принимал колхоз, здесь был унылый пустырь, засыпанный мусором. Правление ютилось в ветхой избушке. Складов и в помине не было. Сердце Рустама наполнилось и гордостью и горечью. Все это он построил своими руками, как же этим не гордиться! А горько оттого, что подросли молодые и не ценят его труда.

Забыли, забыли, что когда-то, еще до войны, принял на свои плечи Рустам дела колхоза, в котором на трудодень не выдавали ни грамма зерна. В амбаре хоть шаром покати, жнейки ржавели под открытым небом, людей в поле силком не выгонишь... Старики тогда говорили, что колхоз похож на женскую баню: все галдят, а о чем — понять нельзя. Об агротехнике, о севооборотах и думать не приходилось.

Когда впервые выдали на трудодень по три килограмма зерна, колхозники готовы были на руках носить своего председателя, а он только отшучивался:

— Да разве это много?

И дом правления и сарай Рустам построил по своим проектам, сам был прорабом, ночей недосыпал, днем поест забывал... Уходя на войну, он оставил колхоз в отличном состоянии, был спокоен, что солдатики с детьми нуждаться не станут: всем хватит. Вернувшись в тысяча девятьсот сорок шестом году из армии, увидел, что колхоз надломился, пошатнулся. Часть земли засолонилась, буйные сорняки душат посевы, а колхозное стадо уменьшилось вдвое, в конюшне протекала крыша.

В огромном колхозе осталось всего-навсего три тысячи овец и шестьсот голов «крупного рогатого

скота»: тощих телят, на тоненьких, как лучинки, ножках; коров с прилипшими к животу сосцами; одичавших от голодухи; понурых, круглыми сутками лежавших в тени волов.

Еще плачевнее обстояли дела с полеводством: засевали хлопком всего-навсего триста гектаров, зерновыми — шестьсот пятьдесят, бахчи уместились на «пяточке» в пятнадцать га, клин люцерны сократился до двадцати гектаров.

И это в артели, где было семьсот дворов, в артели, за которой государственным актом навечно закреплено четыре тысячи гектаров земли!..

Когда Рустам просмотрел бухгалтерские отчеты, он даже испугался: всего годового дохода не хватит, чтобы расплатиться по обязательным поставкам. Да еще останется около миллиона рублей долгов.

И все же колхоз не рухнул, потому что люди помнили довоенную жизнь, верили, что с Рустамом дело пойдет на лад. Даже те, которые учились спекулировать, пришли и сказали: «Только берись, а мы не подведем».

В ту пору Рустам горевал, как отец, который оставил сына-подростка среди чужих людей и, вернувшись из долгой отлучки, встретил его на улице в рубище, грязного, оборванного... Колхоз, тот колхоз, которому он отдал несколько лет жизни, вот-вот развалится: опустеют дома — многие семьи уехали на нефтепромыслы, — бурьян заглушит хлопковые поля, переведется чистопоходное стадо...

Его позвали в райком партии, попросили вернуться на пост председателя. Таково желание народа. Рустам согласился. Он снова чувствовал себя, как на фронте: он воевал, как с врагом боролся с недородами, разрухой и нуждой.

Во главе бригад и звеньев Рустам поставил опытных, уважаемых и рассудительных колхозников, а народом на первом же собрании, дабы пробудить интерес к артельному труду, заявил:

— Вы мне только скажите «да», поддержите работой, а я наполню ваши закрома зерном!

Прежде всего он приналег на решающие для Мугани отрасли хозяйства — на хлопок и зерновые, стал промывать засолонившиеся делянки, приступил к раскорчевыванию заросших кустарником участков.

Под доброе имя Рустама банк рискнул открыть кредит, и колхоз приобрел два маломощных трактора, три косилки и уже мог своими силами управляться и с сенокосом и с легким боронованием.

К тысяча девятьсот пятидесятому году у Рустама под хлопком было уже семьсот, под зерновыми — тысяча пятьсот гектаров; одни виноградники дали полмиллиона чистой прибыли. Чабаны сбились с ног, подсчитывая баранту, а когда подсчитали, то оказалось, что овец и баранов восемь тысяч голов. Крупного рогатого скота на фермах — тысяча пятьсот. И в райкоме партии и в райисполкоме Рустамом нахвалиться не могли, на

всех торжественных заседаниях его непременно выбирали в президиум, и он так к этому привык, что проходил на сцену, не дожидаясь выборов... Многие женщины, особенно вдовы, которые с возвращением Рустама позабыли нужду, смотрели на него, как на пророка: ловили каждое слово, богу молились и детей заставляли молиться за его здоровье.

Что ж, разве он сам этого добивался? В голосе его, от природы мягком, задушевном, зазвучали повелительные нотки. Но разве не для пользы народной выработал он в себе эту властную повадку? Если ему подавали пальто, придвигали стул, подносили спичку к трубке, распахивали перед ним двери, — разве он этого не заслужил? Он для людей старается, жилы из себя тянет, так пусть и за ним поухаживают...

Чего же теперь хочет Ширзад? Истинный смысл всех его слов: «Посторонись, Рустам-киши, сойди с дороги, освободи для нас место, цыплята превратились в петушков!» Вот так-то отблагодарили председателя, того, кто поднял колхоз до войны, возродил его после войны, кто на своих плечах и сейчас держит все хозяйство, кто вырастил и Ширзада, и Наджафа, и Гызетар, и многих других...

Рустам с мучительным удивлением доискивался, почему же недовольны им его питомцы, которых он любил, как родных детей. Именно потому, что он любил их, распря с молодежью причиняла старику такие огорчения.

«Разве вы не видите, не знаете, что ни днем, ни ночью я сам себе не даю покоя, вся моя жизнь отдана людям?!»

Но гневался Рустам не только на молодежь, в глубине души он был не так уж доволен и собой. Где-то как будто совершена ошибка... Но какая ошибка? Рустам не знал. Может, не надо было вступать в спор об урожайности? При одной этой мысли Рустам почувствовал, что в груди закатало, словно прорвался из-под скалы бурлящий родник... Вероятно, придется исправить ошибку, но все надо сделать умело, тонко, чтобы не уронить себя в глазах народа, не посыпать свои седины пеплом!..

Подошел закутанный в овчинный тулуп сторож, с удивлением посмотрел на неподвижно стоявшего у ворот председателя, почесал затылок и снова отправился в обход.

Лунные пятна переместились от крыльца правления к сараям, украсили землю серебристо-голубым узором.

Заливисто лаяли собаки и в переулке, а потом разом, как по команде, утихли: видно, признали знакомого в ночном прохожем.

Рустам смотрел на залитый лунным светом двор и думал, что не случайно же хвалили его в газетах. Ему припомнились огромные заголовки на первых страницах, прославлявшие инициативу, ценный почин, оперативность, организаторские

способности председателя «Новой жизни». А в республиканской газете была однажды напечатана статья Рустама Рустамова. Правда, настроил ее развязный юноша в шелковой рубашке с открытым воротом, побеседовал он с Рустамом минут двадцать, цифры и справки получил от Салмана, вечером полакомился дома у председателя чихиртмой, не забыв о хмельных напитках, но как бы то ни было, статья-то появилась за подписью Рустама-киши!

Казалось бы, ничего не изменилось за эту зиму. Отчего же молодежь набросилась на Рустама, ни в грош не ставя его былые заслуги, без устали твердя: «Машины... Машины...»

«Не хуже вас, мальчишки, понимаю я в машинах, — подумал Рустам. — И на фронте видел, что значит машина. Но даром колхозное добро отдавать МТС не хочу... Видел я хлопковое поле после работы машины: половина урожая осталась на кустах. Нет еще хороших машин для уборки хлопка!»

Эти мысли заставили Рустама упрямо сжать кулаки. «Да чтобы сберечь крестьянскому столу хоть кроху хлеба, — ни на шаг не отступлю, пусть на меня ополчится весь район!» И в эту минуту он верил, что за него горой стоят все умудренные жизнью, познавшие жар и холод Мугани колхозники! Нет, народ не проведешь, народ всегда отличил своих защитников от тех, кто пытается из словесной шелухи разжечь костер на мейдане.

— Разве не я это все построил, создал? — снова спросил себя Рустам, обводя хозяйским взором сарай, амбары, дом правления и залитые лунным светом такие знакомые ему поля...

— Святая правда! — согласилась ночь. — Это именно так, и лишь лжец осмелится отрицать твои великие дела!

— Кто это? — очнувшись от раздумий, сказал Рустам, положив руку на часто забившееся сердце.

— Тень твоя, — сказал Ярмamed, выступая из-за крыльца. — До самого потопу буду следовать за тобой. Заговорил, чтобы подтвердить истину!

— Как ты сюда попал?

— Вы думали вслух, и я не осмелился нарушить поток ваших мудрых мыслей.

— Иди сейчас же домой, — приказал Рустам. — Я не могу дозвониться до МТС, узнать, придет ли второй трактор с утра на яровой клин.

— Разрешите, я позвоню, — предложил счетовод.

— Ты ужинал?

— Что вы!.. — обиделся Ярмamed. — Мне кусок в горло не полезет, раз вы пребываете еще на трудовом посту!.. Пусть мои кишки слипнутся от голода, но я не уйду раньше вас из правления!

Бесстыдно груба была эта лесть. Ярмamed даже не старался как-нибудь скрыть свое подобоострастие, но Рустам, неподкупный, честный Рустам, уже не мог отказаться от его назойливых услуг.

А спроси Рустама, любит ли он льстецов, — со всей искренностью скажет, что за версту не подпустит к себе подхалима... Вот какие истории в жизни случаются.

— Иди, звони, — сухо распорядился председатель и пропустил на крыльцо Ярмамед.

Закурив, он прислушался к ласковому воркованию счетовода в кабинете.

— Будто начальник связи свадьбу справляет: смешались звуки зурны и бубна!.. Барышня, барышня, мне музыка не нужна, соедините с директором. Как, не вернулся из Баку? Тогда прошу Шарафоглу!.. Придется, барышня, разбудить, это говорит секретарь товарища Рустамова. Ага... Слыхали о таком? Так вот товарищу Рустамову срочно требуется поговорить с товарищем Шарафоглу!..

— Эй, «гвоздь Мамеда», — сказал вошедший в кабинет Рустам, отбирая телефонную трубку. — В ногах правды нету, садись!

Ярмамед захихикал, но не сел, боясь проявить неуважение.

— Здравствуйте, товарищ Шарафоглу, здравствуйте! Как здоровье? Ой-ой, хворать-то тебе не следует! — сочувственно сказал Рустам. — А я, признаться, удивился, что тебя не было сегодня в «Красном знамени». Подписали!.. Все благополучно, — пробормотал Рустам, покосившись на открытую дверь. Счетовод понял и мигом захлопнул ее: не приведи бог, кто-нибудь подслушает. — Ну, были кое-какие недоразумения, были, не без того. При встрече расскажу подробно. А я к тебе, друг, по делу, прости, что беспокою среди ночи: когда ж на яровой клин придет второй трактор?

— Ишь чего захотел?! — сердито ответил Шарафоглу. — А почему сегодня весь день трактор Керима не работал? Одному трактору не можете обеспечить простора, а просите второй? Нет, дружок, так не выйдет! В такую горячую пору трактор должен работать, как часы! Именно как часы! Имей в виду, если тракторы не будут полностью загружены, ни одного лишнего не получишь! Ты мой характер знаешь! — Шарафоглу повесил трубку, и в ухо расстроенного Рустама ворвались лихие звуки зурны и бубна.

Рустам двинулся на Ярмамед с таким угрожающим видом, что тот попытался к дверям, готовый в любой момент юркнуть на веранду.

— Почему трактор Керима не работал?

— Не работал... — развел руками счетовод.

— Захримар!¹ — задыхаясь от злости, крикнул Рустам. — Почему, я спрашиваю?!

— Воды не привезли. Хлеба Кериму тоже не привезли... Ждал-ждал, пешком в село пошел, а ведь тут двенадцать километров без малого. Туда-сюда, у бочки колесо поломалось, вот и день прошел!

¹ Захримар — змеиный яд; в данном случае звучит как оскорбление.

— Да будьте вы прокляты! Сколько раз говорил, приказывал. Никому доверять нельзя! — Рустам схватил телефонную трубку, дунул в нее и, меняя тон, попросил: — Барышня, барышня, пожалуйста, квартиру товарища Шарафоглу! Да заткните вы горло нашему радио! Шарафоглу? Это опять я, Рустам. Заверяю категорически: такого больше не повторится! Будь спокоен! Головоотяпы, друг. На день уехал, и все стало. Видно, придется самому возить трактористам воду, — сокрушенно вздыхая, сказал он. — Дожили!.. Демагогию разводить они мастера, а за дело...

Ярмамед при каждом слове председателя вздрагивал всем телом и отмахивался ладонями, словно от комаров, — дескать, такие упреки на него не распространяются...

— Какие демагоги! — Рустам запнулся. — Информацию при встрече. Я тебя, друг, клятвенно заверяю: сам прослежу. Значит, пришлешь второй трактор? С утра? Спасибо, не хворай, мне весть о твоей болезни, как удар ножом в грудь. Спасибо, привет, привет...

Положив трубку, Рустам скрестил руки на груди и низко, почтительно поклонился Ярмамеду.

— Большое спасибо! Услужил!

— Я-то при чем? Это бригада Гасана!

— И Гасан такой же аферист, как ты. Не видать тебе поста бухгалтера, как собственного затылка.

Накинув пальто, схватив папаху, Рустам крупными шагами вышел из кабинета.

На балконе его догнал дрожащий, не пришедший еще в себя от растерянности Ярмамед.

— Вас к телефону!

— Кому понадобился?

— Опять из района.

Рустам, чертыхнувшись, подумал, что, наверно, потребуют очередную сводку. Весна началась, — канцелярские жуки отогрелись на солнышке, ожили... В сердцах он рывком схватил трубку, но, услышав голос Шарафоглу, понял, что ошибся.

Друг с неожиданной для него иронией спросил:

— Ай, Рустам-киши, а наш трактор из Сарыторпака тоже прогнали без твоего ведома?

Рустам сразу смекнул, в чем тут дело, и в тон ему, так же насмешливо сказал:

— Нет, товарищ заместитель директора, по моему личному приказу. Мы трактора для Сарыторпака и не требовали, вы сами прислали. Не хитри, э, не хитри, друг, у тебя только об интересах МТС забота!.. Разрешите же мне о колхозных интересах тоже позаботиться. В Сарыторпаке участок для кукурузы, значит, легкое боронование я собственным «ДТ-14» проведу. Дешевле!..

— Если б всегда так по-хозяйски поступал, то давно бы всех затмил в районе, — добродушно рассмеялся Шарафоглу.

— Научился! — так же весело ответил Рустам, вешая трубку.

И вышел во двор, бросив напоследок презрительный взгляд на Ярмамеда. Тот, сложив руки на животе, стоял у притолоки в позе нищего, который просит подаяния на ступенях мечети.

Сакина в тот вечер вернулась домой раньше мужа и принялась за стирку, радуясь, что вкусный ужин будет готов к приходу Рустама. Днем в поле она толковала с женщинами, и ее обрадовало, что все были настроены бодро, мечтали дружно взяться за дело: и подзаработать и колхоз прославить. Притихли теперь те кумушки, что в былые годы болтали о базарных ценах... Но по дороге домой Сакине любезно сообщили о бурных спорах в «Красном знамени» — слухи-то не лежат, а на крыльях мчатся, — и она расстроилась, а увидев хмурого Рустама, входящего на крыльцо, и вовсе пала духом.

После ужина она осторожно сказала:

— Ай, киши, и в гостях побоище устроил! Больше делать-то, как видно, нечего? Ты ж всегда добровольно брал на себя самый тяжкий груз, ты не бежал от трудов. Чего ж теперь пошел на попятную?

Рустам с преувеличенным изумлением взглянул на жену. Ах ты ясновидящая! Как же вовремя ты заглянула в мою душу и вытащила оттуда занозу!..

— Я-то прежний! Меня по рукам, по ногам связало это решение правления. Не могу пренебречь документом, — дисциплина. На днях соберем правление и назло этому Кара, этой черной черепахе, сам предложу пересмотреть наши обязательства. Уважу, как просишь, народ. Довольна?

— Очень даже довольна, — рассмеялась Сакина. — Но ведь можно было бы и не вступать в рукопашную!

2

Салман ликовал и веселился: вместо праздника получился скандал, Рустам обиделся на Ширзада. Перспективы Салмана как будто заметно улучшились! Но старик переменчив, у него семь пятниц на неделе. Терпеливо ждать? А сколько будет думать Рустам: месяц или пять месяцев? Значит, пора повлиять на председателя... И едва Салман понял это, ему представилась солидная фигура Калантар-лелеша: «Стоит ему шевельнуть губами — и я заместитель!»

Наутро Салман сказал Рустаму, что едет на свекловичную плантацию. Наспех побеседовав в поле с колхозниками, он потом помчался в райисполком.

Ему повезло: Калантар был один в кабинете, даже дверь распахнута настежь.

— Разрешите, Калантар-гага?

Не отрывая глаз от бумаг, Калантар сделал мясистой рукой жест: милости прошу.

Благовоспитанный Салман поклонился, взялся за спинку стула, но не сел, дождался, пока Калантар, подняв голову, спросил с удивлением:

— Что же не садишься? Как дела? Здоров?

Лишь теперь Салман осторожно опустился на стул, положил ладони на колени и застыл в позе примерного школьника.

— Я-то что! Народу ни тепло, ни холодно, если и заболит какой-то ничтожный бухгалтер. Иное дело — вы! Каждая минута вашей государственной деятельности важна для всего района!

Откровенное подхалимство Салмана польстило Калантару, и, набиваясь на похвалы, он сказал со смиренной улыбкой:

— Ничего особенного я не сделал.

Салман даже хлопнул себя по коленям.

— Да если б не вы, товарищ начальник, наш район скатился бы на последнее место в республике! Даже ваше дыхание благотворно посевам, словно весенний дождь. Недаром в народе кланутся вашим здоровьем!

Лицо Калантара блесло, как смазанная маслом лепешка. Он расцвел от самодовольства.

— Все это так, дружок, но ведь есть у меня и недруги... Кое-кто терпеть меня не может! А мне плевать! Моя репутация всем известна. Я сementировал вокруг себя районный актив, никто не подкачается... Ну, выкладывай, выкладывай, за чем явился.

Салман опустил глаза.

— За помощью пришел. На ферме у нас черт те что творится!.. Боюсь, не выполним государственный план ни по мясу, ни по молоку. А значит, не выполним важнейших директив партии! — с дрожью в голосе сказал он.

Калантар считал себя знатоком района и не любил собеседников, приносящих новости. Потому он раздраженно прервал Салмана:

— Давно знаю! Уже нашел вам нового заведующего фермой, да вот вашему председателю что-то мой кандидат не угодил.

— Святая правда, — согласился Салман. — Ваше предложение буквально разъярило Рустама! Каждому встречному говорит: «Калантар-лелеш хочет доверить колхозных овец двуногому волку!»

Привычно почесав ногтем низкий лоб, Калантар посопел и спросил почти спокойно:

— А в «Красном знамени» тоже повздорили?

Салман совсем собрался сказать, что Рустам — грубиян, упрямец, самодовольства в нем хоть отбавляй, а умения руководить — ни на грош, но заметил, что Калантар молчит с загадочным видом. «А вдруг завтра они помиряются?» — подумал он. А Калантар молчал потому, что напряженно раздумывал, как бы заставить Рустама проглотить самое горькое лекарство, составленное по его, Калантара, рецепту...

Молчание затянулось, и Салман начал исподтишка совсем с другой стороны:

— Рустам-киши авторитетный, опытный председатель, но боюсь, что он постарел, не все понимает в современной обстановке...

— Нич-че-го не понимает! Устарел, — безоговорочно подтвердил Калантар, развеяв сомнения Салмана. — На покой пора! Если не вмешаться, доведет колхоз, не только ферму, до полного развала! Ты, парень, следи за ним вовсю. Что носом почуешь — тотчас мне звони! И ночью звони, на квартиру.

— Слушаюсь, — с подчеркнутой покорностью сказал Салман и поднялся. Подумав, он осторожно добавил: — Смею заметить, что как Рустам-киши ни тряси, а толку не добьешься. Совершенно не прислушивается к критике. Если бы его подпереть энергичным, дельным...

— Заместителем? — Калантар не удивился: казалось, он сам об этом думал. — Справедливо! Вот тебя я и назначу заместителем председателя. На первых порах. А потом... Что скажешь?

Салман побледнел.

— Товарищ Калантар, если пошлешь на верную гибель, — пойду. Тебе я верю беспредельно. Потому и сейчас промолчу, но знай, что ты мне готовишь нелегкую судьбу.

Даже Калантару было понятно, что это сказано только для приличия. Плавнo проведя рукой в воздухе волнистую линию, он продолжал с воодушевлением:

— Салман — заместитель, Фархад-гага на ферме. Отлично, отлично! И районное руководство будет вполне спокойно за колхоз. Ну, счастливо доехать!.. Да, скажи-ка этому... дядюшке, чтобы заглянул ко мне вечером.

Салман замялся:

— Полагаю, что приличнее будет вам самому его вызвать. Может заподозрить...

Калантар-лелеш с удовольствием посмотрел на бухгалтера.

— А ты бдительный... Конечно, ты прав, — сам вызову.

Салман еще раз откланялся, а уже у дверей робко попросил:

— Заехали бы в субботу, Калантар-гага. Очастливьте наш дом!

— Там видно будет. Ступай. Будь начеку! — И, милостиво улыбнувшись, отпустил его.

8

Когда Рустаму передали, что его срочно вызывают в райисполком к Калантару Кельбиеву, старик расстроился. «Теперь не даст покоя! Сначала — вызовы, потом выговоры. Уважить? Честь потеряешь. Отказать? Так завертит, так закрутит, что и оглянуться не успеешь, как останешься без головы. Ну, зачем я ему понадобился? Сел бы сам в машину да приехал в колхоз!»

Но делать нечего, и Рустам пошел домой переодеться, а заодно и пообедать. Выслушав его опасения и жалобы, Сакина успокоила мужа:

— Ай, киши, со своим подозрительным характером ты всех людей превратишь в свирепых врагов! Ничего же не случилось. Председатель исполкома вызвал тебя для беседы, — значит, сядишь в «победу», поезжай, терпеливо слушай, за дельный совет благодари, от худых советов отказывайся. Очень просто! Пусть упорствует, пусть из кожи лезет вон, — тебе что... Ведь есть же на свете повыше его и чином и властью. Райком партии рядом. Туда зайди. А ты заранее, ничего не узнав, портишь кровь и себе и мне!

— Ладно, обойдусь без твоих поучений, — для порядка поворчал Рустам, довольный словами жены.

Захватив Ярмамеду, у которого были какие-то неотложные дела в банке, он выехал и через час остановил машину у подъезда райисполкома. Условившись со счетоводом о встрече, Рустам вошел в кабинет Калантара и, не дождавшись приглашения, опустилс я в кресло.

— Явился по вашему приказанию!

Бесцеремонность председателя колхоза вызвала раздражение у Калантара.

— Извините, что потревожил. Иного выхода не было.

— Ничего, мы привычные, — в тон Калантару, насмешливо сказал Рустам. — Какое дело-то?

— А дела такие, Рустам-киши, что на старости лет тебе бы пора задуматься над своим поведением, — с угрозой сказал Калантар.

«Болтун ты, болтун!» — подумал Рустам и, набивая табаком трубку, стал неторопливо рассказывать, что стоит горячая пора — весенний сев, днем и ночью приходится быть в поле, наводить порядок, следить, указывать, одного хвалить, другого бранить...

С трудом подавив зевоту, Калантар грубо оборвал старика:

— На полчаса опоздал, а теперь завел доклад на весь вечер? Хватит. Меня лучше слушай!

Властный, резкий с подчиненными, Калантар обычно не придавал значения самочувствию собеседника. И сейчас он не обратил внимания на то, как рассердился Рустам.

В это время скрипнула дверь, в щель просунулась голова Ярмамеды, послышался его умоляющий, как бы блеющий голосок:

— Товарищ Калантар, ради бога, извини, разреши дать председателю бумагу на подпись.

Принесла нелегкая! Рустам совсем было решил встать и уйти, чтоб показать этому грубияну Калантару, что председатели колхозов тоже бывают разными: на одного до поры до времени можно безнаказанно кричать, а вот с Рустамом-то придется поделикатничать...

— Пожар, что ли, у тебя?

— Директор банка уезжает, торопится, еле-еле упросил подождать. Опоздаем — кассу закроют, без денег останемся, — объяснил Ярмамед, подобострастно поглядывая на Калантара.

А тот смотрел на колхозного счетовода взглядом бессмысленным и надменным. Впрочем, раболепные манеры Ярмамед ему понравились, и Калантар-лелеш снисходительно разрешил:

— Если дело срочно, то, конечно...

Вытащив из потертого кожаного портфельчика бумагу, Ярмамед положил ее перед Рустамом и снова бросил заносчивый взгляд на председателя исполкома.

— Ну, как делишки-то? — благосклонно спросил Калантар.

— Были б вы здоровы, товарищ Калантар, а нам-то что делается! — сложив ручки на животе, пролепетал Ярмамед и поклонился. — Пусть ваша тень неизменно осеняет наши жилища.

Рустам с трудом удержался, чтобы не цыкнуть на Ярмамед.

Нажав несколько раз подряд на кнопку звонка, Калантар уставился на дверь, но никто не появился. Он снова позвонил, пронзительная трель не умолкала, но никто не спешил к разгневанному начальнику.

— Куда ж он к черту запропастился!

— А что вам угодно, товарищ Калантар?

— Да пачку «Казбека». — Калантар выхватил из кармана мятую трешку, бросил на стол. — Целый час без папирос...

Забыв о директоре банка, о кассе, которую вот-вот закроют, Ярмамед воскликнул:

— Господи, да есть у меня деньги, есть, сейчас я вам сразу пачек десять принесу про запас!

Рустам кашлянул, и председатель исполкома, точно спохватившись, буркнул: «Сейчас сам пойду, покажу этому дармоеду-сторожу!..» — и быстро вышел.

— Ну-у и подхалим! Вот так подхалим! — с чувством омерзения сказал Рустам, разглядывая Ярмамед.

— На, возьми бумаги и убирайся. Горе тебе! «Да ведь и перед тобою я так же увиваюсь», — подумал Ярмамед, подхватил документы и мигом выскочил из кабинета.

Открывая коробку папирос, Калантар вернулся, подчеркнуто медленно прошел к стоявшему в углу сейфу, залязгал ключами, вытащил папку. Развязывание тесемок длилось бесконечно. Калантар видел, как раздражен Рустам, и решил его помучить... Наконец из папки были вынуты три замусоленных письма, и Калантар торжественно прочитал их вслух, после каждой фразы останавливаясь и вопросительно поглядывая на председателя. В письмах говорилось, что Рустам-киши открыто выступал против указаний партии о повышении урожайности, что дела в колхозе «Новая жизнь» дошли до полного развала, что подготовка к севу сорвана, что председатель потворствует расхищению скота на ферме...

— Подписи? — отрывисто спросил Рустам.

— А зачем тебе подписи? Глас народа — глас божий, — хладнокровно ответил Калантар.

— Значит, анонимки?

— Предположим, что так. Важные факты.

Поставив локти на край письменного стола, занимавшего половину кабинета, Рустам, чувствуя, как его душит отвращение к этому человеку, твердо сказал:

— Не три, а триста тридцать три тысячи анонимок не заставят меня пустить на ферму жулика Фархад-гагу!

Кулак Калантара с треском опустил на стол.

— Знай, уважаемый председатель, что мы вот так давим сок из непокорных. Одна пустая шелуха остается от человека.

— Шелуха твои угрозы, лелеш! — На этот раз Рустам не постеснялся открыто назвать председателя исполкома подслушанным в народе издевательским прозвищем «лелеш». — Я мужчина. Понятно? И на угрозы отвечаю так, как подобает мужчине.

В глубине души Калантар был трусом, самым подлым и мелким трусом, и, натолкнувшись на odpor, он растерялся.

— Вот-вот придет товарищ Аслан, — вырвалось у него. — Не будем ссориться!.. Гони-ка в шею Керема, возьми на ферму Фархад-гагу — и дело с концом. Пора бы знать, кто тебе друг, а кто враг!

— О таких, как ты, говорится: «Избави нас бог от друзей а от врагов мы сами избавимся», — расхохотался приободрившийся Рустам.

В кабинет вошел Аслан.

Калантар-лелеш, изменившись в лице, вскочил, на цыпочках подбежал к секретарю райкома, двумя руками пожимая его руку. А Рустам от неожиданности не успел встать, и Аслан сам пошел к старику, почтительно поздоровался.

Аслан недавно приехал в район. Среднего роста, худощавый, белокожий, с черными, живыми, пронизательными глазами, он всегда казался задумчивым и сосредоточенным. В «Новой жизни» он побывал два раза: на отчетно-выборном партийном собрании и как-то на заседании правления. Они с Рустамом еще плохо знали друг друга. И сейчас председатель колхоза подумал, что у Аслана сложилось мнение о нем только по официальным сводкам да по слухам, а кто знает, может и по анонимкам да наветам Калантар-лелеша.

В колхозах говорили, что Аслан немногословен, вдумчив, нетороплив в выводах, что не в каждом доме он согласится отобедать, а если в компании зайдет в чайхану, то обязательно за себя и заплатит.

Наблюдая, как Аслан снял драповое коричневое пальто и такого же цвета кепку, как подсел к столу, Рустам раздумывал, к добру или во вред этот внезапный приход секретаря райкома.

— Что нового, товарищ Рустамов? С чем пожаловали в район? — сердечно спросил Аслан.

Рустам промолчал, лишь кивнул на слащаво улыбавшегося Калантара: дескать, пусть он и рассказывает.

— Даже на улице был слышен ваш крик. Что случилось? — настаивал секретарь. — Я ведь вас спрашиваю, не председателя исполкома.

Калантар вздохнул с облегчением: Рустам молчит — значит, не выдаст. И в знак благодарности, выразительно посмотрев на Рустама, Калантар положил анонимные письма в папку, аккуратно завязал тесемки.

— Всякое бывает, товарищ Аслан, — уклончиво заметил он. — Сегодня ссоримся, завтра миримся. Нельзя же без этого, — служба такая! Ну, поехали, что ли? — И Калантар поискал глазами фуражку. — Не опоздать бы!

У Рустама мелькнула догадка, что в дороге Калантар-лелеш наплетет секретарю всякие небывальщицы о «Новой жизни». Лучше уж вести разговор начистоту.

— Нет, не о пустяках мы спорили, — упрямо тряхнул он копною седых волос. — Товарищ Калантар навязывает мне, так сказать, в принудительном порядке на пост заведующего фермой Фархад-гагу. Не слыхали о таком?

— Нет.

— Известный всей Мугани аферист. Клеймо ставить негде.

— А вы? — с живейшим интересом спросил Аслан.

— А я говорю, что колхозным стадом «Новой жизни» Фархад-гага будет распоряжаться только тогда, когда я сгнию в сырой земле.

Калантар начал было развязывать тесемки, но передумал, решил, как видно, держать анонимки про запас.

— Ай-ай-ай, как не стыдно, Рустам-киши! — сказал он притворно укоризненным тоном. — А урожайность? Забыл? Ведь я тебе открыто сказал, что твоя позиция в вопросах урожайности в конечном счете оппортунистическая и выражается в неверии в решения двадцатого съезда партии! И какое отношение к этому имеет Фархад-гага? Да не стоит он того, чтобы о нем здесь долго разговаривали!

Такое коварство возмутило Рустама, он трубно откашлялся, собираясь погромче гаркнуть на Калантара, но Аслан жестом остановил:

— Вопросы эти не такие уж легкие и простые, как может показаться. Выбор нового заведующего колхозной фермой целиком зависит от правления колхоза. — Аслан, помолчав, добавил: — Иногда уместно вынести такое дело и на общеколхозное собрание. Если Фархад жулик, то, конечно, к ферме его подпускать невозможно. В этом, между прочим, я полностью доверяю Рустаму-киши...

При этих словах секретаря Рустам победоносно взглянул на почерневшего от злости Калантара.

— Теперь об урожайности и договоре с «Красным знаменем». Ясное дело, мы не можем предъ-

явить всем колхозам одинаковые требования. Надо учитывать и почву, и водный режим, и засоленность земли. В каждом хозяйстве свои особенности, и экономические, и даже психологические. Таким образом, я признаю за «Новой жизнью» право самостоятельно установить план урожайности. Но... — и Аслан невесело усмехнулся, — но в «Красном знамени» спор шел не так, как нужно: Рустам-киши присвоил себе власть решать самые сложные проблемы, затрагивающие интересы всех колхозников. Диктовать попытался народу свое мнение. Приказом захотел разрубить узел противоречий. Председателю колхоза не к лицу властвовать, ведь это, товарищ Рустам, отдалит от тебя хороших, инициативных людей, энтузиастов, труженников. И останешься ты один-одинешенек!

Остаться в одиночестве? Отделиться от народа? Что за странные слова! Рустам хотел было возразить секретарю: когда, мол, я, надев чарыхи¹, скитался по горам и ущельям, дрался с кулаками, ты был еще в пеленках!.. Но он не мог выговорить эти слова. Благожелательное, доброе выражение на лице Аслана действовало успокаивающе.

«Осенью увидим! — подумал он. — Когда пойдет распределение урожая, на трудодень выдадим восемь кило зерна, рублей тридцать — сорок денег, тогда поймешь, кто и как служит народу! Кто душой за него болеет!..»

— Ну, поехали, что ли? — Калантар схватил с подоконника фуражку.

— Подожди!.. Значит, цифры — цифрами, а люди — людьми. И если бы даже Фархад-гага был кристальной чистоты человеком, тоже, вероятно, не стоило бы его приглашать на работу в «Новую жизнь». Почему? А потому, что у тебя в колхозе, Рустам-киши, есть много людей, и честных и умных, вполне способных руководить фермой. Приглядишься к ним. Трезво оцени их достоинства. Не смущайся их молодостью. Ведь и ты молодым взялся за колхоз. А в те годы, пожалуй, потруднее было. Или легче? — спросил сам себя Аслан и уверенно ответил: — Нет, труднее!.. — Он встал, надел пальто. — Поехали.

На крыльце под темным ненастным небом, когда Калантар ушел в гараж за машиной, Аслан дружески взял под руку мрачного Рустама и, понизив голос, сказал:

— Я тебе не навязываю решений. Подумай! Посоветуйся с народом!

4

Через три дня после поездки в «Красное знамя» Ширзад вечером заглянул в правление.

Ярмамед, солидный, важный, в очках сидел в бухгалтерии и, разложив перед собою толстые папки, вороха бумаг, щелкал на счетах.

¹ Ч а р ы х и — деревенская самодельная обувь из сыромятной кожи.

При виде секретаря парторганизации счетовод приятно осклабился, вскочил и подал Ширзаду стул.

— Какими ветрами, товарищ секретарь?

— Да сиди ты, сиди! Мне нужны кое-какие цифры.

Ярмамед снял очки, тщательно протер их рукавом засаленного пиджака и сказал, не глядя в глаза Ширзаду, что сведения об урожайности по бригадам и звеньям еще не готовы, он над ними как раз и трудится.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, сам занесу на квартиру, — закончил он ласково.

— Занимайся своим делом, а мне покажи книги по животноводческим фермам, я здесь же прогляжу и сделаю выборки.

— Клянусь своей жизнью, напрасно! Тебе надо отдыхать после трудового дня. Давно уж мы не слышим баяты нашего соловья... Сделаю сегодня же и по животноводству, хоть до утра просижу, не беспокойся, принесу на квартиру. А сведения по урожайности задержались из-за председателя. Знаешь, какой дотошный Рустам-киши... Забрал к себе домой все книги, ведомости. Разрабатывает какую-то грандиозную программу повышения доходности. — Здесь счетовод понизил голос, боязливо озираясь по сторонам, хотя во всем двухэтажном здании никого не было. — Считай, что утром нужные сведения будут в твоём кармане.

Ширзад хорошо знал, что такое в устах Ярмамеда «завтра». Пожалуй, это «завтра» и недельку продлится! И он вежливо, но решительно потребовал ведомости.

Ярмамед оказался между двух огней: без разрешения председателя он не осмеливался показать всю бухгалтерскую подноготную, мало ли что там можно выловить зорким глазом... Но и отказать секретарю партийной организации тоже неудобно. Э, семь бед — один ответ!.. И Ярмамед, жалобно моргая, вытащил из шкафчика папки со сводками и ведомостями. Подняв очки на лоб, он с тревогой наблюдал, как Ширзад внимательно, неторопливо выписывал в блокнот вереницы цифр. И чего человеку неймется! Шел бы с игитами на гулянку, грелся бы девиц соловьиными песнями.

— Какие у тебя соображения насчет нынешнего года? — вдруг спросил Ширзад.

— Это в каком же смысле?

— Как идет подготовка к севу? Выполним ли план?

— Слава богу, такие смельчаки, как ты, взялись за дело, значит, и выполним и перевыполним! — не задумываясь, отчеканил Ярмамед.

— Себя дурачь, если хочешь, а мне голову не морочь! — ответил Ширзад.

— Святая правда! — воскликнул счетовод. — Я полностью доверяю и тебе и Наджафу. Не сомневаюсь, что вы нашему киши жару зададите.

Ширзад пропустил это мимо ушей.

А счетовод уже разошелся: брызгая слюною, привскакивая на стуле, он убеждал Ширзада, что грубость и самоуправство председателя давно стали всем поперек горла, а ведь никто до сих пор не отважился открыто сказать, что айран-то прокис. И вот теперь Ширзад с открытым забралом, словно доблестный воин, выступил в «Красном знамени» против самодура председателя. Честь ему и хвала! С того дня любовь Ярмамеда к Ширзаду умножилась тысячекратно. Но вот что странно: ишак не выдержал бы груза обвинений, которые обрушил на голову Рустама-киши Ширзад, а тому хоть бы что!.. Гнет прежнюю линию. И потому уместно вспомнить слова отцов и дедов: «Не спи под боком лисицы — тигр загрызет; не входи на крыльцо вероломного — без ног останешься!..»

Пословицу Ярмамед произнес нараспев, словно коран читал, и Ширзаду стало смешно: вся злость улетучилась. Нельзя всерьез принимать такого человека, как Ярмамед! И Ширзад снова перевел разговор на колхозное хозяйство. Цифры Ярмамед помнил наизусть, ни разу не запнулся, но там, где требовалось сделать вывод, проанализировать факты, — он тупо моргал, язык его заплетался... А Ширзаду все было мало. И чем дольше шла беседа, тем яснее становилось Ширзаду, что можно уже ставить вопрос о повышении урожайности хлопка до тридцати — тридцати пяти центнеров с гектара. Это будет задачей самых ближайших лет!.. Нетерпимым казалось ему и отставание животноводства и бахчеводства. Рустам-киши рук не покладая из года в год занимался хлопком да зерновыми, а на остальное — вот они, цифры-то! — плевал с высокого дерева.

Далеко за полночь, когда у Ярмамеда уже слипались глаза, Ширзад захлопнул блокнот, потянулся и сказал:

— Баста... На сегодня хватит.

— Как на сегодня? — ужаснулся счетовод.

К нам приезжал аспирант из столицы, подбирал цифры для кандидатской диссертации, и то за день управился!

— Значит, партийная работа потруднее.

Они вышли из правления. В окнах ни огонька, ночь теплая, тихая. Низкие деревенские домики походили в темноте на шалаши чабанов. Тяжелые, насыщенные влагой тучи сгрудились над деревней, и Ширзаду показалось, что в воздухе уже пахнет дождем. А дождь очень нужен. У Мугани свой нрав: захватишь весеннюю влагу — собрал урожай; прозевал, запоздал с севом — все пропало.

Ширзада обуревали смелые замыслы, сейчас он увидел в цифрах будущее своего колхоза и в неосознанном порыве воскликнул, обращаясь уже не к шагавшему рядом Ярмамеду, а к какому-то воображаемому спутнику:

— Не за горами день, когда Мугань станет дивным раем! Земли вволю, воды в Куре и Араксе хоть отбавляй! Десять месяцев в году солнце,

жаркое, благодатное. Чего еще желать?... Хлопок, хлеб, овощи, виноград, кукуруза; стада коров и овец, табуны коней! Асфальтируй пыльные дороги, возводи мосты, электрифицируй колхозы, чтоб светилась ночью Мугань, как звездное небо!

Громко зевая, Ярмamed промямлил:

— Так-то оно так...

— Ну, а что не так? — спросил Ширзад.

— Если по-честному, то скажу: фантазер ты, фантазер! Земля в Мугани сплошные солончаки, летом — это пыль, которая душит и скот и человека, зимою — липкий клейстер. А ты тоже — «рай»! — И Ярмamed хихикнул.

— Дело трудное, слов нет, — возразил Ширзад. — Но ведь у нас теперь машины и наука. Сила-то какая!

Ярмamed вспомнил о ночном разговоре Рустама с Шарафоглу, о тракторе Керима и вяло проворчал:

— Дай бог, дай бог...

Ширзад понял: легче придорожный камень расшевелить, чем этого слизняка, но вдруг разгулявшийся на холодке Ярмamed дотронулся до его руки.

— Конечно, дело не мое, зря вмешиваюсь, но ведь тебя люблю по-братски, а потому и хочу сказать... Напрасно ты себя утомляешь этими цифрами. Как Рустам-киши захочет; так и сбудется. А вам с Наджафом останутся одни пустые хлопоты. В конце концов вы же и опозоритесь. Помня мое слово.

— Постой, ведь мы только что вместе разбирали цифру за цифрой, сводку за сводкой. Разве наши требования не разумны?

Вместо ответа Ярмamed отвернулся и ровно четыре раза подряд чихнул. К этому наивернейшему средству он прибегал каждый раз, когда приходилось отвечать на прямо поставленный вопрос. Зажав грязным платком нос, промычал что-то невнятное.

— Говори смелее, никому не скажу!

Ширзаду можно было верить, и, привстав на цыпочки, чтобы дотянуться до уха парня, Ярмamed шепотом сказал:

— Хлебнете горя... У председателя такой характер: правильная мысль, родившаяся в чужой голове, внушает ему подозрение.

Ширзад удивился: раньше он думал, что Ярмamed на все глядит глазами Рустама, ничем не интересуется, ни во что не вникает, а оказалось, что счетовод получше многих разбирается в колхозных делах, но помалкивает.

— Не сомневаюсь, что и горя придется хлебнуть, и неприятностей не оберешься, но что же делать-то теперь, Ярмamed, что делать? У меня есть своя идея, свой замысел, как же я могу отказаться от него во имя спокойной жизни? Да не жизни, а существования!.. Прозябания! Вся прелесть жизни в борьбе! — убежденно и страстно ответил Ширзад.

Но Ярмamed опять погрузился в томительную дремоту, зевнул и уже собирался нырнуть в переулок, чтобы поскорее очутиться дома, но Ширзад остановил:

— Значит, видишь, что правильно, что неправильно... И молчишь? Как же живешь, бедная ты душа!

— Так и живу! — крючковатый нос Ярмamed дернулся из стороны в сторону. — Ты думаешь, что легко так жить-то? Хи-хи! Бывают и у меня собственные мысли, да как Рустам-киши поведет глазами, усами шевельнет, — так я свою-то мысль и забуду. А потом даже радуюсь, что забыл, — спокойнее... И все люди нажуются мне начальниками, смотрят на меня сверху вниз. Мир праху твоего отца, — он смотрел на меня, как на ровню... А теперь все начальники! Да как же мне устоять со своей мыслишкой-то против них? Тут надо быть героем с львиным сердцем в груди! А зачем мне собственное мнение? Лишняя роскошь!..

Слушая эту ночную исповедь, в которой причудливым образом фарисейство смешалось с искренностью, кликушество с откровенностью, Ширзад думал, что жизнь куда сложнее, чем ему представлялось еще недавно. Обязанности бригадира казались теперь детской забавой по сравнению с ответственностью партийного секретаря. Вот стоит перед ним жалкий человечиска, напуганный, обезличенный. И Ширзаду надо решить, как же к нему относиться, как вести себя с ним и сейчас, и завтра, и через много дней, — в конце концов партийный руководитель и за него отвечает.

— Природа, создавая человека, зажгла в его душе неугасимый свет, — сказал Ширзад, опять забывая о своем спутнике, и голос его почему-то дрогнул. — Не будь этого света — ничем мы не отличались бы от животных. Он подобен солнцу. Без этого солнца сто тысяч лет назад люди не вылезли бы из темных, мрачных пещер. Этот свет открыл электричество и расщепил атом. А называется он сознанием, умом, мыслью. Кто боится думать, тот сам гасит в душе священный пламень. Понимаешь ты это, Ярмamed?

— И очень даже ясно! А еще лучше понимаю, что значит быть растоптанным чужими сапогами, — еле слышно ответил Ярмamed.

Кто же так перепугал Ярмamed, полностью обезоружил его? Из страха он сделал щитом беспринципность, готовность соглашаться с любым, кто был посильнее его. Он готов был пойти на злодеяния, чтобы заслужить благосклонную улыбку своего очередного повелителя. Да человек ли он? Червяк, извивающийся, боящийся света, грызущий стебли цветов и трав. Таким видел его Ширзад и говорил себе, что церемониться нечего — раздавить без пощады, и жалел, хотя и сознавал, что жалеть такого нельзя.

— Что ж, в свою веру переманиваешь? Призываешь жить бездумно, равнодушно?

— Клянусь совестью, ты меня не понял! Добра тебе желаю, исключительно добра!.. Не связывайся с Рустамом, умоляю! Он злопамятен. Где-нибудь споткнешься, и он так нападёт по заправке, что до скончания века не очухаешься! Помни: в сердце Рустама закралось подозрение, что ты метишь на его место, мечтаешь стать председателем.

Ширзад весело расхохотался.

— Признаюсь, всегда считал тебя подхалимом, порой жалел, чаще презирал! Думал: «Ярмамед — трус, боится замочить в воде подштанники, вот и пасется на бережку». Сейчас вижу: ты не только подхалим, ты дьявол! Таким, как ты, грешно дышать чистым воздухом Мугани!

Ярмамед с яростью скрипнул зубами, смело выбежал на середину дороги и, широко разведя руки, преградил путь Ширзаду.

— Куда спешишь? Подожди, послушай ответ... Аракс вспять потечет, а я на поклон больше к тебе не приду. Никого не боюсь, а тебя-то подавно!.. Кто тебе, мальчишке, дал право обращаться со мною, как с собакой? Я советский человек! Не подхалим, нет, люблю Рустама-киши, уважаю. Да тебе, милый мой, сто лет мучиться, а таким, как Рустам, не бывать!

Он вцепился в Ширзада, и тот с усилием оторвал липкую, похожую на лягушечью лапку руку.

— Ты человек? Мужчина? Так говори мужским голосом, а не верещи по-овечьи!

Ширзад легко перемахнул через канаву, угодил в лужу, выругался, и темнота тотчас скрыла его от глаз Ярмамеды.

5

Хороши муганские рассветы! Солнце еще не взошло, поля покрыты белесым туманом, но едва выйдешь на порог, глотнешь, словно молодое вино, степной воздух, и от сладкого опьянения на миг закружится голова... Дымятся очаги на крестьянских дворах, разбросанных по берегам Аракса и Куры, среди садов и кустарников, и запах свежее испеченного хлеба пробуждает в твоей душе священные чувства, и губы твои в порыве сыновней любви шепчут: «Отчий край...» А расцветающая, ежегодно обновляющаяся по весне природа как бы приветствует тебя: «Доброе утро, друг!» И в эту минуту плоские низкие дома, неугасимые семейные очаги, запах дыма и хлеба и серая земля, липкими пластами навёртывающаяся тебе на сапоги, кажутся во сто крат дороже всех сокровищ мира...

Но пробирающийся по грязной улице Ширзад уже забыл, как только что, стоя на пороге, любовался Муганью. Парень направлялся к Наджафу и, пока шагал в ярко начищенных сапогах по обочине, лихо насвистывал, но когда понадобилось перейти дорогу, прочно увяз в клейкой

грязи и сразу смолк. «О лень проклятая! — думал он, с усилием вытаскивая ноги. — Ведь каждую весну чертыхаемся, а подсохло — забыли!.. О самих себе лень позаботиться. А протянуть бы тротуарчики, дорогу вымостить, вот и в домах стало бы чисто, полы — как зеркало! Дома старые, темные, с низкими потолками; стыдно сказать, — бани нет!»

Выбравшись на лужайку, он аккуратно вытер сапоги пучком сухой травы. «Как же деды выносили такую жизнь? — спросил он себя и представил поколения крестьян, которые вырастали, трудились и умирали здесь, и прах их смешивался с землёю, а на смену приходила, мужая, молодость, но жизнь оставалась прежней. И степь не изменилась, сухая, солончаковая, бесплодная, и деревни все те же: без садов, залитые зимней и весенней грязью, засыпанные пылью летом. Сколько же талантливых людей потонуло в этой грязи, задохнулось от пыли?» Ширзад не осмелился винить предков: они батрачили от зари до заката, руки и ноги их были покрыты кровавыми волдырями, их мучил голод, они, должно быть, и не могли вообразить жизнь иной. «Но мы-то, мы знаем, что такое светлая, культурная жизнь! — подумал Ширзад. — Отчего же ленимся дерево посадить, сад разбить, дорогу проложить?»

— Здравствуйте, товарищ Ширзад, — вывел его из задумчивости звонкий голос.

Он поднял глаза: Майя.

— Куда это ни свет ни заря?

— За водой! — ответила за спиною Ширзада неслышно подкрававшаяся по траве Першан.

Вероятно, у Ширзада был растерянный вид, потому что Першан залилась смехом, и даже сдержанная Майя улыбнулась.

— Разрешите пройти! Торчит на самой тропке, как столб. Конечно, у парторга серьезные размышления. Где уж замечать девушек! — сняв с плеча медный кувшин, продолжала Першан. — Я утром прибралась, подмела дворик, все так чинно, красиво, а надо идти за водой, вот и Майя тоже со мной пошла... Наше село ей понравилось, все, что увидит, — расхваливает.

Трудно было Ширзаду поверить, что горожанка Майя искренне восхищалась грязным селом. Может, у Рустамовых в доме такие порядки, что приходится поневоле быть довольной?

Першан заметила недоверчивую улыбку Ширзада и обиделась.

— Не веришь? Да? Признайся, не веришь? Дом Рустамовых тебе разонравился? Значит, прежние твои сладкие речи были лицемерными, да? — И девушка повела плечом. — Но имей в виду: сердце Майи чистое, как горный снег, и если она говорит — нравится, значит — нравится.

— Никак не пойму, при чем тут дом Рустамовых? — заговорил спокойно Ширзад. — Да чего мы встали-то, идемте, мне по пути...

Он пропустил девушек вперед, а сам зашагал сзади по каменистой, почти сухой тропинке, ведущей к арыку.

— Это правда, Ширзад. Мне люди здесь нравятся, — обернулась к нему Майя. — И вообще-то ваше село мне понравилось...

— А почему «вообще»? — насторожилась Першан.

— А потому, что ей здесь многое не нравится, — сказал Ширзад и насмешливо хмыкнул. — И я даже знаю, чем она недовольна.

— Тебя не спрашивают, помалкивай! У нее язык есть, сама скажет, — напуская на себя обычную с ним грубость, огрызнулась Першан.

Но Майя не поддержала золовку, заступилась за парня.

— Говорите, Ширзад, мне хочется знать ваше мнение.

— Во-первых, вот это! — И Ширзад кивнул на грязную дорожку, которую в эту минуту переходил, балансируя, как канатоходец, седобородый старик. На середине он остановился, как бы соображая, не вернуться ли, но махнул рукой и, с трудом вытаскивая ноги из жидкого месива, зашагал дальше.

— А во-вторых? — заинтересовалась Майя.

— Во-вторых...

Ширзад высказал девушкам свое мнение о деревенских порядках.

— Деды жили плохо, но их можно оправдать, — сказала Майя серьезным тоном. — А вот как мы себя оправдаем? Меня удивляет, как вы-то, молодежь с аттестатами зрелости, притерпелись, смирились с таким укладом?

Першан переставила кувшин с правого плеча на левое, пошевелила затекшей рукой и сердито выпалила:

— Если вы не болтуны, а подлинные игиты, то сперва снимите с наших плеч эти кувшины. Ведь приходится их таскать в день раз пять-шесть туда-обратно... Да хоть бы к кристальному роднику ходили, а то мутный илистый арык!

— Умные речи приятно и слушать, — сказал юноша, любуясь задором Першан. — Тем более что мы еще в шестом классе изучали, как строить водоотстойники.

Схватив Майю за руку, Першан потащила ее обратно в деревню, приговаривая:

— Вернемся, сестричка, для чего нам мучиться, если в водоотстойнике Ширзада приготовлена чистая свежая вода!

Майя сначала не поняла, а потом вырвалась, поправила накренившийся кувшин.

— Да ну тебя, чумовая! А я-то слушаю...

— Где ж твой водоотстойник? Проводи, укажи!.. — наступала на смущенного парня Першан.

— Спроси у отца.

— Ах, у отца?.. Во всем, оказывается, отец виноват?.. Ладно, ладно, я это запомню! Ширзад

и Наджаф привыкли на всех собраниях порочить моего отца, а как за дело братья, так на попятную!.. Так вот запомни, парень: если кто-нибудь скажет про отца хоть одно обидное слово, клянусь богом, не воду, а кровь обидчика буду носить в этом кувшине!..

Ширзад не нашелся что ответить, а Першан, подхватив Майю под руку, быстро повлекла ее к арыку.

«Что за характер!» — и ужаснулся и восхитился юноша, а Майя успела оглянуться и смеющимися глазами сказала ему, что это вспышка минутная, не стоит расстраиваться, все наладится.

Ширзад прибавил шаг, чтобы догнать убежавших девушек, и с беспечным видом, будто ничего не произошло, сказал:

— Майя, а ведь кто не знает вашу золовку, никогда не подумает, что она способна на сума-сбродство!..

Смысл этих слов остался для Майи загадочным, но Першан рассвирепела не на шутку, даже кувшин отшвырнула на траву.

— Не вижу в нашем селе парня, с которым могла бы убежать без родительского благословения! Да пусть меня просватает иранский шах, а не деревенский игит, я его не променяю на волос из отцовской бороды... Даже тот, кто мне пригласится, не услышит «да», пока сто раз не поцелует отцовскую руку!

Ширзад поднял кувшин, подал его с почти-тельным поклоном девушке и в тон ей, грубо сказал:

— А с чего ты взяла, что я тебя уговариваю бежать из родительского дома? Я хочу сказать, что сегодня вечером в клубе занятие музыкального кружка. Приходи, пожалуйста!

Как ни была остра на язык Першан, а тут и она растерялась, сверкнула глазенками и, подхватив кувшин, проворно помчалась вниз по склону к певуче журчащему среди камней арыку.

— И вы, пожалуйста, приходите, — обратился Ширзад к Майе. — Хотим закаты такой концерт, какого еще в Мутани не видели. Вот с танцами только не получается, — учителя нету.

— Танцы? — Майя на миг задумалась. — Ладно, танцы я беру на себя.

— Вот и отлично! Может, и Гараш зайдет?

Майя ласково попрощалась с Ширзадом и, придерживая колеблющийся на плече кувшин, поспешила за золовкой. А та уже болтала с собравшимися у арыка девушками и старалась смеяться как можно громче, чтобы услышал Ширзад.

Но Ширзад несколько этим не огорчился и, насмешливо, свернул к дому Наджафа.

Теперь он почему-то не разбирал дороги и смело шлепал по лужам, выбивая сапогами фонтаны грязи.

Распахнулась желтая дверь маленького на-менного дома, и на веранду выбежала Гызетар в стареньком застиранном платье с засученными рукавами, сняла с кипевшего самовара трубу, сдула с крышки пепел. Ведерный самовар она подхватила, словно перышко.

«Ах, какая ты! Любое дело в руках так и горит! — подумал Ширзад, остановившись у калитки. — И все-то с шуточками, весело, живо!..» Он знал многих девушек, и бойких и рассудительных, которые после замужества стихали, словно пересохший в жару ручей. Ну, Гызетар не из таких.

Она почувствовала его взгляд, подняла голову.

— Ай, Ширзад, чего там остановился? Заходи скорее, Наджаф только что вернулся с поля, станем чай пить!

С крыльца был виден арык и толпившиеся там девушки с кувшинами на плечах. Гызетар не нужно было напрягать зрение, чтобы различить пестрое платье Першан.

— И утром и вечером богу молюсь, чтоб смягчил он сердце Рустама-киши, — лукаво засмеялась Гызетар. — Да заходи скорее!

Конечно, Ширзад никому не простил бы такой шутки, но на Гызетар он обижаться не умел.

Заслышав голоса, выглянул взъерошенный Наджаф, в безрукавке, с открытой волосатой грудью, и крикнул:

— Послушай, я тебя на небе искал, а встречал на земле! Заходи, разговор есть!

— Думаешь, я к тебе шел чай пить?

Пока Наджаф умывался у прибитого к столбу веранды рукомойника, фыркая так, что было слышно и в комнате, Ширзад наблюдал, как хозяйка перетирала стаканы, расставляла тарелки с маслом, сыром, чуреками. На него пахло домашним уютом, захотелось представить вместо Гызетар вот так же собирающую завтрак Першан...

— Хороша обстановка? А? — Наджаф вошел с полотенцем в руках. Плавным движением руки он обвел комнату, в которой, кроме стола, четырех самодельных табуреток и нескольких фотографий на стенах, ничего не было. — Что поделаешь, что поделаешь! Все денежки Гызетарханум тратит на украшение спальни. До столовой, говорит, черед не дошел!..

Ширзад ответил не сразу; вспомнил, как молодожены, закладывая фундамент этого дома, сами таскали камни, месили глину.

— А мне ваш дом кажется прекрасным, как дворец ха! И об одном только мечтаю, чтобы все колхозники поскорее построили себе такие же просторные дома!

— Вот спасибо! — воскликнул Наджаф, двигая табуретку к столу. — Самое главное, чтобы глаза друга не были завистливыми.

— Но не думай, что я всем здесь доволен, — остановил его Ширзад.

— Чем же недоволен? Может быть, хозяином?

— Нет, хозяин мне нравится, а хозяйка еще больше, но плохо, что вы поленились и не пристроили кухни и ванной.

— Не в Баку живем, в деревне! — отрезал Наджаф.

— Правильно, правильно! — кивнула разливавшая чай Гызетар. — Надоело мне возиться на дворе у очага, мыться в тазу. Ширзад прав, как всегда. Получим осенью на трудодни — и начнем строиться, — властно заявила она.

— Господи! — Наджаф схватился за голову. — Сколько же денег нужно? И ведь мебель нужна! Нет, нет, братец, ты вносишь раздор в нашу семейную жизнь, моя ханум пляшет под твою дудку, и так жить не могу, убирайся-на восвояси!

Но Гызетар и Ширзад не обратили на эти слова никакого внимания.

— Но особенно мне нравится в вашем доме, — продолжал Ширзад, подперев кулаком подбородок, — что живет здесь, кроме вас, еще одно существо...

— Какого пола: мужского или женского? — подозрительно спросил хозяин и со злобещим видом потянулся к кухонному ножу.

— Вот этого-то не знаю, а называется оно счастьем! Счастьем! — мечтательно повторил Ширзад. — Едва открываю дверь вашего дома, как первым заговаривает со мною счастье.

— Ашуг! Сладкоречивый ашуг! — пришел в неистовый восторг Наджаф. — А знаешь, кто привел счастье в наш домик? Она, только она! — И он привлек к себе застенчиво опустившую глаза жену.

— Пейте чай, ведь у вас нет времени! — выскользнула из-под его руки Гызетар и, схватив пустую тарелку, выбежала на веранду.

Когда приятели вышли на улицу, солнце выглянуло из-за рваных серых облаков и все вокруг повеселело. Может быть, так казалось потому, что и деревня, пустынная на рассвете, оживилась — скрипели колеса арб и телег, на огородах старики перенапывали землю, собирали кучками и сжигали листья, сухую траву. Дети с визгом и криками высыпали на школьный двор, бегали, прыгали, гоняли, как мячик, чью-то рваную шапку.

— Пешком пройдемся, что ли? — предложил отяжелевший после обильного завтрака Наджаф.

— Э нет, мы так и за день не обернемся. А у меня дел-то много! — не согласился Ширзад. — Вот тетущка Телли везет удобрения, с нею и подведем!

И он, перепрыгнув через канаву, поднял руку. Арба, запряженная двумя откормленными лошадьми, остановилась.

Тетушка, натянув вожжи, посмотрела на парней.

— Не подвезешь ли?

Тетушка указала на мешки с удобрениями: места не жалко... Приятели взобрались на самый верх, уселись поудобнее, и лошади, шлепая копытами по грязи, медленно потащили арбу. Кое-где на крутых ухабах арба кренилась так, что парни цеплялись за мешки. Тетушка Телли злобно на них посматривала: узнали теперь, голубчики, что за дороги? Аж кости хрустят, как тряхнет на ухабе!

У арыка тетушка остановила лошадей, разнузда, подвесила им под морды торбы с сеном: пусть отдохнут. Все это она делала молча, рывками, сердито ворча под нос.

Наджаф повел Ширзада за арык на участок, густо заросший бурьяном.

— Полюбуйтесь, товарищ секретарь парторганизации: вот как подготовились к весеннему севу в нашем колхозе. С такого клина не соберем и двадцати центнеров.

Ширзад только головой покачал. Ему и в голову не приходило, что рядом с селом, под самым боком у Рустама, остались не очищенные от стерни участки.

— Но не везде же так... — неуверенно начал Ширзад.

— Ты своим участком не щеголай! — перебил приятель. — В твоей бригаде такие ханум, как тетушка Телли и моя супруга! Они и без твоих указаний все сделают! А теперь сюда пойдём...

И он потащил друга в кустарник. Несколько минут парни, то пригибаясь, то отводя от лица ветки, то перепрыгивая через груды валежника, пробирались вперед. Наконец Наджаф остановился на полянке, посмотрел по сторонам, приложил палец к губам и прошептал:

— Чур пополам! Клад золотых монет времен Александра Македонского...

И он пнул ногою присыпанную сухими листьями кучу. Листья взлетели, и Ширзад увидел, что перед ним лежат врезавшиеся в землю плуг и борона. Ржавчина коростой покрыла металл.

Ширзад коротко свистнул. Его даже возмутила шутка Наджафа. Нельзя же над всем посмеиваться! Вопиющее преступление: гибнет, ржавеет колхозный инвентарь!

— Конечно, это работа любимчика председателя, Немого Гусейна! — сказал Наджаф.

Они пошли дальше в поля. То им попадались участки сплошь покрытые сорняками, то они наткнулись на чистые делянки, то не было видно ни минеральных удобрений, ни навоза. Наджаф пытался развеселить друга, но тот не откликался, мрачнел с каждой минутой.

— А где ты был? Секретарь комсомола!.. Вчера, третьего дня не мог сказать? — вдруг строго спросил Ширзад.

Наджаф опешил. Оказывается, во всем теперь он виноват. Ведь он же не здесь работал эти дни, ему и о сорняках и о плуге сказали трактористы...

Они вернулись в село после полудня. Рустам сидел на ступеньках крыльца правления и, морщась от табачного дыма, беседовал с колхозниками. Рядом с ним примостился и Салман.

Не обращая внимания на Ширзада, председатель с увлечением объяснял:

— Значит, длина триста метров, ширина — пятьдесят. За неделю с фундаментом вполне управимся. Проект на днях пришлют из Баку, из союза архитекторов. Я затребовал телеграммой. Пусть вся Мугань зацокает в изумлении!..

Салман хотел угодить председателю, но попал впросак:

— Можно у Кара Керемоглу взять проект. У них уютный Дом культуры, и обошелся не дорого, я справлялся.

— У Кара Керемоглу не Дом культуры, а курятник! Птичья клетка!.. — раздельно сказал Рустам, а когда кто-то из колхозников засмеялся, и сам раскатился самодовольным хохотком. — Наш будет и выше и вдвое вместительнее! Летняя открытая веранда и зимний зал для кино и спектаклей! Разве у них Дом культуры? — Рустам в недоумении развел руками. — Низенький, вытянулся в длину, как скотный двор! Действуй! — приказал он Салману и с крихтеньем поднявшись, направился было в свой кабинет, но Ширзад остановил.

Слушая юношу, Рустам нетерпеливо хмурился.

— Слушай, занимайся лучше своим участком. Все сам знаю...

— Тогда соберем закрытое партийное собрание, — ровным голосом сказал Ширзад.

— Ай, молодец! Нашел время собрания созывать! Пахать надо, а не заниматься международной политикой! А где... оратор-то? Этот... Наджаф?

Так разговаривать в присутствии колхозников с секретарем парторганизации было во всяком случае нерасчетливо. Рустам это сознавал, но уже не мог остановиться. Ему надоели непрерывные пререкания с Ширзадом и Наджафом. В прошлом году обошлись без их советов и — что же! — собрали неплохой урожай. И в прошлом году в колхозе была партийная организация, но секретарь ее, Сулейман, теперь перебравшийся в районный центр, не выходил из повиновения.

Раздвывая усы, председатель уже взшел на высокое крыльцо и потянул к себе дверь, как раздались пронзительные крики: «Подожди, подожди!» — и во двор вбежала тетушка Телли.

— Эй, эй, придержи шаг! — зычно кричала она, на ходу засучивая рукава клетчатого платья, будто готовилась схватиться в рукопашную. — Где твоё слово, мужчина?.. Ты когда мне обещал дать грузовик под кирпичи? У меня дом развалился, внуки живут на ферме, в степи! Зимой купила кирпич, так и валяется в районе!

— Уймись, арвад! Люди, люди слышат, — стыдно! На грузовиках возят навоз, удобрения! — ответил председатель.

— Ай, как стыдно!.. Прямо от стыда помру! — завопила ещё громче тетушка, карабкаясь на крыльцо и догоняя Рустама. — Своим прихвостням небось всегда даёшь грузовик, а рядовой труженице не можешь. «Навоз! Минеральные удобрения!» — передразнила она Рустама. — Стыда у тебя, я гляжу, нет!.. Одна я весь день удобрения вожу на арбе, одна! Завтра же пошло в Баку жалобу!

— Жалуйся, жалуйся! Вон и писарь рядом, — Рустам-киши кивнул на Ширзада. — Он тебе мигом настроит любую жалобу!

И, оттолкнув тетушку, вошел в правление.

8

Все последние дни Ярмамед, встречаясь с Ширзадом, подмигивал с видом заговорщика и нашептывал:

— Ты одинок, у тебя нет опоры, береги себя. Задавит тебя Рустам-киши, обязательно задавит!.. Он уже тень твою мечом рассек пополам!

В конце концов это смертельно надоело Ширзаду, и он пригрозил счетоводу:

— Если услышу хоть слово, посажу тебя лицом к лицу с Рустамом и заставлю повторить все мерзости.

Ярмамед так и сжался от страха. Кое-как он отсидел день в конторе, цифры плясали перед его глазами, то сливаясь в серую пелену, то рассыпаясь, словно горошины.

«Ведь добра ему желаю, добра! — недоумевал Ярмамед. — Неужели этот сын жабы Салман нашептал ему о тридцать седьмом годе? Нет, не похоже!.. Предупреди я таким манером Салмана, так тот сто раз бы по плечу похлопал, рассыпался в благодарностях».

Вечером, когда правление опустело, Ярмamedу стало невмоготу. Сомнения измучили его, Ширзад и вправду способен рассказать Рустаму, тем более что зарится на его дочку... Как же Ярмамед посмотрит в глаза своему владыке? Придётся собрать свое барахлишко и смыться не только из колхоза — из района. А не успеешь сбежать — Рустам впихнет Ярмамеду в пахталку и станет пахтать его, как кислое молоко, а потом из айрана слепит сыр и накормит им псов. Вот как будет-то!.. Эх, наивный, наивный Ярмамед! А ведь как будто правильно рассчитал: если на

собрании Ширзад резко критиковал председателя, значит теперь он будет собирать любые сплетни с Рустаме. Салман так и поступает: копит всякие неблагоприятные слухи о председателе, а сам лезет перед ним, выслуживается. Да, не ошибались те деревенские мудрецы, которые говорили, что поэт Ширзад не отрывает глаз от звезд, а потому часто спотыкается.

Ярмамед спрятал бумаги в шкафчик, запер дверь, положил привязанный к тряпочке ключ в условное место на веранде и поплелся домой.

Вспомнив, что Ширзад — поэт, он несколько приободрился: поэт доносами заниматься не станет. Побрезгует!.. Но едва Ярмамед сделал несколько шагов, как страх снова овладел его душой. Парторг может проболтаться своему дружку Наджафу, а тот — жене, а Гызетар — закадычной подружке Першан, а председательская дочка — папаше. Тогда все пропало!..

Почувствовав, что у него застучали зубы, Ярмамед придержал подбородок рукою. Пуста была улица, в домах ни огонька, тишина, как на кладбище, только грязь чавкала под ногами.

Может, лучше всего побежать к самому Рустаму и повиниться, воскликнуть, рыдая: «Прости, великий мой покровитель, по неведению, разгорячившись, сказал лишнее!.. Не всегда язык повинуется разуму. Родственники и то друг о друге сплетничают. Верным сторожевым псом всю жизнь буду, — прости!..»

А если Рустам обо всем узнал? Что ж, придется отрицать, много выхода нету. Ярмамед — жертва клеветы, грязной, злобной клеветы! Ему мстят за преданность Рустаму-киши.

Окончательно запутавшись, Ярмамед прислонился к забору: ноги не держали. Он поднял голову. Густо-черные, взлохмаченные тучи, гонимые сильным ветром, бежали, словно стадо баранов. Внезапно ослепительно блеснула молния, осветив на миг деревенские домишки, сарай, пустыри, грязь, и так это все было неприглядно, уныло, что Ярмамеду охватило отчаяние.

Нет, к Рустаму он сейчас идти не в силах. Легче вот тут, у забора, свалиться, умереть легче, чем увидеть его разгневанное лицо, услышать громовой голос. Как утопающему за соломинку, остается теперь ухватиться за Салмана, к нему звать о помощи. Может, Салман смекнет, что Ярмамед еще ему пригодится. Ах, плоский хитрец, ватным кинжалом он способен зарезать человека, ставшего у него на дороге! Но ведь Ярмамед никогда не преградит ему пути. Хватит у Салмана ума сообразить, что такими, как Ярмамед, не пренебрегают...

А тучи опустились еще ниже, будто на самые плечи Ярмамеду, всей тяжестью прижали его к земле, — дыхание перехватило... Ему показалось, что кто-то крадется вдоль забора, шурша сухой травой.

— А? Кто, кто там? — сдавленным голосом крикнул Ярмамед.

И внезапно ночная темнота ответила ему многоголосым ревом — ветви деревьев со свистом рассекли воздух: ж-жж-ж... загрохотали камни в арыке, будто уносимые половодьем, сама земля. — последняя его опора — заколебалась, увлекая за собою в бездну.

Ярмамед был не только труслив, но к тому же и суеверен. И когда ему показалось, что засверкали, словно волчьи глаза, огоньки во всех концах села, он сказал себе: джинны... Только в такие непроглядные грозовые ночи джинны вылезают из-под земли, прячась в придорожных кустах, воют, как шакалы, ухают, как филины, окликают заблудившихся путников. Вот-вот сейчас и его позовут...

— Ярмаме-е-ед!..

Заслышав свое имя, он в три погибели согнулся и зажал рот дрожащей рукою: только бы не отозваться, авось во мраке не заметят, проскочат мимо. Ведь того, кто ответит, джинны крадут, превращают в вечного раба, в преисподнюю опускают на безмерные страдания...

— Ярмаме-е-ед! — заунывно призывали джинны.

Он едва не лишился сознания, волосы встали дыбом, но, вспомнив наставления незабвенного папаши-муллы, зашептал, давясь от икоты:

— Бисмиллах! Во имя бога, во имя бога...

И свершилось чудо: голоса джинов смолкли, и, обливаясь ледяным потом, Ярмамед передохнул, пришел в себя. Теперь надо мчаться к Салману! Но едва он сделал шаг, как кто-то в темноте тоже сделал шаг, приближаясь к Ярмамеду: он побежал, спотыкаясь в потемках, и кто-то тоже побежал, гремя тяжелыми сапогами, почти наступая на пятки.

Ярмамед несся, как ветер, а преследователь не отставал, обжигал его затылок горячим дыханием.

Наконец Ярмамед ворвался во двор Салмана — благо тот собак не держал — и заколотил ногами и кулаками в низкую неотесанную дверь.

— Потихе, потихе, товарищ, за дверь-то деньги плачены! — раздался заспанный голос хозяина, послышалось шлепанье босых ног, звякнула щеколда.

Придерживая у горла ворот ночной рубахи, Салман поднес свечку к искаженному лицу Ярмамеды.

— Что за вид? Бешеная собака, что ли, гналась?!

Из широко распахнутого рта Ярмамеды вылетел заячий писк. Войдя в комнату, он рухнул на тахту и застонал.

— Назназ, воды бы поскорее... — спокойно сказал Салман. — Человек сейчас богу душу отдаст. Ай, дружок, какой ты неосторожный! Знаешь ведь, что у тебя тысячи врагов, а в полночь рискуешь ходить по улицам!

— Да что случилось-то? — отозвалась Назназ, сестра Салмана. Она вышла из-за перегородки в ночной рубашке, с шалью на жирных плечах, румяная, так и пышущая жаром ото сна.

— Вот этого я и не знаю, — засмеялся Салман.

Пока всхлипывавшего Ярмамеду отпаивали и утешали, хозяйка зажгла керосиновую лампу.

— Спасибо, сестрица, сердечное спасибо! — пролепетал Ярмамед, не сводя восхищенного взгляда с толстухи.

«Э, вон что тебя оживило-то», — подумал наблюдательный Салман.

— Поди оденься, сестра, — сказал он, — а то Ярмамеду не оправдаться перед судом аллаха!

— Грех надо мной смеяться, — заныл Ярмамед, опуская глаза. — Человек с того света вернулся, а ты...

Салман вдруг задумался, покрутил усы и пошел за перегородку, к сестре.

— Сейчас повеселимся, дай-ка твои «пять звездочек»! — понизив голос, сказал он.

Когда на столе появилась бутылка, две чашки, завернутый в лаваш сыр, Ярмамед слегка приободрился и даже заерзал на тахте, но лицо его сохраняло скорбное выражение.

— Промочи горло, приди в себя! — Салман подал ему налитую до краев чашку.

— Ой, не надо бы, лишнее это, — отмахнулся Ярмамед, но Салман отвел его руку и заставил выпить.

— Еще минута, и он догнал бы меня, схватил за горло! — торжественно произнес Ярмамед, что, впрочем, не помешало ему, сморщившись, вонзить зубы в лаваш с сыром.

— Давай по второй, — предложил хозяин.

Теперь рука Ярмамеды уже не дрожала, а цепко взяла чашку. Выпив залпом, он лихо сплюнул и тут, будто впервые увидел Назназ, так и уставился на нее, жадно разглядывая толстые, в блестящих шелковых чулках ноги, пышную грудь, распиравшую платье.

— Что же случилось? — кокетливо спросила Назназ, польщенная вниманием гостя.

— А случилось то, Назназ-ханум, что вышел я из правления и у школьного садика — знаете? — увидел, как в темноте блещут глаза, огромные, словно фары трехтонки. Волк или собака? Я свистнул, и вдруг огромный волк тремя прыжками кинулся на меня! — вдохновенно врал Ярмамед.

Назназ всплеснула руками:

— Ах, как интересно!

— Но бог пришел мне на помощь, рука нащупала на земле булыжник, и я с размаху обрушил камень ему на голову! Волк отпрянул, перемахнул через изгородь и скрылся с жалобным воем во мраке!

— Герой! Поистине ты съел волчье сердце...

И правильно поступил, — одобрил, лениво позывая, Салман. — А теперь рассказывай, зачем пожаловал в такую пору. Да только не ври. А ты, Назназ, принеси-ка по стакану чая.

Хозяйка вышла на веранду, а Салман стоял, заложив руки в карманы брюк, и то приподнимался на носки, то опускался на пятки, будто на качелях раскачивался, всем своим видом показывая, что не верит ни одному слову счетовода.

Ярмамед заискивающе улыбнулся, закрыл глаза и попытался прикинуться уснувшим, но на Салмана это не подействовало. Сильной рукою он встряхнул гостя, приказал:

— Говори правду!

Ярмамед огляделся, нет ли поблизости Назназ, и бодро сказал:

— У собаки спросили, сколько раз на днях ее бьют? «А это зависит от того, — ответила бедняга, — сколько раз встречаюсь с сукиным сыном...» Вот и я, друг, встречаюсь — и уже не один раз! — с сукиным сыном, в беду попал!

— Точнее, — потребовал невозмутимый хозяин. — Точнее и короче!

— Куда уж короче? Ширзада знаешь? Такого вредителя земля еще не носила. Весь в папашу!

— Э, не удаляйся в седую старину. Говори, в чем дело?

— А в том, что у Ширзада и Наджафа, клянусь богом, неслыханные претензии! Норовят захватить в свои руки весь колхоз! Ширзад — председатель, комсомолец — в заместители... Слышал пословицу: «В глухом ущелье и лисица — бек!» Соберут вокруг себя родных и приятелей и почем зря примутся грабить колхоз. А колхоз — ты-то ведь знаешь! — что дойная корова: на дне подойника всегда кое-что останется.

Салман и бровью не повел, будто не понял намека, сухо сказал:

— Это еще не факты, а домыслы. Если у тебя нет фактов, бери шапку в охапку и беги домой. Буду рад, если еще раз набежишь на волка и он выпустит из тебя кишки!

«Что за подлая душа!» — ужаснулся Ярмамед и, запинаясь, пересказал весь разговор с Ширзадом. Он называл себя скудоумным младенцем, бил себя кулаком в грудь, каялся в таких грехах, какие и не значились на его совести.

Салман вытаращил глаза:

— Значит, ты говорил против Рустама-киши? Герой, нечего сказать... А еще съел волчье сердце! Да ведь Рустам в гневе страшнее разъяренного верблюда!

Ярмамед упал на колени и поднял руки, словно свершал намаз.

— Братец, мы с тобой, как ноготь и палец! Ты — палец: куда ни повернешь, туда и я смотреть буду. А если ноготь сорвать, то палец тоже

будет ой-ой как больно. С мясом ведь ногти-то вырывают!.. Не губи! Ради тебя на пытки пойду!

В эту минуту появилась Назназ. При виде коленопреклоненного гостя она чуть не выронила из рук поднос с двумя стаканами чая.

— Да что с ним?!

— Перепил. Коньячок у тебя больно крепкий, вот ноги и не держат, — пошутил Салман и, приподняв Ярмамеда за шиворот, толкнул его к столу.

— Садись, что-нибудь придумаем.

9

Сова гнездится в развалинах, летучая мышь лишь ночью отваживается летать.

Две недели Салман, встречая Рустама и Ширзада, ласково улыбался и тому и другому, но не обмолвился ни одним лишним словом.

Лишь узнав от Ярмамеда, что председатель опять повздорил с парторгом, Салман решил: настал его час!

— Никогда не думал, что Ширзад окажется таким неблагодарным, — сказал он тихо Рустаму. — Пока отца не реабилитировали, так он прикидывался ягненком, а сейчас выпустил когти. Старики говорят, что и отец его был заносчивым.

Они сидели в правлении, двери кабинета были плотно закрыты, да и в соседних комнатах уже никого не было, кроме Ярмамеда.

— Вздор мелешь! — буркнул, хмурясь, Рустам. — Касум Кенгерли был благороднейшим человеком. Это он всех нас вывел на светлый путь. Каким бы ни был сын, а хаять Кенгерли не позволю.

Открыв ящик письменного стола, председатель вынул какую-то бумагу и, затянувшись так, что табак затрещал в трубке, будто сухие щепки в очаге, погрузился в чтение.

Салман почтительно молчал, сложив руки на животе.

— Не знаю, — не выдержал наконец Рустам, — чего ему надо. Сидел бы спокойно!..

— Клянусь твоей жизнью, дядюшка, сам в толк взять не могу. Казалось бы, бригадир, работай не работай, а трудодни идут. И собою не урод, не у нас, так в «Красном знамени» мог бы найти богатую невесту. Сам председатель поддерживал его авторитет, рядом с собою усадил, рекомендовал в секретари!

Салман на минуту задумался и вдруг так и засиял торжествующей улыбкой:

— Да ведь суть-то именно в секретарстве! Клянусь твоим здоровьем, дядя, с того часа, как парня избрали секретарем, он переменялся к худшему! Подготовка к весеннему севу, видишь, его не удовлетворяет!

Салман хотел было выложить еще много выдуманных им небылиц, но посмотрел в нахмуренное лицо Рустама — и умолк.

Рустам скользнул острым взглядом по Салману и, наклонившись над бумагами, стал делать какие-то пометки красным карандашом.

«Как необъезженный жеребец, — подумал Салман, — того и гляди ударит копытом! Такого приучать к седлу надо исподволь, осторожноенько».

— Не сердись, дядюшка, но считаю долгом сказать, что как раз в вопросах весеннего сева Ширзад прав... — елеинным голосом начал бухгалтер.

Рустам вынул изо рта трубку, поднял на Салмана прищуренные глаза, пожевал губами, но промолчал.

— Да, дядя, этот горлопан прав, — смело повторил бухгалтер. — Неплохо бы тебе приструнить кое-кого из бригадиров. Распустились! Чувство ответственности потеряли.

— Э, да ты стучишь молотком то по гвоздю, то по подкове, — подозрительно заметил наконец председатель.

— Ни-ког-да! — воскликнул Салман, с досадой почувствовав, что покраснел. — С самого начала бью по шляпке гвоздя... Хочу, чтоб дела в колхозе шли великолепно и чтобы ты, дядюшка, мог высоко держать голову. Больше мне ничего не надо.

— Языком-то болтать вы все мастера! А ты выйди на трибуну и скажи: «Не путайтесь в ногах, демагоги, не мешайте нам честно трудиться!..» Вот тогда будешь молодцом.

«Погляди, куда он меня толкает... — испугался Салман. — Хочет превратить меня в колотушку, чтоб дубасить всех по головам. А потом выбросит вместе с мусором. Нет, это не пройдет. Не родился тот человек, который бы обвел вокруг пальца Салмана!»

— Мудрые твои слова, дядюшка! — с грустью сказал он. — Обидно только, что мне не доверяешь. Я ведь не люблю соваться вперед. Если бы ты хоть раз услышал, как я с пеной у рта критиковал этих демагогов — с глазу на глаз, конечно, — так по-другому бы обо мне судил.

Опечаленный вид Салмана понравился председателю, и он поспешил великодушно подбодрить юношу:

— Не верил бы — так к чаю не приглашал бы. Бухгалтером бы не назначил. Миллионами ворочаешь — это же кое-что значит.

У Салмана позвоночник превратился в шелковую нить, с такой легкостью изогнулся он в униженном поклоне.

— Спасибо, дядя, спасибо. Салман не забудет добра! На каждую копейку имеются оправдательные документы. Сто, двести ревизоров приедут, — не подкопаются! Баланс как зеркало!

Рустам опять занялся бумагами, зевнул и наконец рассеянно спросил:

— Так о чем ты?

«Чтоб тебя болячка задавила! — мысленно пожелал Салман. — Дослушать не хочет!» Вытащив из папки аккуратно перепечатанную на машинке бумагу, он положил ее перед председателем.

— Подпиши.

— А что это?

— Ходатайство о банковской ссуде. Полмиллиона на строительство Дома культуры. В неделимом фонде — ни копейки! Придется в долг брать!

По крестьянской привычке Рустам не любил должать. Настроение у него испортилось, он повертел в руках бумагу, даже понюхал.

— Неделимый фонд, неделимый фонд, — приуныв, забормotal он. — Когда-то будет у нас свободных миллионов пять-шесть?

— Этот день близок, и ты его, бог даст, увидишь скоро, — приятно улыбнулся бухгалтер. — Когда с фронта вернулся, колхоз из долгов не вылезал. А сейчас банк сам предлагает: ссуда, говорят, за Рустамом-киши не пропадет... Подлинные слова управляющего! А осенью будет и денежный доход, будут и деньги в неделимом фонде!

Рустам осторожно обманнул перо, расписался с таким видом, словно самому себе скреплял смертный приговор, и горестно вздохнул.

— Ох, не люблю в долг брать! Каждая монета как клеймо лоб обжигает!..

Он с отвращением оттолкнул бумагу, и та, закружившись, как голубь, вспорхнула, но Салман хищным движением поймал ее и сунул в папку.

— Когда бригадиры соберутся, приходи, — сказал Рустам и кивком головы отпустил бухгалтера.

Ему нужно было побыть одному, собраться с мыслями. Рассказ Ширзада о плохой подготовке к севу застиг Рустама врасплох. Чего-чего, а повторения прошлогодних ошибок он не хотел... Как ни был он раздражен против Ширзада, но в глубине души отдавал ему должное за своевременное предупреждение. Потому-то Рустам и распорядился собрать бригадиров, — пусть не забывают, сколь тяжела рука председателя. От хозяйского глаза ни одна мелочь не ускользнет. Рустам не собирается передавать вожжи соседу.

Так он взвинчивал себя, поглядывая с усмешкой на входивших в кабинет бригадиров. Ему льстило, что они держатся почтительно, мнут папки в руках, покашливают в кулак. «Погодите, голубчики, — думал он. — Почтение хорошая вещь, но одним почтением меня не купишь, дело нужно! Я еще покажу вам себя!»

Ширзад и бригадир Махмуд вошли уверенной легкой походкой, спокойно поздоровались.

— Весна наступает нам на пятки, — сказал Рустам, сурово оглядев собравшихся. — Пусть

каждый бригадир коротко расскажет о подготовке к севу.

Красным карандашом председатель колхоза делал в своем блокноте заметки по отчетам бригадиров. Низкорослый, с остреньким, заросшим щетиной лицом, Ахмед, привычно оговорившись, что он речи держать не умеет, заверил, что бригада во всеоружии встретит сев и что колхозники не допустят, чтобы уважаемый председатель ходил с опущенной головой. Рустаму хотелось крикнуть: «Говори конкретнее!» — но он промолчал. Если сразу же начнется перебранка, толку будет мало. Следующим выступил Гасан, как всегда заспанный, кислый: как устался в записную книжку, так глаз и не поднимал. Рустам легко заметил, что бригадир вычитывает из книжки плановые показатели урожайности, но упорно молчит о том, что уже сделано в бригаде.

— Погоди, сколько вашей четвертой бригаде надо вывезти навоза? — спросил с места Салман.

— Семьдесят арб по плану.

— А вывезли сколько?

— Чего это? — прикинулся непонимающим Гасан.

— Спрашиваю, сколько вывезли?

— По плану семьдесят арб, я ж сказал...

— Да не по плану, а сколько вывезли? Уже вывезли! Уже!

Гасан полистал записную книжку, потом взглянул на потолок и вдруг, словно его осенило свыше, небрежно спросил:

— Какая тебе-то забота, дорогой Салман? Вот сев начнется — ты и требуй с меня удобренной жирной земли.

Рустаму только этого и надо было: терпение его иссякло, и он окинул Гасана таким тяжелым взглядом, что остальные бригадиры переглянулись. Председатель напомнил Гасану, что в прошлом году он так же хитрил, а когда настала погода и пришли на участок тракторы с сеялками, то оказалось, что времени не хватило вывезти навоз. Что же тогда бормотал бестыжий Гасан? «Проведем три подкормки, земля свое и получит...» А потом и на подкормку времени не осталось, и урожай на полях бригады был самым низким по колхозу. С какими же глазами в «Красное знамя» осенью поедет, если уже сейчас все делаем, чтобы сорвать договор? Ни малейшего чувства ответственности!

Чем больше говорил Рустам, тем заметнее велели бригадиры: пусть выговорится, сорвет на одном злость, остальные останутся в стороне.

— Через три дня закончить вывозку! — отрывисто приказал Рустам.

— Есть закончить в три дня. Даже в два дня управимся, заверяю, — быстро сказал Гасан, спрятал книжку и, скрестив руки на груди, приготовился слушать дальнейший разговор: гроза миновала...

Взгляд председателя остановился на Немом Гусейне. Тот понял, что пришел его черед, и, не вставая, не меняя позы, уверенно сказал, что все в порядке, бригада к севу готова, уж за кого, а за Гусейна председатель может не беспокоиться. Лицо у Гусейна было темное, в крупных рябинках, глаза большие, очень внимательные. Он умел в спорах открыто смотреть в глаза собеседнику, не говоря ни «да», ни «нет». А в особо трудных случаях, когда его прижимали на совещаниях, он еще прикидывался и глухим. И правда, он был слегка туговат на правое ухо.

— Простите меня, товарищ Рустамов, — сказал Ширзад. — Очень уж беспорядочно проходили наше совещание. Все заверяют, что все сделано полностью, а на проверку выходит — ничего не сделано...

И он добавил, что в «Новой жизни» издавна привыкли не удобрять землю. И сейчас бригадиры увильвают от вывозки навоза, считая, что все решает полив. Но земля колхоза даже при регулярном поливе исчерпала свое плодородие, все ее резервы в удобрении.

— Чей участок за арыком? Твой? — спросил он Гусейна.

Тот твердо взглянул ему в глаза, но не сказал ни «да», ни «нет».

— Так на твоём участке навозом и не пахнет! Там же с прошлой осени валяются плуг и сеялка, заржавели, в землю вросли! Если так будет продолжаться, то мы сорвем посевную кампанию! — возмущенно закончил Ширзад.

— Парторг Ширзад, как обычно, сгущает краски, — негромко, но отчетливо заметил Салман, желая выгородить Гусейна и угодить председателю.

Рустаму в этот момент вовсе не требовалось его вмешательство, и он пренебрежительно отмахнулся.

— Глаза выколю тому, кто сорвет! — загремел старик: с бригадирами, когда речь шла о деле, он не церемонился в выражениях. — Как можно сорвать посевную?! Пусть на себя пеняют те, кому захочется в холодке отлежаться! На былые заслуги не посмотрю.

— Надо поддержать требовательность товарища председателя, — сказал Ширзад. — Еще есть время исправить ошибки.

Дорожа поддержкой парторга, Рустам бодро добавил:

— И больше никаких ошибок. На трудодень мы должны выдать вдвое больше, чем в прошлом году.

— И народ вам спасибо скажет!

— Правильно! — подхватил бригадир седьмой бригады Махмуд.

— Надо работать, а не отделываться обещаниями. Гусейн и Гасан, похоже, хотят повязки нам надеть на глаза, — сказал Ширзад, — и правлению колхоза тоже уместно бы вспомнить о своей ответственности за посевную.

— При чем тут правление? — сморщился Рустам. — Правление правлением, а бригады бригадами!

— Нет, успех дела зависит прежде всего от самого правления, — возразил Ширзад.

Салман решил, что теперь пришло время вмешаться.

— А я повторяю, что Ширзад сгущает краски. Что-то он всех критикует, а про свою бригаду помалкивает. А ведь у него тоже есть бригада, и не маленькая.

Рустам поблагодарил его взглядом.

— А в самом деле, ты бы о своей бригаде сказал. Получается, что ты один без недостатков! Что за диковина? — Ширзад хотел ответить, но председатель остановил. — Хватит, хватит, не устраивайте здесь базара! Берите блокноты и пишете!

И стал диктовать каждому сроки окончания весенних работ.

Когда бригады ушли, председатель подписал срочные бумаги, подsunутые Салманом, запер стол и шкаф, выбил пепел из трубки, — все это он делал через силу, страдальчески морщась, всем своим видом показывая, что нелегка председательская доля.

— Восхищаюсь вами, дядюшка. Восхищаюсь и боготворю, — дрожащим голосом сказал Салман. — Ни одного надежного человека. А на Ширзаде вы еще обожжетесь, честное слово! Личность темная...

— Ну-ну, видали мы всяких! — У Рустама теперь отлегло от сердца.

Зазвонил телефон. Рустама вызывали из райкома партии.

— Дорогие товарищи! — тоном вконец измученного человека сказал он. — Тетушка Телли вас вводит в заблуждение. Нет, я не хочу сказать, что она лентяйка или уваливает от работы. Но это демагог, неисправимый демагог. Всех заставлял!

Увлеченный разговором, Рустам не заметил, как вошла в комнату Телли.

— Сам ты демагог! — вдруг вскричала она. — Не хочешь давать грузовик — не давай, но не клеветай!

«И откуда ее нелегкая принесла?» — подумал Рустам, крепко зажав ладонью телефонную трубку, чтобы крик Телли не был услышан в райкоме.

— Слушаюсь, слушаюсь, дам, непременно дам! — бросил он в трубку, повесил ее на рычажок и повернулся к Телли.

— Оставь нас в покое! Потом зайдешь.

— Как назвать мужчину, нарушившего обещание? Жду три месяца! Дом развалился!

Из-за спины Рустама выступил невозмутимый Салман.

— Тетушка, успокойся, ведь сама слышала, — сказал: «Дам грузовик!»

— Не пляши, как цыганка, всем надоела, опозорилась перед людьми, — пробасил Рустам.

— Ты сам себя опозорил! Когда говорил с секретарем райкома, так мяукал по-кошачьи, а теперь опять превратился в волка! Все равно напишу, напишу в Бану! — не унималась тетушка.

— После сева получишь машину. Не раньше! — решительно сказал председатель и вышел из кабинета.

10

Салман советовал Ярмамеду почаще встречаться с Ширзадом, запоминать каждое его слово. «Это твой единственный шанс на спасение!» — поучал он счетовода.

Ярмамед терпеливо сносил насмешки Ширзада и Наджафа, после каждой встречи с ними бежал к Салману, докладывал о всем услышанном и получал в награду рюмку коньяку из рук Назназ.

Наконец Салман решил, что срок настал, тянуть дольше нечего, и повел Ярмамеду к председателю. Счетовод упирался, дрожал всем телом, молил и Салмана и господ бога о милосердии. Хорошо, хоть на ночных улицах никто навстречу не попался, не спросил, куда идут дружки-приятели. Ярмамеду хотелось незаметно юркнуть в калитку дома Рустама, но волкодав, издавна учуяв гостей, отрывисто залаял.

— По-барски огрызается. Высокомерно. Глотка луженая, как у председателя, — сказал Салман.

У Ярмамеду душа ушла в пятки.

— Ш-шш!.. Как можно!

— Правду говорят, что хозяин всегда добрее своего слуги, — усмехнулся Салман и толкнул заскрипевшую калитку.

На веранде открылась дверь, острый луч рассек темноту, и голос Гараша спросил:

— Кто там?

— Это мы. Отец дома? — И, толкнув локтем под ребра Ярмамеду, Салман дал последнее указание: — Поддакивай, но сам не начинай. Испортишь всю музыку своим козлиным блеянием.

На веранде появился Рустам, в гимнастерке без пояса, в мягких шлепанцах: то ли спал, то ли благодумствовал за вечерним чаем.

— К добру ли? Заходите.

— Всего на часок, не дольше, есть необходимость, дядюшка, в серьезной беседе, иначе не осмелились бы нарушить покой вашей хранимой богом семьи, — говорил Салман, поднимаясь по ступенькам. А поздоровавшись с хозяином, шепнул: — Может, ко мне пойдем?

— Как будто мой дом вполне годится для серьезных разговоров, — пошутил Рустам.

— Мы опасались, что помешаем молодежи. Может быть...

— В одном колхозе посеяли «может быть», но ничего не выросло! — рассмеялся Рустам. — Проходите.

— Назназ вернулась из Баку, привезла кое-что... посидим, потолкуем, — соблазнял хозяина шепотком Салман, но тот и слушать не захотел — подтолкнул гостей в столовую, попросил сына принести чаю и, положив локти на стол, не выпуская трубки изо рта, спросил:

— С хорошими ли вестями?

— Никаких новостей нету, — поспешил успокоить хозяина Салман. — Наоборот, речь пойдет о делах давно известных, о посевной...

Бровь Рустама дрогнула, поползла вверх, но Салман не придавал этому значения, — он предвидел, что председателю покажется неприятной вводная часть разговора. И со скромной улыбкой он сказал, что бесспорно Рустаму-киши надоели бесконечные препирательства о весеннем севе, верно, мозоли в ушах выросли, но Салман не намерен повторяться и лишь смиренно предложит Рустаму-киши на выбор некоторые конкретные проекты.

Ярмамед при каждом его слове согласно кивал, вытягивал длинную, как у гуся, шею и радовался сообразительности друга: конечно, гораздо выгоднее начать с деловых вопросов, а затем, как бы случайно, поддеть Ширзада.

— После подписания договора с «Красным знаменем», — продолжал свою хитрую речь Салман, — в колхозе все разволновались, только и толкуют о повышении урожайности. А урожайность, сами знаете, великое дело в колхозном производстве...

— Не читай мне шарията, сам грамотный, — буркнул Рустам-киши.

Салман нисколько не обиделся и ровным, бесцветным голосом заметил, что он не мулла и шарията не читает, а лишь осмеливается обратить внимание высокочтимого председателя на то, что вместо ста гектаров хлопчатника квадратно-гнездовым способом можно еще успеть посеять двести, что шестьдесят гектаров кукурузы для такого мощного колхоза, как «Новая жизнь», до смешного мало, тут план можно увеличить вдвое за счет залежей, что степные травы год от году гибнут, а построить бы еще силосные ямы, — тогда и силоса прибавится.

Вошел Гараш с подносом, поставил три стакана чая, вазочку с сахаром.

— Но вы, дядюшка, не думайте, что я на чем-то настаиваю, упаси боже! — спохватился Салман, поглядывая на Гараша и мучительно соображая, как бы спроводить его из комнаты. — А то ведь опять упрекнете: за шарият взялся... Да, собственно, чего я на словах расписываю, вот тут все сказано.

И он протянул Рустаму напечатанный на машинке план со множеством цифр, выкладок, подсчетов; в конце бумаги красовалась подпись: «Председатель колхоза...»

— Подмахни, распишись, и дело с концом! Тогда Ширзад не заикнется, что мы не исполь-

зовали всех резервов, — добавил Салман и, откинувшись к стене, победоносно поглядел на Рустама.

Предложения Салмана казались Рустаму заманчивыми. «И от дурака услышишь иногда умное слово», — подумал он. В самом деле, нынче все только об этом и говорят! А решения пленумов Центрального Комитета партии, ведь они буквально всколыхнули народ... Если так, а это именно так, то председателю колхоза неплохо бы выступить на общем собрании с предложениями, которые народ встретит с энтузиазмом.

— Дельные мысли... — Рустам покрутил кончики усов и погрузился в чтение.

Гараш, поставив чай, не ушел, как хотелось Салману, а прилег на тахту и внимательно слушал разговор. От него не ускользнуло, что гости непрерывно переглядываются, подмигивают друг другу.

Воспользовавшись минутным молчанием, Ярмамед, перекачивая во рту кусочек сахара, начал:

— Милосердный и справедливый дядюшка, вчера эти презренные демагоги, этот Ширзад со своим подручным толстым Наджафом пристали ко мне с ножом к горлу: покажи конторские книги, хотим знать, как обстоит дело с неделимым фондом, с деньгами...

— Ты показал? — Громовые раскаты председательского баса заставили Ярмамеда скрючиться в три погибели.

— Как можно! Без вашего разрешения? Да я б скорее умер... Они кричали, угрожали мне, но я был непоколебим. Ширзад заявил, что в колхозе нет демократии, нет коллективного руководства, Рустам превратился в самодержца, а правление у него на побегушках!.. А еще сказал... Даже вымолвить страшно. О тех самых ста гектарах! Ну, все же видели, что семена не взошли, а Ширзад, этот богоотступник, опустил до самой грязной клеветы: зерно, говорит разворовано... Кем? Гусейном и председателем!

Ярмамед дрожал и то чуть слышно шептал, то взвизгивал.

— Зерно украдено?! — Рустам схватился за сердце, побледнел так, что сын в испуге бросился к нему со стаканом воды. — Теперь-то я знаю, кто бомбит райком анонимными доносами! — оттолкнув руку Гараша, продолжал он. — И в МТС ведь о том же самом... Как раз теми же словами!

— Анонимный донос? — Салман подсел поближе к хозяину. — А почерк чей? Я понимаю, что измененный: только сумасшедший станет строчить доносы своим почерком... Вот неблагоприятные! После этого доверяй людям!

Он даже плюнул в знак отвращения.

— Врага я еще могу уважать, он сражается открыто. А ведь эти доносчики как кроты прячутся, — пожаловался Рустам. — Ну, напиши в заявлении свое имя, имя отца наконец. Так нет,

анонимка!.. Уж на что эта тетушка Телли перепортила мне батман крови, а все-таки она послала письмо в райком от своего имени. И за это я ее уважаю. Салман, завтра же на весь день дать грузовик тетушке! — приказал председатель.

Салман и Ярмамед просидели у председателя чуть не до первых петухов; трижды Гараш наполнял стаканы чаем. Он с похвальной покорностью выполнял нелестную для мужчины роль хозяйки, но в беседу не вступал, как ни старался Салман втянуть его в разговор.

Наконец гости, рассыпаясь в благодарностях, пожелав всяческих благ дому, отправились во свояси; залаял волкодав, стукнула калитка.

Рустам с лампой в руке вернулся в столовую.

— Что не ложишься, сынок? — ласково спросил он Гараша.

— Не нравятся мне эти люди. Зря ты пускаешь их в дом, — упрекнул отца Гараш.

Рустам снисходительно усмехнулся.

— Что ты говоришь? Да это моя опора. Они преданы мне безраздельно... Не видишь, что ли, как твой дружок Ширзад подкапывается под меня? — Гараш хотел возразить, но отец остановил: — Обо мне можешь не беспокоиться, уж я-то знаю, какая птица из какого гнезда вылетела... Лампа нужна?

— Да, почитаю немного.

— Спокойной ночи.

Отец поставил лампу на стул около тахты и прошел в спальню. Он устал и был взволнован, но боялся, что сразу не удастся уснуть, придется долго ворочаться в кровати, размышляя о вероломном Ширзаде.

В спальне его поджидала Сакина, — то ли не заснула еще, то ли проснулась от громких разговоров за перегородкой.

— Вот уж гости так гости, — сказала она. — Не от них ли сладкие сны мои отравлены горечью...

Рустам хотел прикрикнуть на нее: «Не суйся в чужие дела!» — но вспомнил, что поблизости Гараш, пожалуй, снова вступит в спор. Однако и смолчать не смог.

— Что, не спится? Ну, объясни, какая горечь отравляет твои сны?

— Не только сны — всю жизнь отравляют твои помощники — кривоногая цапля Ярмамед и гробокопатель Салман. Не люди, а какие-то злые духи!

— Помолись, женушка, помолись, вот дьявол-то и скроется от тебя, — ответил Рустам и стал раздеваться.

— Не знаю, дьявол ли вселился в наш дом, а от людей, темной ночью крадущихся к тебе, добра не жди... Полетишь ты вниз головой вместе с Салманом и Ярмамедом!

— Ну, если в пропасть полечу, то за твой подол хвататься не стану. — Муж громко, протяжно зевнул.

В последние дни Сакина не раз замечала, что муж разговаривал с нею грубо, насмешливо, и ей было обидно, что вместе с уходящей молодостью из их семьи исчезает мир и согласие. Неужели прошла любовь, заменилась привычками, обязанностями, ссорами? Старухи говорили когда-то, что можно и без любви жить. И, смахнув навернувшуюся слезу, Сакина сказала:

— Если ты будешь падать, так я рук от тебя не оторву! Но зачем же самому разрушать свой дом? Если тебе в жизни нужна опора, за скалу хватайся, а не за сухую глину.

— Это кого же ты называешь скалою?

— Сам понимаешь кого, — народ! Я тебе все сказала. Об остальном сам подумай. Запомни только, что дети не с тобою, а против тебя.

Рустаму стало жаль жену, и он упрекнул себя за то, что не промолчал. В детстве он часто слушал, как старик сосед, хитро щуря глаза, объяснял, почему ни разу не поссорился с женою: «Как заведет перебранку, я ей: «Упокой, господи, праведного отца твоего, ты права!» А на деле поступаю по-своему». Воспоминание о мудром старике развеселило Рустама, и, накрываясь одеялом, он сказал:

— Упокой, господи, праведного отца твоего, а ты, женушка, как всегда, права...

Вскоре он захрапел, а Сакина сидела у постели и плакала, размышляя о том, как бы вернуть мужа на прежнюю стезю, уберечь его от несчастия. Хватит ли у нее сил?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Проснувшись, Гараш посмотрел на лежавшую рядом Майю и подумал, что он самый счастливый человек на свете. Жена дышала ровно, почти неслышно, белое лицо ее было безмятежно ясным, нежные розовые руки спокойно лежали поверх одеяла...

Священна озаренная сиянием чистой любви женщина! Она прекрасна, и не только потому, что родилась красавицей, а потому, что, любясь ею, слыша ее дыхание, ты ощущаешь желание быть великодушным и успокаивать плачущего, и протянуть руку помощи упавшему, и приносить людям добро, и сажать в степи деревья, и добывать воду в пустыне, и прокладывать дороги в горах, и строить новые города! С скромная, привычная тебе комнатка родного дома в тот утренний час, когда ты безмолвно любишься любимой, превращается в дивный лес, наполненный песнями вольных птиц, и ароматом цветов, и шумом родников, низвергающихся с вершин...

Боясь нарушить спокойный сон жены, Гараш лежал не шевелясь, смотрел то на потолок, то на

трехстворчатое, уже позолоченное зарей окно, то снова и снова на Майю.

Вчера она утомилась, день выдался хлопотливый, и едва легла, сразу же задремала, положив голову на широкую волосатую грудь мужа.

А вечер они провели славно, в семейном кругу. Рустам вернулся из райкома с какого-то совещания в прекрасном настроении. Когда он бывал расстроен или уязвлен, — словно суховей, вздымал пыль вокруг себя, глаза так и метали молнии. Но если дела шли хорошо, начальство одобряло все его начинания, то и дома Рустам-киши, казалось, звенел, как хорошо настроенный тар¹, откликающийся на легкое дуновение ветра.

Так и вчера, едва поднявшись на веранду, Рустам весело сказал:

— Жenuшка, благоухание твоей кюфты² мертвого разбудит! Мечи на стол угощения.

Довольная Сакина подмигнула детям:

— В хорошем настроении прибыл... Теперь пуд соли подбавь в кюфту, все равно расхвалит, да еще попросит вторую тарелку.

После отменно вкусного обеда Рустам долго сидел у самовара, мирно беседовал с домашними. Слушая его, и Майя разговорилась, рассказала о том, как училась в институте, как познакомилась с Гарашем... Хозяин казался спокойным, словно река, вернувшаяся в свои берега после половодья. Забыв о трубке и кисете, что всегда было хорошим признаком, наполняя стакан за стаканом, он в этот вечер говорил и о событиях международной жизни, и о колхозных делах, вспоминал детство Першан и сына... Когда над «Слиянием вод» загорелись звезды, Сакина пожалела молодежь: пока не встал Рустам, никто не мог выйти из-за стола — это было бы нарушением семейных правил. Только Першан не признавала этих порядков, то выбегала на веранду, то глядела в окно, то шепталась с Майей.

— Ай, киши, ты бы хоть на завтра что-нибудь оставил! — сказала Сакина, приподнимая заметно полегчавший самовар.

— Справедливы твои слова, жена, — засмеялся хозяин. — Пора и честь знать! — И поднялся, пожелав всем спокойной ночи.

«Вот так бы всегда было, — думала Майя, входя в свою комнату. — Ничего нет лучше дружной семьи!..»

Гараш прикрыл дверь, прикрутил лампу и со страстным нетерпением посмотрел на жену.

— Холодно! — шепнула Майя, натягивая одеяло.

— Сейчас согреешься! — тоже шепотом сказал Гараш и потушил лампу.

В комнате стало темно, и они не заметили, как уснули, а когда петух захлопал крыльями и завел свою предрассветную песню, Гараш про-

снулся. Было очень рано. Он зажег свечу, стоявшую на подзеркальнике, посмотрел на часы: начало пятого. Откликнулись, завели перекличку петухи в соседних дворах, а через минуту затихли: чего в самом деле стараться-то — в шесть радио заговорит, разбудит всех, кому надо поутру трудиться... И сонная тишина снова опустилась на Муганскую степь...

Майя улыбнулась во сне, то ли почувствовала нежный взгляд мужа, то ли поблагодарила его за внимание, когда он натянул на ее плечи розовое одеяло. Она улыбалась, приоткрыла нежно-вишневые губы, но сон, будто тончайшая тюлевая завеса, окутывал ее.

На ум Гарашу пришла странная и страшная мысль: вдруг сон — тень смерти, предвестник смерти, и эта тень уже коснулась чела Майи... Мысль была кошунственной, дикой, и потрясенный ею Гараш прижался к Майе, осторожно положил ее голову с перепутавшимися косами на свою руку, и она, не просыпаясь, прильнула к нему.

Грудь Майи равномерно поднималась и опускалась, Гараш слышал в глубокой тишине биение ее сердца, и не было в мире музыки прекраснее этого тихого монотонного стука.

А за стеною, в родительской спальне, слышался могучий храп отца, глубокие вздохи матери. Раньше в доме Рустамовых с наступлением ночи воцарялась полная тишина, а теперь, видно, стареть начали родители. Гарашу до сих пор не приходило в голову, что жизнь, отбирая молодость, приносит отцу и матери беспокойный, тяжелый сон, постепенное угасание, недуги.

Впервые задумавшись над этим, Гараш понял, что непростительно быстро свыкся со своим счастьем, стал считать любовь Майи вполне естественным, чуть ли не будничным чувством.

В комнате посветлело, и когда он пристально посмотрел на жену, то уловил отчетливое сходство Майи со своей матерью. А Сакина была для Гараша все годы идеалом женской красоты, душевного величия.

Жена вздохнула, открыла глаза, коснулась пальцами его волос, спросила:

— Счастлив?

— Да!.. — не ответил, а выдохнул, а может, успел только подумать Гараш, но Майя поняла.

— В сказках говорится, что цветы, камни, птицы умеют говорить, но не каждому дано их услышать, — сказал Гараш. — А сейчас я не спал, и вся земля, вся Мугань мне говорила: любуйся женою, она — прекрасна!

— А почему ты ни о чем не спрашиваешь меня? Уверен, что жена такого игита обязана быть счастливой? — улыбаясь, спросила Майя.

— Нет, так я не думаю, — серьезно ответил Гараш. — Но иногда мне бывает страшно. Боюсь чего-то! Уж больно мы с тобою счастливы!

¹ Тар — музыкальный инструмент.

² Кюфта — суп из баранины.

Он вспомнил, что знает немало семей, где жизнь начиналась по-хорошему, супруги были нежны, заботливы, а потом шли попреки, ссоры и скучное молчание, а иногда кончалось разводом.

— Я тоже чего-то боюсь, — задумчиво сказала Майя. — С самого начала боялась. Чего боялась? Даже и объяснить всего нельзя. Боялась, что тебе не пара: ты крепкий, сильный, порой грубый, а я слаба... Помнишь, как мы первый раз пошли в Приморский парк? У меня в руке была лилия. Но не ты подарил мне этот цветок!.. — И она вздохнула. — Розу называют королевой цветов. Да, она красива, но едва ее сорвешь, как аромат начинает гаснуть, улечиваться. А сорванная лилия пахнет все сильнее, крепче, — только воды не забывая подливать в вазу. И когда ты заговорил о женитьбе, мне захотелось, чтобы наша будущая жизнь была похожа на этот цветок... Мы часто встречались, и я полюбила тебя, и все ждала, что ты мне подаришь лилию. А ты не дарил мне цветов... Может быть, эта мечта и глупая, наивная, но все-таки я мечтала о букете лилий... Приходя на свидание, я каждый раз давала себе слово попрощаться, расстаться с тобой, хотела сказать, что тебе нужна жена по-сильнее характером, закаленная и муганским зноем и муганскими бурями... Я думала, что тебя привлекают мои городские наряды, ну, и... внешность тоже, то, что я не похожа на деревенских девушек, и пока еще не привык, ты стремишься ко мне. А проживем немного вместе, станешь скучать, и то, что вчера было новым, желанным, окажется просто ненужным. Вот чего я боялась, милый!.. Не знаю, хорошая ли у тебя жена, но во всяком случае, как видишь, открытая.

— Как тебе такое в голову пришло? — с упреком сказал Гараш.

— Не сердись! — И Майя положила палец на его губы. — Я же вышла за тебя! Значит, все это были обычные девичьи страхи!

— Зачем же ты об этом заговорила?

— А затем, что теперь мы можем потолковать об этом спокойно. Кроме любви, страсти, буйной молодой крови, есть еще семья, и семья останется и тогда, когда кровь поостынет и страсть уляжется...

— Ничего не понимаю.

— Сейчас поймешь... Плохо, что у тебя нет образования, Гараш... Школа механизаторов — это не образование, а специальность. Ты скажешь, что дипломы к семейному счастью не имеют отношения. Да, пока не имеют, а потом...

— Значит, раньше ты боялась, что мне станет скучно с тобой, а теперь, что сама затоскуешь?

Майя задумалась, продолжая гладить его волнистые волосы, скользнула ладонью по твердой, как яблоко, щеке.

— Нет, сейчас я уже ничего не боюсь. Будь

только всегда таким... Таким же добрым, мягким... Я не вынесу грубых слов, грубого отношения, холодного взгляда...

Снова по всему селу затрубили утреннюю зорю петухи, первый луч солнца окрасил верхние стекла в окне.

— Вставай, сейчас наши поднимутся.

Гараш удержал жену:

— Рано еще, полежи... Почему же ты не спрашиваешь, чего я боюсь? Ну, не боюсь, так сомневаюсь. Или решила, что я из гордости не признаюсь в своих сомнениях?

— Сомневаться — не значит быть слабым. Не сомневаются только невежды, — сказала Майя. — Дай волю невежде, он все превратит в руины: и счастье, и семью, и благополучие. Натворит такое, что Ага-Мохаммеду¹ не снилось!

Гараш не знал, кто такой Ага-Мохаммед, но спросить жену не рискнул. Сама того не желая, Майя больно уколола его.

Майя спрыгнула с кровати, посмотрела на часы, заглянула в зеркало, поправила волосы и, ежась от холода в нетопленной комнате, нырнула под одеяло.

— Ох, какая у нас горячая постель!

— Тебе нравится?

— Еще бы!

— А почему-то в детстве, когда я просил у мамы второе одеяло, она мне отвечала: «Сынок, одеялами-то не согреешься, — дыхание нужно!» А вот чье дыхание нужно, не объяснила. Ты не знаешь, чьим дыханием согрета наша постель?

— Откуда мне знать, — пожала плечами Майя, но не выдержала, рассмеялась. — Ох, как мне нравится твоя мама!..

Гараш поцеловал ее.

— Больше всего я боялся, что вы не сойдетесь. Спасибо, что с первой же встречи оценила мою маму. Ведь так часто невестки и свекрови ссорятся!

— Если ты только этого боялся, то могу успокоить: свою свекровь я сразу полюбила. — Гараш молчал. — Ну, остался еще в твоем сердце страх? Что тебя пугает?

— Ты уже сказала: мы неровня. — Ему было не легко произнести эти слова. — У нас в селе аттестат зрелости есть у любого молокососа, и я, взрослый парень, женатый человек, знаю не больше такого сосунка... — Он хотел добавить, что через год-два Майя повстречается с учителем, или врачом, или инженером — и все переменится: она уйдет от Гараша и будет со стыдом вспоминать, что жила с каким-то неотесанным деревенским механизатором.

Майя поняла, и ей стало жаль мужа, но она не раскаивалась, что начала разговор. Лучше

¹ Ага-Мохаммед — кровавый деспот. шах Ирана в 1794—1797 гг.

сейчас, пока они так бережно относятся друг к другу, обо всем серьезно потолковать. Она рассказала Гарашу про свою подругу, девушку образованную, красавицу, которая предпочла всем своим поклонникам шофера. Живет с ним прекрасно, дочку растит, муж учится на заочном отделении университета. Значит, начинать жизнь неровнями можно. Плохо, когда муж и жена остаются на всю жизнь неровнями, постепенно делаются чужими друг другу.

Хотя слова жены показались Гарашу разумными, он угрюмо сказал:

— Способный, наверно, парень. Такие не долго в шоферах засиживаются...

— Знаю я его. Сообразительности хватит тебе на руки воды полить, — усмехнулась Майя. — Ты куда скорее расправишь крылья.

— Да ведь несколько лет нужно, чтобы образование получить, — уныло заметил Гараш.

— Нам с тобою теперь торопиться некуда, — мягко, но настойчиво, словно заупрямившегося сына, уговаривала Майя. — Разве ты не лучший тракторист района? Сам Шарафоглу говорил, а он, по-моему, словами не бросается. Как тебя колхозники-то прозвали? «Лекарь машин»!.. Народ зря такое прозвище не даст, поверь.

— Да я верю, и... и мне приятно, что ты не разочаровалась во мне, — мялся Гараш, чувствуя, что вспахать гектаров двадцать подряд в самый жаркий день легче, чем вести такой разговор. — А помнишь, как я тебе рассказывал о своем проекте строительства МТС? Ведь одним словом ты меня уничтожила, высмеяла, показала, что берусь не за свое дело.

Майя громко рассмеялась.

— Милый, клянусь, я люблю тебя все сильнее! Чистая у тебя душа, а это самое главное. Остальное приложится... Знаешь, что в тебе мне больше всего понравилось? Молчаливость. Ты не пытался показаться лучше, чем есть, не кружил мне голову лживыми словами. Видишь, твой недостаток принес тебе же пользу. Ну, теперь у тебя в сердце не осталось страха?

Гараш смущенно улыбнулся.

— Отец всегда говорит, что нестиранное платье преет от пота, а душа человеческая — от невысказанных слов. Пусть же в моей душе не останется таких слов.

И вдруг в нем проснулась гордость мужчины, гордость, воспитанная поколениями, освященная преданиями и обычаями, и Гараш с деланным смехом закончил:

— Да ничего я не боюсь, шучу все, вставать пора!..

Но жена ему попалась чуткая, понимающая все с полуслова. И, сжав его щеки ладонями, заглянув в глаза, Майя сказала:

— Ах, Отелло, Отелло!

— А что это такое? — вырвалось у Гараша.

— Отелло — герой трагедии Шекспира, на

азербайджанский язык ее перевел Джафар Джабарлы. У меня есть эта книга, почитаем как-нибудь вслух вечером, у самовара, — спокойно отбетила Майя. А про себя подумала, что муж, как видно, кроме машин, ничем не интересуется, но надо относиться к нему терпеливо, щадя его самолюбие.

— Если Джабарлы перевел, значит здорово! — скрывая свое смущение, сказал Гараш. — Раз десять я видел и «Севиль» и «Алмаз»!

«И то хорошо», — подумала Майя, садясь на кровати и решительно сбрасывая одеяло.

А «Слияние вод» уже ослепительно сверкало, отражая утреннее солнце, и с каждой минутой все радостнее и светлее становилось в Муганской степи.

2

Майя занималась водным хозяйством «Новой жизни» и двух соседних колхозов.

В районном управлении полушутя-полусерьезно ей сказали: «Мы не допустим семейных неурядиц, будете не遠далеке от своего гнезда!» Майя почувствовала себя легко среди новых товарищей, молодых инженеров. Они держались просто, по-товарищески внимательно, и Майя была благодарна им за это. Правда, ее слегка задело, что никто не спросил о муже, а уж Гараша, сына Рустама-киши, они все знали...

Майе передали вороха инструкций и указаний о ремонте и очистке арынов и каналов, о водном режиме, о борьбе с солончаками. На этом все руководство ее деятельностью кончилось. «Придется почаще советоваться с Рустамом-киши», — решила она.

Однажды в весенний теплый день Майя пешком возвращалась домой. С нею шел инженер Кафароглу, человек средних лет, добродушный, чуть-чуть с ленцой. Всю дорогу он жаловался:

— Главная беда, что колхозы требуют воду, на каждом совещании в районе шумят и кричат: «Воды, воды!» — а с водою обращаться не умеют. И ведь не хотят учиться, вот что хуже всего! Да, собственно, чего я объясняю, — дай бог тебе здоровья, сама увидишь.

А Майя любовалась бескрайней серо-желтой степью, недавно вспаханной бархатисто-черными делянками, широкими каналами, уходившими далеко-далеко, деревьями с набухшими почками и представляла, как все это будет прекрасно через неделю, когда брызнут зелены, лопнут почки, клейкая листва облепит ветки...

Выйдя на проезжую дорогу, обсаженную высокими кустарниками, Майя остановилась. Она знала, что инженеру дальше не по пути с ней.

— Я вас провожу, — сказал тот. — Взгляните-на, арыки, кусты кругом, вдруг волк выскочит...

— Что мне сделает волк? — Майя беспечно рассмеялась. — Схвачу камень да и швырну ему в морду.

— Ну, не скажите... — инженер относился к Майе покровительственно. — Я о двуногих говорю. С четвероногими-то справиться нетрудно.

У Майи был решительный характер.

— Нет, нет, ни за что не соглашусь, вы устали, идите домой.

Инженер колебался: Майя могла ошибочно истолковать его настойчивость, но и отпускать неопытную, не привыкшую к Мугани девушку тоже рискованно. Путь дальний...

Неожиданно в кустарниках показался всадник. Когда статный, с желтой грудью и серой полоской на лбу конь легко перепрыгнул через канаву, Майя узнала Салмана, ловко сидевшего в седле.

Увидев Майю с посторонним мужчиной, Салман остановил коня, прыгнул на землю. На нем была солдатская шинель, через плечо висело охотничье ружье.

Протянув Майе руку, Салман расплылся в приветливой улыбке.

— Невестушка, в Муганскую степь войти легко, а выбраться ох-ох трудно!.. Погоди, когда созреет хлопок, ты так здесь освоишься, что всю Мугань приберешь к рукам! Узнаешь каждый уголок, от «Слияния вод» до любой протоки.

— Посади-ка ее на коня, отвези домой, — сказал инженер, который немного знал Салмана, и, пожелав Майе здоровья, пошел своей тропой.

Майя с детства любила верховых лошадей. Во время праздничных демонстраций она всегда любовалась возвращавшейся с парада конницей, наблюдая, как грациозно переступают по асфальту точеными ногами красивые, выхоленные лошади. Прокатиться верхом — до чего хорошо!.. И как удачно получилось, что она надела шерстяной лыжный костюм и легкое голубое пальто.

— Невестушка, косынку-то завяжи потуже, поедом — почувствуешь, какой свежий ветер, — сказал Салман, помогая Майе взобраться на лошадь.

От ходьбы Майя покраснелась, шелковая голубая косынка, словно старинный тюрбан, охватывала ее пышные косы, — Салман жадным взглядом скользнул по ее красивым плечам.

Он, будто птица, с ловкостью, не вязавшейся с его плоской, некрасивой фигурой, взлетел в седло.

Лошадь резко тронулась с места, свернула было с дороги в кустарник, но Салман воротил ее на обочину, где меньше грязи, отпустил поводья, и студеной ветерок ударил Майе в лицо... Вдруг ей захотелось помахать на прощанье рукой инженеру, поблагодарить его за внимание, она резко повернулась, но пошатнулась, и тотчас Салман обнял за талию, крепко прижал к себе.

— Осторожнее, осторожнее, ханум, — вполголоса сказал он. — Падать с лошади не так-то приятно. Нравится тебе такая прогулка?

— О, с детства мечтала!

— Счастлив, что твоя мечта осуществилась с моей помощью, — учтиво сказал Салман.

Он вкрадчиво ворковал о чем-то, но Майя не слушала, — так ей нравилась быстрая скачка; ветер свистел в ушах, влажный степной воздух опьянял, как молодое вино.

А могучий конь летел галопом, будто не чувствуя тяжести двух всадников.

Внезапно пошел мелкий дождь, даже не дождь, а легкая изморось, водяная пыль завихрилась, покрыла траву, деревья, землю крошечными серебристыми бусинками. На волосах, на бровях и даже на ресницах Майи повисли сверкающие капельки.

— Тебе не холодно, ханум? Может, шинель накинуть?

— Нет, мне хорошо.

Салман показал на сверкавшее от мелких капель, будто сказочное, дерево у дороги.

— Посмотри, как красиво! Ни роса, ни дождь, — только в Мугани бывает такая светлая весенняя изморось.

— Никогда не видала такого чуда, — призналась Майя. — Вот как счастливо, что мы встретились!

— И я счастлив! — прошептал Салман. — Едва издали я увидел тебя, как в груди моей вспыхнула лучезарная радость... Моя покойная мать не раз говорила: «Сынок, счастье ищи на дороге. Встретится белолицая невысокая полная женщина — продолжай спокойно путь, удача сопутствует тебе. Если ж наткнешься на загорелую худую старуху, тотчас возвращайся обратно: горя хлебнешь!..» Не упрекай, ханум, что я тоже влюблен немножечко в такие старинные приметы: от матери и отца перешло. Кажется, ты тоже любишь народные изречения?

— С чего вы взяли?

— Вижу. Эх, ханум, вы, горожане, думаете, что в деревнях-то живут первобытные дикари! Вам и в голову не приходит, что каракулевые папахи украшают героев, храбростью превосходящих львов! Мы тоже любимся звездами в небесах и чистыми, словно звезды, очами красавицы. Не только куропаток, прячущихся под кустами, ищем, но и райские цветы. И в нас бьется сердце, полное любви и обожания.

Салман говорил гладко, с напускным волнением, как примерный ученик, выучивший наизубок стихотворение, а Майя, не придавая его словам никакого значения, думала, что бухгалтер, видно, любит почесать язык, но в общем-то человек сердечный, приветливый.

Лошадь чего-то испугалась, всхрапнула, метнулась в сторону и помчалась, закусив удила, по извилистой, исчезающей в кустарнике тропинке.

Майя невольно прижалась всем телом к Салману.

— Что случилось?

— Волк где-то близко, в зарослях, — со спокойствием бывалого муганца ответил Салман. — У моего красавчика нюх борзой собаки. Чуток, как дикий гусь. На весь мир не променяю такого скакуна!

А конь вынес их из густого камыша, перепрыгнул через арык, и Майя увидела огромную отару ягнят.

Ягнята разных мастей — желтые, серые, каштановые — разбрелись по степи, то сбивались в кучу, то расходились, то ложились, похожие на сугробы грязного снега.

Пастух в белой барашковой шапке, в накинутой на плечи шубе, медленно шел посреди отары, насвистывая, размахивая длинной палкой.

— Ах, негодная, подкралась! А я-то думал, волк! — воскликнул Салман и сбросил с плеча двустволку. — Теперь держись, — велел он Майе; раздался гулкий выстрел, конь заплесал, испуганные ягнята метнулись к пастуху, ища защиты.

Взрывая копытами сырую землю, расшвыривая комья грязи, лошадь понеслась прямо в заросли, и Майя еще крепче уцепилась за Салмана, чтобы не слететь с лошади.

— Держись, ханум! — кричал он во все горло. — Вот она, проклятая, не ушла!

Истекая кровью, большая рыжая лисица била хвостом, царапала когтями землю, хрипела и ползла в кусты, все еще надеясь спастись, а когда лошадь ударила ее копытом, в предсмертной тоске хищница укусила свою лапу.

— Какая тяжелая смерть! — вздохнула Майя, глядя, как извивался в последних судорогах зверь.

— Ишь как ловко подкралась! — говорил, тяжело дыша, Салман. — Минутка еще — и ушла бы... Ладно, я помогу ей окопаться...

И направил упиравшегося коня на лисицу; копыта с хрустом пригвоздили ее к земле; всхрапнув, высоко задрав хвост, лошадь выпрыгнула из кустарника, словно ей самой было омерзительно давить беспомощное животное.

— Что вы сделали! стыдно! — сказала Майя.

— Что поделаешь, — засмеялся Салман. — Еще ни одна моя пуля не пропадала зря. Лошадь шарахнулась, вот и попал не в голову, а в живот.

Подбежал пастух, схватил за хвост лисицу, потащил ее, пятная кровью траву, а Салман начал хвастливо рассказывать ему, как издалека приметил рыжую и подбил метким выстрелом.

8

Майя ехала молча. Ее поразило, с какой холодной жестокостью Салман прикончил раненую лисицу, а тот, заметив, как замкнулась Майя, пытался оправдаться.

— В прошлом году возвращался из Сальян, вот так же выскочила из засады лиса, распорол живот ягненку. Кто хоть раз это видел, — лисицу

не пожалеет, нет! Своими руками задушит. Я лисиц ненавижу потому, что сердце уж очень доброе, ягнят люблю! — Эти слова так понравились Салману, что он повторил с грустью: — Сердце уж очень доброе, ягнят люблю...

— А почему у пастуха нет собаки?

— У некоторых есть. Обычно волкодавов берут на ййлаги, там волки. Не приведи бог в горах с ними встретиться!

— А у нашего колхоза много баранты? — заинтересовалась Майя.

— Да не так уж мало. А скоро станет еще больше. Рустам-жиши — хозяин мудрый, расчетливый...

Воспользовавшись тем, что увлеченный собственным красноречием Салман опустил поводья, лошадь пошла шагом по извилистой тропке вдоль небольшого озера. Время от времени из камышей взлетали, со свистом рассекая крыльями воздух, дикие утки и гуси. И снова воцарялась тишина, глубокая, словно это степное озеро.

Вдруг лошадь подняла уши, нетерпеливо заржала и пошла крупной рысью, стуча копытами по глинистой, плотно вытопанной тропе.

— Табуны почуяла, — объяснил Салман. — Здесь зимуют наши стада и табуны.

Становище «Новой жизни» было расположено за приозерными камышами. Несколько плетенных из хвороста, обмазанных глиной сараев и хлевов для овец и три палатки стояли на равнине, окруженные горами мусора, золы от костров, овечьего помета. В одном из загонов, огороженных камышовой изгородью, толкались и блеяли новорожденные ягнята. Эта мирная картина пришлась по душе Майе. Между сараев ходили женщины с кожаными наколенниками, обвязав поясицы шальями. Тут же играли грязные, взъерошенные, будто галчата, дети. Завидев всадников, они помчались навстречу. Женщины, вытирая шальями голые до локтей руки, побросали работу и тоже поспешили вслед за ними.

— Давайте отдохнем, я устала, да и посмотреть хочется, как здесь живут, — сказала Майя.

Салман повиновался с заметной неохотой: он уже раскаивался, что не следил за своевольным жеребцом, разрешил ему идти куда вздумается.

У высокой палатки стояла черноглазая девочка лет тринадцати; она так резко отличалась от других детей, что походила на одинокий мак, расцветший в пшенице... Вьющиеся черные волосы рассыпались по плечам, окаймляя заостренное личико с блестящими задорными глазами и крупными яркими губами.

Пока детишки, подталкивая друг друга локтями, перешептывались, рассматривали Майю и Салмана, девочка у палатки стояла неподвижно, закинув голову с надменным видом. За ее юбку цеплялся трехлетний малыш в рваной рубашонке.

Майя направилась к черноглазой девочке. Та отступила на шаг, а ребята, окружив плотным

кольцом Майю, присмирили, ожидая, что будет дальше.

— Здравствуй, черноглазенькая! Как зовут-то?

— Так и зовут: Гарагёз!¹ — смело ответила девочка.

— Подходящее имя. А малыш кем тебе приходится?

— Брат.

Майя вынула носовой платок, хотела вытереть нос мальчугану, но он спрятался за юбку сестры и вдруг прожизительно заплакал.

Из палатки донесся слабый женский голос:

— Кто там? Веди ребенка сюда.

К Майе и Салману подошли чабаны, сопровождаемые двумя огромными псами. Собаки лаяли, пытались броситься на чужих, но строгие окрики чабанов их быстро образумили.

Заведующий фермой чабан Керем, до самых глаз заросший черной бородою, поздоровался с Салманом за руку. Его помощник — юноша с легким пушком над верхней губою — застенчиво взглянул на Майю и отвернулся: видно, застенялся. Салман объяснил, кто такая Майя, — тогда чабаны поклонились, протянули и ей тяжелые грубые руни.

Гарагёз с братом вошли в палатку. Майя последовала за ними. В углу, на старой, каким-то чудом заброшенной сюда тахте, лежала женщина; седеющие волосы рассыпались по ее плечам, на бледном лице проступили темные пятна. Мальчик подбежал к ней и заплакал, прижавшись к впалой груди, а мать гладила его по голове, стараясь успокоить.

— Кто тут живет? — спросила Майя.

— Я, я живу, — ответил чернобородый чабан, подхватывая плачущего сынишку. — Моя семья. Как имя? Керем наше имя. Это наша жена, это наши детки... — И, взяв на руки мальчика, вытер ему глаза. — Не реви, не реви, в нашей семье плакать не полагается!

Неожиданно в дальнем углу палатки раздался слабый писк. Майя вздрогнула. Когда глаза привыкли к полумраку, она разглядела привязанную к шесту люльку. Ребенок закричал еще пронзительнее. Майя подошла, нагнулась и увидела, что в люльке лежали два запеленатых младенца головками в разные стороны: один спал спокойно, а другой, сморщив красное личико, залиvisto, что есть духу визжал.

Майя взяла крикуна на руки, и он тотчас замолчал, стал искать грудь... Гарагёз сунула ему соску, младенец зачмокал и зажмурился.

— Близнецы?

— Да, да, близнецы, — кивнул Керем. — Пять месяцев уже... Это, — он показал на лежавшего у Майи крикуна, — Хури, а это Пери.

Он осторожно взял у Майи ребенка и начал качать. От рубахи, от брюк и даже от бороды

Керема пахло бараньим салом и собачьей шерстью. Майе чабан нравился: степенный, рассудительный, сразу видно — добродушный.

Хотя в палатке было чисто, но и больная женщина, прикрытая залатанным одеялом, и люлька с близнецами, и полумрак вызывали такое ощущение заброшенности, что у Майи болезненно сжалось сердце. Ей было стыдно, что на ней нарядное голубое пальто и шелковая косынка, что ногти ее покрыты ярко-красным лаком: так неуместно было все это в палатке чабана. «Неужели они всю зиму здесь жили?» — подумала она.

— Домой бы пора, скоро солнце сядет, — громко сказал Салман, недовольный, что завез сюда Майю.

— Спешить некуда, успеем, — холодно ответила Майя, подошла к больной, села рядом с ней и ласково спросила: — Что с тобою, сестрица?

Та приняла Майю за врача, с надеждой посмотрела на нее и сказала:

— Доктор, пылью рассыплюсь по тем дорогам, которые тебя сюда привели. Помогни. Жарко, все тело пылает, будто в тандыре¹ лежу, как полено. От жара язык распух и губы потрескались.

Салман протяжно свистнул, круто повернулся на каблуках и поспешил удалиться.

— Термометр, — попросила Майя у Керема. — Где аптечка? Есть у вас жаропонижающее?

— Ничего у нас нет, — с виноватым видом сказал Керем.

— Как нету? В степи живете, под открытым небом? Что здесь, колхозная ферма или бекское стадо? Как можно терпеть такое безобразие?

— А что я могу сделать? — ответил Керем. — День и ночь со стадами, то в горах, то в степи. Где тут думать о лекарствах...

— Требовать надо, — отчеканила Майя и встала. — Требовать от правления, от председателя, от райкома партии!

Керем смущенно улыбнулся и развел руками: он не привык к таким разговорам. У Рустамкиши требовать!.. Да он так шуганет, что ноги не унесешь.

В палатку вошел невысокий худощавый человек, представился Майе.

— Гошатхан.

Майя вспомнила, что так зовут заведующего отделом народного образования; не раз Рустамкиши по вечерам поминал его, называл упрямым из упрямец.

— Вот полюбуйтесь, — возмущенно сказала она. — Вы же районное начальство!

— Ну, какое я начальство, — ответил Гошатхан. — Был бы я начальником. Вот Салман действительно начальник. Эй, бухгалтер, иди-ка сюда!

¹ Г а р а г ё з — черноглазая.

¹ Т а н д ы р — очаг, печь.

Салман, стоявший около палатки, с брезгливой гримасой бросил окурок, затоптал его и подошел. Он слышал весь разговор и счел необходимым заступиться за Рустама.

— Ай, Керем, Керем, совесть надо бы иметь, зачем все сваливать на председателя? Председатель — такой же человек, как ты: два глаза, две ноги, две руки. У председателя — хлопок, зерновые, огороды, строительная бригада, вот Дом культуры начали сооружать, миллиончика в три обойдется! Если ты сам безрукий, то другие не виноваты...

— Хорошо твой голос звучит, да в коран ли смотришь? — тряся бородою, возразил Керем. — Лично тебе сколько раз жаловался! А ты помог, ну, скажи, помог?

— Я с себя ответственности не снимаю, — Салман решил изменить тактику. — Все мы виноваты. Да вот спроси товарища Гошатхана.

— Нет, нет, меня в свидетели не бери! — прервал Гошатхан. — Не обрадуешься. Везде скажу: и Рустам и ты чабанов за людей не считаете. Думаете, что чабаны могут и на снегу и на мокрой земле спать, кино им вовсе не нужно, а детям их и в школу можно не ходить.

Не повышая голоса, Салман выразил полное согласие со словами Гошатхана:

— А я о чем толкую? Заведующий фермой и обязан требовать для чабанов и аптечку и кино-передвижку.

За палаткой заржал жеребец, и Салман, облегченно вздохнув, снова исчез.

Больная затихла. Майя набросила на нее бурку Керема, погладила по щеке, ей хотелось хоть как-нибудь помочь несчастной женщине.

Гарагёз внесла на подносе чай, поставила на расстеленный посередине палатки ковер, но сколько хозяин ни упрасивал, ни Майя, ни Гошатхан не смогли заставить себя выпить хоть глоток.

— Вы думаете, не говорил? Говорил: «Ай, дядюшка, пятнадцать детишек школьного возраста, — жаловался Керем. — Ну что тебе стоит устроить интернат в колхозе! На худой конец давай построим в становище зимний дом, пусть учительница хоть через день навещается». Никакого внимания...

— Кто больше верблюда? Слон. А кто старше Рустама? Райком партии. Вот туда и надо было идти, — сказал Гошатхан, и снова грустная улыбка тронула его сухие бесцветные губы.

— Кто поминает мое имя?! — раздался бас Рустама. Полог отдернулся, и в палатку вошел председатель «Новой жизни». При виде Гошатхана он многозначительно хмыкнул, взбил и без того пышные усы.

А Гошатхан, не обращая на него внимания, опустил на ковер и взял стакан чая.

Салман по ржанию своего жеребца понял, что где-то близко от становища едет на серой кобылице Рустам-киши.

«О, черт, как все нескладно получается! — выругался Салман. — Хоть бы успеть предупредить, что здесь Гошатхан и Майя». И он побежал на встречу председателю.

Вчера вечером Рустам заглянул к Салману и поручил ему съездить в становище. До председателя дошли слухи, что заведующий крадет овец, активирует каждую неделю пять-шесть голов будто бы издохших или унесенных волками, а на самом деле попросту отправляет их на базар. Надо проверить книги учета, побеседовать с чабанами.

— Будет сделано, дядюшка, — заверил Салман и как бы случайно придвинул к нему рюмку коньяку.

А Назназ прямо-таки с ног сбилась, угощая гостя, улыбалась, заглядывала ему в глаза.

Рустам добавил, что собирается побывать в районе, согласовать с начальством новые, увеличенные планы, а заодно и поговорить о назначении Салмана.

— Бухгалтером ты был никудышным, никакой пользы не принес, посмотрим, что сделаешь на посту заместителя, — пошутил Рустам и подмигнул Назназ.

— На любой службе буду верным слугою. Голову, если хочешь, принесу в жертву, — не поднимая глаз, залепетал Салман.

— Ай, дядюшка, он в тебе души не чаёт и днем и ночью возносит хвалу! — с улыбкой сказала Назназ. — Имя твоё не сходит с его уст. — И, подавая гостю блюдечко кизилового варенья, смущенно призналась: — С одним я не согласна: стариком тебя называет!

— А как же меня называть? — заинтересовался Рустам.

— Ай, киши, это от нынешних парней старческой плесенью несет! Да ты моложе их, крепок, как чинара, руки, будто у пехлевана¹, грудь колесом выкаатишь — так скала рухнет. Какой же ты старик!

— Давно уж волосы мои поредели, — вздохнул Рустам. — Морщины, болезни... Пора уступать дорогу молодым.

— Лично я тебя, дядюшка, на сотню молодых не променяю! Ты лев, настоящий лев! — воскликнула Назназ. — Как свежий огурчик на грядке!

Догадавшись, что сестрица перестаралась, Салман уцепился за нее. И верно. Рустам нахмурился: «Нет ничего гаже молодящихся старичков!» И продолжил деловой разговор.

Салман до рассвета не мог глаз сомкнуть: все мечтал, как он себя покажет, когда станет

¹ Пехлеван — борец, богатырь.

заместителем. Проснулся поздно и сразу помчался в яйлаг.

Услышав, как перекликается его жеребец с игривой серой кобылой председателя, Салман оробел. Теперь Рустам подумает, что он подбирается к его невестке. Еще бы, на одном коне приехали... Конечно, подозрительная прогулка. Надо сообразить, как вывернуться.

Рустам величественно восседал на кобыле. Грудь и бока ее потемнели от пота, — как видно, Рустам гнал изо всех сил. Взяв лошадь за уздечку, Салман почтительно помог председателю спуститься на землю.

— Ай, товарищ председатель, почему же вы не на машине?

У Рустама было хорошее настроение: поездка в район, видно, была удачной.

— Разве по такой грязи проедешь? Если вы, товарищ заместитель, с таких глупых вопросов начинаете свою работу, добром это не кончится. Ну, поздравляю, поздравляю!..

Салман согнулся: то ли поклонился, то ли хотел поцеловать руку Рустама.

— До самой смерти не забуду!

— Нелегко, — продолжал Рустам, — нелегко было уломать райкомовцев. Если б не председатель райисполкома, пожалуй, ничего бы не вышло.

— Братец Калантар? — воскликнул Салман и подумал, что придется барана зарезать — отблагодарить.

— Да, Калантар вел себя исключительно умно, — подтвердил Рустам. — Так и отрезал: «С выдвижением Ширзада я пошел на уступку, а в этом вопросе прошу прислушаться к моему мнению».

— Спасибо, спасибо!

Ко всем без исключения Рустам относился недоверчиво и вовсе не собирался давать Салману волю. «Пока что это ягненок, а хлебнет власти — пожалуй, под меня же начнет поднапываться. А если снюхается в районе с братцем Калантаром, соберет вокруг себя пять-шесть членов правления, бригадиров, — и вовсе добра не жди».

— Слушай, заместитель, ты в бога веришь? — спросил он строго.

Салман замялся, почувствовал в вопросе какой-то подвох... И с отчаянной храбростью пошутил:

— Дома верю, в правлении не верю, товарищ председатель!

Довольный его находчивостью, Рустам рассмеялся.

— Теперь и дома верить нельзя! Между заместителем председателя передового, лучшего на Мугани колхоза и оставшимся нам в наследство от дедов господом богом не может быть ничего общего!

— Слушаюсь...

Салман быстро привязал кобылу, бросил ей охапку сена, сказал, что в становище гость из района, как его зовут-то, Гошатхан, что ли...

Услышав о Гошатхане, председатель оцепенел. Неужели слух о воровстве на ферме докатился и до района? Но почему прислали заведующего районо? Ему-то какое дело? Или сам вызвался, чтобы досадить Рустаму?

— Нет, он по своим делам приехал: дети чабанов в школу не ходят, — успокоил Салман, понявший, из-за чего расстроился председатель. — И Майя с ним приехала, — добавил он как бы мимоходом.

— А невестка как сюда попала?

— Определенно сказать не могу, — пожал плечами Салман. — Как будто арыки осматривала где-то поблизости.

Это объяснение было вполне правдоподобным.

— А ты что-нибудь узнал?

Салман без колебаний соврал: среди чабанов и точно идет слухок, что заведующий фермой Керем нечист на руку.

Рустам рассвирепел. Что бы о нем ни говорили, а за корыстью он сам никогда не гнался и готов был растерзать того, кто зарится на артельное добро.

— Да я ему руку отрублю! — сказал Рустам и направился в палатку.

5

Увидев, что Гошатхан спокойно чаевничает, председатель колхоза, переборов раздражение, поздоровался со всеми, опустился на ковер и вытащил трубку. Гарагёз принесла и ему стакан чая. С минуту все молчали.

Неожиданно застонала во сне больная жена Керема, и, словно эхо, откликнулась, залилась визгливым плачем в люльке Пери. Напрасно Гарагёз совала ей соску, — ребенок кричал все громче, все пронзительнее.

— Нашли тоже место, где чай пить, — поморщился Рустам. — Не зима ведь. Пойдем на волю, поговорить надо, — предложил он Керему.

Майя выбежала вслед за ним, шепнула, что жена Керема тяжело больна, нужно скорее вызвать врача. И, услышав спокойный ответ свекра, что врач приедет завтра, добавила более требовательно, что ни одного часа медлить нельзя, похоже, что у больной воспаление легких.

— Из земли, что ли, тебе врача выну! — оборвал ее Рустам. — Ничего с нею не случится, ты ее с собой, горожанкой, не сравнивай. Народ крепкий.

— Дайте мне лошадь, сама поеду.

— Товарищ инженер, не волнуйтесь, самое большее через час врач прибудет, — раздался позади них спокойный, как всегда, голос Гошатхана.

Рустам обернулся.

— А ты зачем сюда приехал?

— Ну, уж это мое дело, — невозмутимо ответил Гошатхан.

Он подошел к спящему шоферу и разбудил его.

— Быстренько, милый мой, быстро... Езжайте домой и привезите сюда мою жену. Да скажите: тут тяжелобольная, пусть захватит лекарства, — сказал он. — Детишек чтобы к соседке отвела; может, здесь и заночуем...

— Не впервой, — ответил шофер, зевнул и побежал к стоявшему в камышах «газику».

Жена Гошатхана работала врачом в районной больнице, и такие экстренные поручения были хорошо знакомы шоферу.

Не обращая внимания на Гошатхана, Рустам пошел к загону. Там было грязно. Это не понравилось председателю, но он промолчал, только бросил гневный взгляд на Керема. Перешагнув через камышовую изгородь, Рустам взял на руки курчавого золотисто-желтого ягненка, ласково погладил, и лицо у председателя снова стало добрым, сразу видно: любит человек животных. Он шуганул трех крохотных баранчиков, лежавших у входа в загон, — двое резво умчались, а третий, как ни старался, не смог подняться. Рустам нагнулся, помял ему ноги, живот, заглянул в загнотившиеся глаза.

— Заболел?

— Да нет, мать его не подпускает, молока не дает, — ответил Керем.

— Значит, надо ноги связывать! Не знаешь, что ли? Был зоотехник? — отрывисто допрашивал председатель. — Ведь баранчик дня через два сгорит! Смотри, за падеж головой ответишь...

Майя была удивлена. Ну как понять этого человека? Только что проявил полное равнодушие к больной женщине, а теперь расстроился из-за слабого ягненка. Ища сочувствия, она посмотрела на Гошатхана, но тот давным-давно знал характер Рустама, ничему не удивлялся и невозмутимо прохаживался около загона.

— Грязь какая! — распекал Керема председатель. — Тысячу раз твердил: нельзя ягнят держать в грязи!

— Завтра переведем в новый загон.

— «Завтра, завтра...» — передразнил Рустам-киши. — Только о своем брюхе беспокоитесь! А сегодня, значит, ягнята должны ходить по колена в навозной жиже. Где тут получить по сто тридцать ягнят от сотни овец, — восьмидесяти не сохраним! — Спыхватившись, что этот откровенный разговор идет при Гошатхане, он напустился и на него: — А ты лучше бы в глаза говорил, что думаешь, а не распускал бабьи сплетни!

— Э, Рустам-киши, в глаза, за глаза, — какая разница! Одно и то же говорю. А ты не кипятишься! — небрежно ответил Гошатхан. — Не огонь ведь, не спалишь...

— Ну, хорошо, — медленно сказал Рустам. — С тобой будет особый разговор.

— Поговоришь — спасибо, промолчишь — все равно отвечать придется. А угрожать не надо.

— Понимаю, что на таких, как вы, угрозы не действуют! Чего дождя остерегаться тому, кто давно промок! И этот вот тоже, — он ткнул пальцем в Керема, — достойный сынок тетушки Телли, совесть потерял! Овцы у него, видишь, дохнут каждую неделю... Набаловался, видно, шашлыки жрать из колхозных баранов.

Керем словно ужаленный рванулся вперед, и Майя подумала, что он кинется на председателя и завяжется драка. Но чабан сдержался, сказал сквозь зубы:

— Велика твоя власть, товарищ председатель, но оскорблять честных людей и тебе не разрешается... Комиссию присылай. Подтвердится клевета — накажи, не подтвердится — пеняй на себя! Тогда уж будь здоров!

— Проверим, проверим. А сейчас одно запомни: даже с помощью Гошатхана тебе не пошатнуть мой авторитет в народе.

— Сам ты потерял свой авторитет, — спокойно возразил Гошатхан. — Ослеп на оба глаза, оглох на оба уха, никого, кроме себя, не уважаешь, не ценишь. Ну, какой бы укус ни был, но и тот выдыхается!

— У тебя язык-то длиннее лисьего хвоста, — огрызнулся Рустам и крикнул: — Подайте коня Майе!

Майя обрадовалась. Ей было и стыдно и скучно наблюдать перебранку свекра с окружающими. Если бы не Рустам, она непременно осталась бы ухаживать за больной, сделала бы все, что в ее силах... Поцеловав Гаратёз, она сдернула с головы шелковую косынку, накинула на кудри девочки. Прощаясь с Керемом, Майя сказала, что обязательно приедет проведать его жену. Ей очень хотелось пожать руку Гошатхану, но она не решилась и только с улыбкой кивнула ему.

Рустам-киши с седла наблюдал с мрачной усмешкой за этим прощанием.

— Чем сплетни-то собирать по зернышку, лучше чабанам газетку бы прочитал! — крикнул он Гошатхану и, обращаясь к Керему, сказал: — Прикажи подать невестке смирную лошадь.

Салман помог Майе влезть на коня, при Рустама-киши он особенно осторожно прикасался к ней, как к кувшину с драгоценным вином, — только бы не разбить... Но едва он отпустил поводья, смирная лошадь так и шарахнулась в глубокую лужу, обдала его жидкой грязью и, закусив удила, начала плясать на месте.

У Майи лицо стало блее бумаги.

— Что стоишь, как баран? — рассердился Рустам на Салмана. — Держи удила!

Салман только и ждал этого: схватил поводья лошади, успокоил ее и, вскочив на своего жеребца, тронул стремена.

Рустам всегда думал с досадой о женитьбе сына.

Вся беда в том, что Гараш, мягкий, скромный, не выходивший из родительского повиновения, выбрал себе в суженые девушку боевую, языкастую. Такая, как Майя, живо оседлает мужа и поедет, куда ей захочется. Да и красавица!

Если бы красивая невестка сделалась заботливой домохозяйкой, стряпала мужу обеды и вязала свекру шерстяные носки к зиме, тут не было бы ничего худого. Вернулся усталый Гараш с поля, а красивая холеная женушка смиренно льет ему воду из кувшина на руки, хлопчет, усаживает за стол.

Но ведь в Майю словно бес вселился, всем интересуется, всюду сует нос. Да и профессия у нее такая, что вечно приходится быть среди людей. Была бы бухгалтером — сидела б под надзором Салмана. А такую неугомонную, пожалуй, скоро назовут «активисткой», голос ее прозвучит с трибуны разных там пленумов и совещаний. В Баку, не ровен час, пошлют, а там, конечно, найдутся поклонники, и чем все это кончится, — один бог знает. Нет, зачем зря говорить, Майя — порядочная женщина, Рустам это признает: ни на кого не взглянет, предана Гарашу, но ведь все-таки она женщина, мужское внимание и ее может сбить с толку. Краем глаза Рустам подсмотрел, как милю улыбнулась Майя, кивнув на прощанье Гошатхану. Нет, пока не поздно, требуется собрать в кулак вожди. А Гараш, как баран: глазами хлопает, женою не налюбуется. Погоди, придется еще с досады пальцы кусать.

Сжимая ногами бока серой кобылы, председатель мчался по степи, бормоча в усы проклятия Гошатхану, Гнедой жеребец Салмана шел почти рядом. Когда Рустам взглядывал на неподвижное, будто каменное лицо Салмана, ему становилось легче на душе: вот такой человек никогда не позволит себе лишний раз взглянуть на Майю. Салману нравится Першан, он мечтает породниться с Рустамом, войти в его дом. Чтобы оградить Майю от всех соблазнов, нужно окружить ее такими преданными друзьями, как Салман. «А годика через два-три, — подумал Рустам, — заведутся детишки, привыкнет к своему очагу и самой надоест шагать по степи, запросится в канцелярию...»

Из-под копыт лошади вылетела серая птица, испуганная кобыла взвилась на дыбы, но Рустам кулаком ударил ее между ушей, проворчал сквозь зубы: «А, будь ты проклята!» И лошадь покорно перешла на ровный галоп.

А гнедой жеребец легко, без понукания нес Салмана, задвигаясь ржанием умоляя игривую кобылу хоть разок оглянуться. Салман молчал. Он был тронут заботами Рустама: до района дошел, а добился-таки своего. Салман — заместитель председателя «Новой жизни»... Да, за такого по-

кровителя надо цепко держаться. Теперь бы уломать упрямую Першан и поскорее сыграть свадьбу. Но разве Салман любил ее? Об этом он не задумывался, не придавая чувствам никакого значения. С тех пор как он впервые увидел Першан, сердце его ни разу не дрогнуло; он не бродил ночами по улицам, мечтая о Першан; он не страдал от одиночества в те дни и даже недели, когда не встречал Першан; он не глядел в небеса, чтобы в блеске звезд узнать смеющиеся глаза Першан; он не видел в молодой полнолуной луне облика Першан; он не чувствовал ее дыхания в свежем степном муганском ветерке. Она была дочерью председателя колхоза — стало быть, на ней стоило жениться. Семья Рустама-киши — прославленная зажиточная семья, окруженная в Мугани уважением, очень выгодно породниться с ней. В тени, бросаемой высоковетвистой чинарой — Рустамом-киши, можно привольно жить и возвыситься.

Салмана несколько не беспокоило, что по-настоящему его волновала не Першан, а Майя. Сейчас, когда впереди маячила величественная фигура Рустама-киши, Салман поневоле крепился из последних сил, чтоб сохранить на лице бесстрастное выражение, а про себя думал: «Женись на дочке, позабавься с невесткой, стань хозяином всего дома Рустамовых! Разве справедливо, что такая сладкая сочная груша досталась ротозею Гарашу? Смелее! Майя, должно быть, податлива. Горожанки не так тверды, как наши деревенские девушки. Скоро она разочаруется в муже — и станет твой черед...»

7

— Товарищ Салман, почему у нас в колхозе до сих пор нет электричества? — неожиданно сказала Майя. — Ведь линия из Мингечаура проходит совсем рядом.

Салман ответил, из осторожности почти не разжимая губ, хотя скакавший впереди Рустам-киши упорно не оглядывался.

— Уважаемая ханум, многого нам не хватает. Конечно, во всем сами виноваты, а больше всех я. Свекор ваш стареет, силенки у него уже не те... А жизнь без электричества — какая жизнь! Проябаний! Даю слово, что через два-три месяца проведем свет.

— Ну, раньше почему об этом не думали?

— Дерево само по себе не вырастет, — поливать надо. Значит, и со светом надо было возиться, хлопотать, работать! У дядюшки Рустама две руки; то туда, то сюда, не разорваться ж ему! За хлопок взялся — с зерновыми беда. Ну, теперь все исправится. Ваша инициатива, ханум, а мой труд, и осенью наше село, будто электрическое солнце, осветит всю Мугань.

— Да я вам охотно помогу! — воскликнула Майя. — Приходите, не стесняйтесь. Буду считать это партийным поручением.

То ли Рустам услышал голос невестки, то ли серая кобыла притомилась под тяжелым седоком, но он перевел на шаг взмыленную лошадь.

— О чем толкуете? — спросил он.

— Ваша невестка, дядюшка, интересуется, почему нет электричества в деревне, — ответил Салман.

— Будет, будет и электричество, — заверил Рустам. — Разбрасываться нельзя. Хозяйство прежде надо укрепить. Вот миллиончика два-три накопим в банке, тогда и за свет возьмемся. Трудно мне было одному, дочка, за всем следить. Господь бог горные хребты воздвиг; значит, понимал, что и горе в одиночку стоять скучно. А я все один да один.

— Салман тоже про это говорит, — просто душно сказала Майя.

— Что я, весь народ признает, что один Рустам-киши возродил наш колхоз, — добавил Салман.

— Не подражай Ярмамеду, не заставляй меня на старости лет краснеть, — сказал Рустам и, увидев, что Салман потупился, добавил мягко: — Поздравь, дочка, товарища Салмана: он назначен моим заместителем!

— Вот это замечательно!

— Что тут замечательного, — не поднимая глаз, вздохнул Салман. — Боюсь, не справлюсь, не оправдаю лестного доверия дядюшки Рустама.

— Ладно, — заворчал Рустам. — Ты лучше скажи: кого бы позубастее послать на проверку фермы? А то Керем за ночь все концы спрячет — не придерешься.

— Не вижу более достойного, чем Немой Гусейн, — сказал Салман, не задумываясь. — Он в степи отыщет и положит вам на стол кость ягненка, из которого два года назад жарили шашлык!

Майя представила темную палатку, близнецов в люльке, больную жену Керема, красавицу Гарагёз, и сердце ее сжалось.

— Керем вовсе не похож на жулика, — сказала она.

Исподлобья покосившись на болтливую невестку, Рустам резко бросил Салману:

— Сегодня же в ночь пусть Гусейн и еще два члена ревизионной комиссии начинают проверку. Анонимное письмо тебе завтра дам. Да пусть пошевеливаются, срок — неделя, не больше!

— Слушаюсь, — по-военному отчеканил Салман.

Рустам-киши хлестнул кобылу плетью по крутому боку и помчался по дороге, пригнувшись к шее скакуна.

А Майя, глядя ему вслед, задумалась. Рустам-киши представлялся ей сейчас в виде огромного обломка скалы, сброшенного бурей на самую се-

редину проезжей дороги. Многим пешеходам мешает этот обломок, а они молчат, обходят стороной, хоть и неудобно... Как прожила с таким тяжелым человеком всю жизнь бедняжка Сакина? Когда Рустам-киши разговаривает с кем-нибудь, собеседник задыхается, словно в комнате не хватает воздуха. А как он кричит на подчиненных! Добрый хозяин с конем обращается лучше. Тяжело захворала жена Керема, Рустам и бровью не повел: у муганских женщин, мол, бычье здоровье. А по сути выходит: умрет — так умрет, мир от этого не изменится.

Майя вспомнила столетнее дерево в институтском саду. Ветви его были обломаны бурями, листья опали ранней осенью, когда рядом еще буйно зеленела листва... Пришел старичок садовник, выскоблил гниль, срезал засохшие сучья, выскреб из трещин личинок, гусениц, смазал чем-то кору, проредил крону, — и случилось чудо: весной дерево помолодело, так и брызнуло свежей клейкой листвою.

Но кто поможет Рустаму переродиться? Может быть, Салман? Майе казалось, что Салман полная противоположность ее свекру: отзывчивый, любезный, и характер у него мягкий... Если подружиться с такими игитами, как Салман, то можно было бы и повлиять на Рустама-киши и много сделать в колхозе.

По грязной деревенской улице усталый жеребец Салмана плелся шагом. Стоявшие около домов женщины зашептались:

— Эй, глазам не верю, Салман едет стремя в стремя с невесткой Рустама!

— Да, это не женщина, а украшение дома!

— Лампа не нужна в той комнате, куда вошла такая светлая красота!

Салман всем своим озабоченным, деловым видом старался показать, что если впереди возвращается с поля сам свекор, то нет ничего удивительного и в том, что невестка едет рядом с колхозным бухгалтером.

А Рустам уже въехал во двор, и выбежавшая на веранду Першан позвала мать:

— Мама, мама, гляди-ка, отец в седле — вылитый Кер-оглы!..¹ Хотя тебе вредно им любоваться, голова закружится...

— Помолчи, а то язык язвами покроется! — добродушно огрызнулась Сакина.

Залился волкодав, гремя цепью, и во двор влетел припороженный Салманом гнедой жеребец.

Тут Першан и вовсе развеселилась.

— Братец! — звонко закричала она. — Братец!.. Беги скорей, посмотри, как сестренка сидит на коне! Да это не барышня — игит! А коротышка Салман у нее на буксире!..

Отцу не понравилась развязность Першан. Не к лицу это девице на выданье.

¹ Кер-оглы — герой азербайджанского народного эпоса (XVI в.)

Майя спрыгнула с коня, поцеловала Першан и поспешила навстречу выходящему из сада мужу. Гараш показался ей прекрасным в эту минуту — стройный, в ватных брюках, в желтой рубашке с засученными рукавами, с испачканными землею руками.

— Что ты сажал? Лук?

— Нет, цветы. Белые лилии.

Майя привстала на цыпочки, обняла мужа за шею и поцеловала его. Какой Гараш заботливый, внимательный! Запомнил, что когда-то она мечтала о лилиях.

Гараш смутился, нежно, но твердо отвел ее руки. При родителях и посторонних такие супружеские нежности неприличны.

Передав поводья лошади Салману, стоя среди двора, широко расставив ноги в перемазанных глиной сапогах, Рустам поманил к себе сына. А когда Гараш подошел, отец, не стесняясь присутствием Салмана, раздраженно сказал:

— Сынок, вырос ты на моем хлебе, вскормлен молоком своей матери Сакины. Ты же не из тех, которые без рода, без племени, не знают где, под чьим крылом выросли. Вот тебе и говорю: пока не поздно, натяни покрепче вожжи в своей семье.

И, не глядя ни на кого, взошел на крыльцо.

8

Майя, уткнувшись в подушки, разбросанные на тахте, судорожно рыдала. Сакина и Першан утешали, как могли, а она сквозь слезы жаловалась:

— Чем я виновата, что мать не поднесла свечу к моему лицу в день свадьбы? Что отец не благословил меня? Такая им выдалась доля... Не то что у человека, — у птиц и зверей есть родители!

— Ничем ты, доченька, не виновата, успокойся, утри свои ясные глазки, — убеждала Сакина. — Возьми меня в матери! Пусть мне в жизни ни разу не улыбнуться, если я люблю тебя меньше Першан и сына. Да не обращай ты внимания на старика. Работа у него тяжелая, жилы из себя тянет, вот и болтает, что в голову придет. А потом сам же и раскисается.

Першан гладила руку Майи и шептала:

— Не успокойсь — вот клянусь жизнью брата, сама стану вопить во все горло. И замуж не выйду! До конца своих дней из дома не выйду! И вся вина на тебя одну упадет!

Гараш стоял в темном коридоре, у дверей, все слышал, но чувствовал, что нет у него сил войти в комнату. Сердце разрывалось от боли.

Он слушал, как, немного успокоившись, Майя рассказывала матери и Першан хорошо знакомую ему историю своей жизни.

...Какими словами рассказать о тебе, детство? Ведь и у Майи оно было светлым вначале.

Морозные зимы, сугробы выше крыш, вьюги, заматавшие все дороги и тропы; летние грозы,

когда от раскатов грома колебалась вся земля; затяжные осенние дожди, свист ветра, и непроходимые дремучие леса, с буреломом, с топкими болотами, брусникой и клюквой... Все это с первых дней жизни окружало девочку-азербайджанку, родившуюся в небольшом подмосковном городке.

По вечерам отец возвращался домой, стряхивал снег с шинели. Гейбат-кули был красивый рослый офицер, девочка любовалась им, с замислением сердца следила, как он прятал в шкафу пистолет в кобуре. С таким отцом Майя не боялась никого на свете, ни фашистов, ни волков!.. Ну-ка, подступись!

Следом за ним приходила из госпиталя мама, усталая, но добрая, ласковая, и, укладывая дочку спать, пела задушевные азербайджанские песни, склоняясь над кровью и перебирая пальцами шелковистые волосы Майи.

А потом поехали в Ленинград. Путешествие казалось девочке сплошным праздником. Отец всю дорогу играл с ней, а мама почему-то была грустная: то ли жаль было покидать насиженное уютное гнездо, то ли чувствовала, что приближается война.

Весело было Майе ехать в легковой машине по лесной дороге и прощаться с соснами: не забывают нас, красавицы! Весело смотреть, как прощался на перроне с товарищами отец. Смуглолицый муганец, он был выше всех, стройнее всех. Весело смотрел на проносившиеся мимо леса, поля, деревни.

И в Ленинграде жили хорошо, Майя училась в первом классе и гордилась пятерками в школьных тетрадках. Но не прошло и года, как началась война.

Началась-то она, как показалось Майе, тоже очень интересно: девочку принарядили, красиво причесали, завязали волосы огромным розовым бантом, но повезли не на елку и не в театр, а в фотоателье. Там она сидела на коленях у мамы, смяв ее праздничное платье, а отец, в новой парадной форме, затянутый скрипящими ремнями, держал Майю за руку. Фотограф попросил: «Улыбнитесь!» — но ни у отца, ни у мамы веселой улыбки не получилось. Зато Майя сняла.

Отец так и не увидел этого снимка, в тот же вечер уехал на фронт. А осенью, когда уже начались занятия в школе, мама получила извещение, зарыдала, повалившись ничком на диван, и назвала Майю сироткой.

— Да ты не плачь, не плачь, — утешала ее Майя. — Скоро папа перебьет фашистов и вернется! А чулки я сама заштопаю, только не плачь...

Но отец не вернулся, а мама дни и ночи пропадала в госпитале, вражеские самолеты сбрасывали на город бомбы и «зажигалки», вспыхивали пожары, и однажды Майю отвезли на вокзал. Там было много детей с вещевыми мешками за

спиной и свертками в руках, и заплаканные матери через силу улыбались им. В вагоне мама усадила Майю на скамейку, отдала ей ту, последнюю фотографию и сказала:

— Храни, дочка! Последняя память об отце, обо мне.

Вагон тронулся, а мама осталась на перроне, и это было так страшно, что Майя захлебнулась слезами и заколотила кулачком по оконному стеклу.

А мама бежала за вагоном и кричала:

— Не плачь, цветок мой, увидимся!

Поезд с ленинградскими детьми добрался до Казахстана, там Майя училась, и когда перешла в шестой класс, война закончилась, но из Ленинграда к ней не дошло ни единой весточки от матери.

А после войны ее привезли в Кировабад, там она жила в детском доме, закончила среднюю школу, а потом сельскохозяйственный институт.

Фотография, — память об отце и матери, — потерялась во время переездов.

9

Гараш перевел дыхание и вошел к Майе.

— Иди, иди скорее! — позвала его Першан, лежавшая на тахте рядом с Майей. — Сестрица так интересно рассказывает!

Першан усадила Гараша на тахту, обложила со всех сторон мягкими подушками.

— Да о чем рассказ-то?

— О моей жизни, — печально улыбнулась Майя. — Ты ее давно знаешь.

— Теперь уже о другом толкуем, — весело перебила Першан. — Выйти ли мне замуж или старой девой остаться, на твоём иждивении...

— «Замуж, замуж...» — передразнила дочку Сакина, чтобы хоть как-то отвлечь Майю. — Жаль мне свекровь, в дом которой войдет такая шальная невестка! Да умный мужчина и не подпустит тебя к своему очагу...

— Ну, и черт с ними, с мужьями! — взвизгнула Першан. — И без них проживу! А если выйду, то за одинокого, чтобы никакой свекор надо мной не измывался!

Майя улыбнулась сквозь слезы и, посмотрев на Гараша, сказала:

— Будь у меня брат, без колебаний отдала бы тебя за него! Ты хорошая, очень хорошая.

— Ну, если брата нет, так на худой конец найди знакомого, — рассмеялась Першан. — Только без свекра. Это неперемное условие. И сватай как можно скорее!

— Ханум, что за спешка! — изумленно спросил Гараш. — Ведь сейчас клялась, что останешься старой девой.

— Да уж конечно за такого тюфяка, как ты, не вышла бы! — ответила Першан, посмеиваясь.

«Ну, как будто все уладилось», — с облегчением подумала Сакина, вытерла краем передника мокрые глаза и пошла в столовую.

За столом сидел Рустам, обрюзгший, злой, а Салман стоял у дверей.

— Значит, завтра вечером соберем бригадиров, снова заслушаем их сообщения о подготовке к весеннему севу. Ну, и проследи, чтобы ревизоры утром же выехали на ферму, — говорил Рустам.

— Слушаюсь. Какие еще будут приказания?

— Пока все. Иди.

Салман поклонился Рустаму и Сакине — та холодно кивнула в ответ, — и вышел.

Будто не замечая жены, Рустам прочистил трубку, сосредоточенно, неторопливо, не поднимая глаз, а Сакина ждала, когда муж заговорит, и, не дождавшись, сказала с упреком:

— Ай, киши, как у тебя вырвалось такое черное слово!

— Ты бы внушила невестке правила приличия. Так-то лучше будет. Она должна вести себя достойно. У нас в доме свои порядки. А не хочет их соблюдать — скатертью дорога!

— Какой же недостойный поступок совершила невестка? — недоуменно спросила Сакина.

— При чужих людях, при нас с тобою целовать мужа, это как, по-твоему, прилично?

Сакина хотела напомнить, что лет двадцать пять назад молодой Рустам, не киши, а просто Рустам, обнял ее на огороде при всем честном народе и расцеловал, но промолчала. Все равно ничего не поймет... Киши!

— Они молодые, кровь бурлит, если и делают ошибки, надо прощать. Мы с тобою, киши, уже прожили свой век, теперь настало их время. Кто нам дал право из-за пустяков отравлять им жизнь? Наш долг быть терпеливыми. Это стариковский долг, но что поделаешь. А если начнутся у нас в доме ссоры, то молодые порвут все семейные нити.

— Порвут — им же хуже! — беспощадно заметил Рустам. — Ад принадлежит господу богу, а этот дом — мне, если не ошибаюсь. Потеряла кобыла подкову на дороге, так больно ступать кобыле, а дороге — что!

10

Гараш рано проснулся, в комнате стоял полумрак, над покрытой туманом Муганью едва-едва поднимался тусклый рассвет.

Закинув руки за голову, вытянувшись, он думал, что сегодня начнется пахота на большом поле. Шарафоглу поручил его бригаде перепахать около ста гектаров. Но ведь там уже взошли озимые, а почему-то этот массив включен в план весеннего сева... Ну, включен так включен, это дело начальства. Трактористам надо поскорее

управиться с планом, нормы перевыполнить и сберечь горючее.

Он вспомнил вчерашний вечер, и рассказ Майи, и слова Сакины, которые он слышал, стоя за дверью. «Не тоскуй, девочка, считай меня навсегда своей матерью!»

Но когда молодые остались одни и не только дом Рустамов, но и вся деревня погрузилась в ночную тишину, Майя печально спросила мужа:

— Чем же в конце концов все это кончится?

И Гараш, опустив голову, ничего не ответил, хотя было ему ясно, что пора отделиться от отца, строить свой дом.

Бесшумно одевшись, в чулках, чтобы не разбудить жену, он вышел на веранду, там натянул сапоги, взял из шкафа хлеб, сыр, масло. Думая, что все в доме спят, он и по лестнице спускался на цыпочках, но, выйдя во двор, вдруг увидел отца и растерялся.

Отец, в нижней рубаше, в мягких туфлях, небритый, с седой колючей щетиной на щеках, стоял среди двора, задумчиво глядя на серое небо.

Почти всю ночь Рустам не спал. Вначале он забылся, едва положил голову на подушку, задремал, но неожиданно кто-то будто взял его за плечо, встряхнул и разбудил. Рустам ворочался, вставал, пил воду, расхаживал по комнате и снова ложился, но сомкнуть глаз уже не мог.

И тот, кто разбудил его, сказал строго: «Тебе спать не полагается. Тебе надо подумать о своей жизни, о судьбе». — «Почему же мне не спать? — удивился Рустам. — Я честный человек, ни разу украденного хлеба не ел, вся моя жизнь прошла в труде и заботах». — «Да, ты не вор, — согласился с ним невидимый собеседник. — Но ведь этого мало. В тебе нет любви к людям. Сердце твое будто каменное. Люди стараются избегать тебя». — «Нет, меня избегает лишь тот, кто застал в душе постыдные помыслы». — «Неправда. В душе Майи нет ни малейшего грязного пятнышка. Может быть, чабан Керем хочет занять

твое председательское место?» — «Если ревизия покажет, что Керем невиновен — первый пожму его руку. О невестке разговор особый...» — «Но ведь ты сам видел; больна жена Керема, дети в грязи и холоде, без присмотра. Чем же они виноваты? А если бы твоя Першан, твоя любимица, вот так же в беспамятстве валялась на рваном тюфяке в палатке? Теперь ты смутился?»

До самого рассвета Рустам спорил с незримым согладатаем, которому странным образом были известны мельчайшие подробности его жизни и даже тайные побуждения, а когда по-светлело в окнах, отбросил одеяло и вышел во двор. Кто это укорял его всю ночь напролет? Совесть?

Заскрипели ступеньки лестницы, показался Гараш, с привычным почтением пожелал отцу доброго утра.

— А я тебя жду, — сказал Рустам и, показав на пестрого петуха, мчавшегося за испуганным белокрылым цыпленком, распорядился: — Сегодня же вечером зарежь этого забияку — и в котел! Совсем загонял цыплят, молодым петушкам в кровь гребни исклевал. Настоящий разбойник с большой дороги.

Сын коротко сказал: «Слушаюсь», — не без удовольствия посмотрев на украшенного шпорами и кивером вояку, шуганул его:

— Чтоб ты сгинул!..

Гараш чувствовал, что отец хочет что-то еще ему сказать. Но спрашивать не положено, нужно терпеливо ждать.

И верно, Рустам, как бы между прочим, сказал:

— Возьми-ка «победу» и поезжай в степь. Жена Керема больна. Отвези ее в больницу.

Гарашу следовало бы напомнить отцу, что через час начнется пахота, но он молча взял ключ от сарая, где стояла машина.

*Перевод с азербайджанского
Виталия Василевского*

(Окончание следует.)

Зав. редакцией В. Ильинков

Редактор Е. Борисова

Сдано в набор 19/1 1959 г. Подписано к печати 10/II 1959 г. А-00319. Бумага 84×108¹/₁₆. 5,25 печ. л. — 8,61 усл. печ. л. 11,19 уч.-изд. л. Тираж 500 000 экз. Заказ № 703.
Гослитиздат. Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Обложка отпечатана на 1-й фабрике Офсетной печати. Управление полиграфической промышленности Ленсовнархоза.

2 р. 25 к.

14

ГОСЛИТИЗДАТ

1959